

Индекс П8643

3
2021

РОССИЯ XXI 2021 3

РОССИЯ XXI

3.2021 май-июнь

Геоглобалистика

Левон Сафарян

Новый этап курдской борьбы в Ираке.
Противостояние с Саддамом Хусейном
и образование Курдского автономного района _____ 6

Страницы истории

Александр Соколов

Браки династии Романовых как проблема
антропологического антагонизма (XIX –
начало XX в.) _____ 24

Алла Морозова

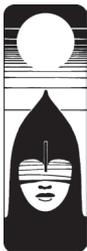
Путешествие на Марс и марсианское
общество глазами землянина в произведениях
П.П.Инфантьева и А.А.Богданова _____ 36

*Любовь Писарькова,
Мария Горячева*

Жизнь в деревне и шахтерском поселке
в первой четверти XX века.
Из биографической повести
Ф.А.Писарькова «Мои родители» _____ 60

Дмитрий Рублев

Автор концепции «вольных Советов»:
жизнь и идеи Максима Раевского _____ 84

Национальная доктрина

Игорь Татаринов

Трансформации
статуса и административно-
территориальных рубежей Тавриды
в 1774–1917 гг. _____ 114

Актуальный архив

Андрей Марчуков

Украинизация под пятой оккупантов.
Германские нацисты и украинские
националисты (Юго-Восток УССР,
1941–1944 гг.) _____ 134

Редакционная почта

Даниэль Камари

Капитализм и идеология _____ 162

Contents in English look at the page 176

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).
Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типोगрафии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Борьба есть условие жизни:
жизнь умирает, когда
оканчивается борьба.

Виссарион Белинский

Когда защищаешь свое
последнее достояние –
средств не разбираешь.

Лев Шестов

Левон Сафарян

НОВЫЙ ЭТАП КУРДСКОЙ БОРЬБЫ В ИРАКЕ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ С САДДАМОМ ХУСЕЙНОМ И ОБРАЗОВАНИЕ КУРДСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА*

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК

94(5)

В статье рассматриваются ключевые события развития курдского движения в период диктатуры Саддама Хусейна. Анализируются основополагающие причины обострения отношений между Багдадом и курдским населением в указанный период. В условиях осложнения геополитического регионального и международного положения Ирака и ухудшения внутривнутриполитической ситуации в стране закономерно обострился курдский вопрос. Также рассмотрены предпосылки создания Курдского автономного района (КАР) и последствия для курдского движения в Ираке.

The article discusses key events in the development of the Kurdish movement during Saddam Hussein's dictatorship. It analyzes the underlying reasons for the exacerbation of relations between Baghdad and the Kurdish population. With the complication of Iraq's geopolitical regional and international situation and the deterioration of the internal political situation in the country, the Kurdish question has naturally worsened again. The article also discusses the background of the creation of the Kurdish Autonomous Region (KAR) and the implications for the Kurdish movement in Iraq.

Ключевые слова: курды; Ирак; Иракский Курдистан; Саддам Хусейн; Курдский автономный район (КАР); Масуд Барзани; Джаляль Талабани.

Key words: Kurds; Iraq; Iraqi Kurdistan; Saddam Hussein; Kurdish Autonomous Region (KAR); Masoud Barzani; Jalal Talabani.

E-mail: s-levon99@mail.ru

*Продолжение. Начало см.: Россия XXI, №2, с. 6.

**Курдское население
перед лицом новых вызовов**

К 1979 г. порядка 350 тысяч курдов были переселены в центральные и южные районы Ирака, а 250 курдских деревень были фактически

уничтожены [8, с. 135]. В условиях продолжавшихся репрессий курдские партизаны в 1976 г. возобновили боевые действия, в ответ на которые в 1978 г. иракская армия развернула широкомасштабные военные операции. Значительным ударом для всего курдского движения, которое раскололось еще в 1975 г., стала смерть в марте 1979 г. Мустафы Барзани в США. В таких условиях с учетом агрессивной политики Саддама Хусейна и глобальных политических катаклизмов на всем Ближнем Востоке в тот период курды входили в решающую фазу противостояния с Багдадом. Ситуация осложнялась столкновениями ДПК с Рабочей партией Курдистана (РПК), которая разместила военные лагеря на турецко-иракской границе. Турецкие курды из РПК обвиняли своих иракских собратьев в том, что их движение являлось «мелкобуржуазным, лишенным революционного содержания, способным бороться только за автономию, а не за независимый и единый Курдистан» [7, с. 220]. Этот фактор приводил к вмешательству Турции: турецкие части нередко осуществляли военные операции против курдских отрядов РПК на территории Иракского Курдистана в соответствии с положениями соглашения между Багдадом и Анкарой от 1982 г.

С началом же кровопролитной ирано-иракской войны 1980–1988 гг. обострилось и противостояние между ДПК и ПСК, наиболее ожесточенные столкновения были отмечены в 1982–1983 гг. Вместе с этим при начавшихся неудачах иракской армии Хусейн, используя обвинения против курдов в их предательстве и сотрудничестве с иранскими войсками, решил пойти на радикальное решение курдской проблемы в Ираке. В период с 23 февраля по 6 марта 1988 г. иракские власти провели серию военных операций под названием «Анфаль» («Добыча» – название восьмой суры Священного Корана) [2, с. 12]. Причем впервые применение химического оружия против курдов было зафиксировано еще в мае 1987 г. Самой жестокой считается газовая атака в Халабдже в марте 1988 г., в ходе которой было убито порядка 5 тысяч человек. Всего же в период 1987–1989 гг. под руководством генерала Али Хасана аль-Маджида в соответствии с планами уничтожения и депортации курдского населения было убито 100–182 тысячи курдов, разрушено 4 тысячи курдских деревень. За особую жестокость аль-Маджид, являвшийся к тому же двоюродным братом Саддама Хусейна, получил прозвище «Химический Али».

Курдские беженцы в Ираке

ДПК и ПСК на пути к компромиссу

Названные факторы вкупе с чередой серьезных поражений от иракских частей заставили ДПК и ПСК начать переговоры еще в 1987 г., участниками которых стали и другие более мелкие курдские организации. После химических атак и жесточайших репрессий в отношении курдского населения в период ирано-иракской войны в мае 1988 г. было объявлено о создании единого Фронта Иракского Курдистана (ФИК). Эта организация должна была координировать действия курдских отрядов против центральных властей в Багдаде, а также – боевиков из числа РПК и частей турецкой армии, вторгавшейся на территорию Южного Курдистана для проведения своих операций. Перед лицом надвигавшихся событий в регионе курды получали исторический шанс.

Как известно, в 1990 г. Ирак начал войну против Кувейта. Не вдаваясь в подробности причин, побудивших Саддама пойти на такой шаг, необходимо отметить, что к началу 1990-х гг. Хусейн контролировал ситуацию на севере страны. Однако курдские лидеры, в том числе Джалаль Талабани, справедливо увидели в начавшейся войне шанс на свержение режима в Багдаде. Уже в марте 1991 г. в ходе дезорганизации и некоторого хаоса в Ираке курдские отряды перешли в наступление, установив

контроль над территорией проживания курдских племен с центрами в Сулеймании, Мосуле и Эрбиле, а также – Киркуке, хоть и на определенный срок. Силы ФИК фактически контролировали всю территорию Иракского Курдистана. Однако после вмешательства внешних сил в агрессию против Кувейта и разгрома иракской армии в ходе операции «Буря в пустыне» (январь–февраль 1991 г.) Саддам предпринял меры по стабилизации своего режима: подавив восстания шиитов, Хусейн продолжил репрессии против курдов. В результате военных операций иракских частей около 200 тысяч курдов бежали в Иран и Турцию, а более 2 миллионов из них стали внутренними беженцами [7, с.222].

Особо активизировались требования Талабани и Масуда Барзани (сын Мустафы) в адрес США, хотя в Вашингтоне не решались на проведение полномасштабной военной операции против Багдада с целью свержения Саддама. Однако американская сторона с того времени получила в лице курдов важного союзника в будущем. Спасительной для курдского населения стала резолюция СБ ООН №688, согласно которой устанавливалась зона безопасности севернее 36-й параллели – из нее выводились все иракские войска, что привело к переходу Дохука, Эрбиля и Сулеймании под контроль сил ФИК. Как справедливо отметил американский исследователь Р.Олсон, образование «Свободного Курдистана» «стало важным шагом создания де-факто мини-государства. Создание такой зоны, защищаемой ООН, преимущественно силами Европы и Америки, стало первым в истории случаем, когда международные силы развернулись, чтобы защитить курдов» [14, с. 11]. При этом стоит подчеркнуть, что

Масуд Барзани – сын Мустафы Барзани, лидер ДПК

формирование такой зоны не означало автоматического раскола Ирака, ведь, как утверждал Е.М.Примаков, «вопрос об отделении не возникал и после установления "зоны безопасности" севернее 36-й параллели» [9, с.22].

Тем не менее в мае 1992 г. в Иракском Курдистане состоялись первые в истории парламентские выборы, которые отразили сохранявшийся раскол в рядах самих курдов: победу одержали представители ДПК и ПСК. Фактически силы ДПК базировались в Эрбиле, а ПСК – в Сулеймани. Летом 1992 г. было сформировано коалиционное правительство. Парламент КАР в октябре 1992 г. принял исторический закон о федеративном союзе, который был призван решить курдскую проблему на основе принципа федеративного устройства иракского государства. Ухудшение

Курдский автономный район (КАР) в Ираке

экономической ситуации в Ираке в условиях международных санкций против режима Саддама Хусейна сказывалось и на Иракском Курдистане. Примечательно, что в мае–июне 1993 г. Масуд Барзани в ходе своего турне по зарубежным странам (США, Турция, Франция, КСА, Австрия и др.) пытался заручиться поддержкой в деле свержения Хусейна. Ситуация усугубилась вновь вспыхнувшим открытым противостоянием между ДПК и ПСК, которое многие исследователи рассматривают как Гражданскую войну в Иракском Курдистане 1994–1998 гг., а сами курды называют ее “Birakujî” («Братоубийство»).

**Турция и Иран:
«старые новые» игроки
в курдской мозаике Ирака**

Этот конфликт был осложнен вмешательством внешних сил, в том числе боевиков РПК, Турции и Ирана, которые рассматривали столкновение

между двумя основными курдскими политическими силами в Ираке сквозь призму собственных интересов. Это неудивительно с учетом резко негативной реакции Анкары, Тегерана и Дамаска еще в 1992 г., когда произошло законодательное оформление КАР: в октябре 1992 г. в Турции министры иностранных дел трех стран выступили с заявлением о том, что не допустят нарушения территориальной целостности Ирака. РПК во главе с Абдуллой Оджаланом также имела противоречия со своими иракскими собратьями в вопросе военных баз на ирако-турецкой границе, откуда отряды Рабочей партии Курдистана выступали против турецких властей. Угроза вторжения турецких частей для проведения операций против РПК привела к столкновениям между силами ДПК и РПК, хотя последние пошли на сотрудничество с ПСК.

В свою очередь Турция оказывала поддержку Масуду Барзани и его ДПК, а Иран – Джалалю Талабани и ПСК. Это привело к разделу Иракского Курдистана на зоны влияния: северо-запад с центрами в Эрбиле и Дохуке находился под контролем ДПК, тогда как восток с центром в Сулеймании – ПСК. Силы Барзани контролировали горные районы Южного Курдистана с населением порядка 600 тысяч человек, при этом «социальная база ДПК довольно узка, ее основной интегрирующей силой выступает род Барзани» [7, с.225]. Влияние Талабани распространилось на равнинную территорию с населением в 1,5 миллиона человек, среди которых социальной опорой ПСК являются рабочие и интеллигенция. Интересны и лингвистические особенности этого вопроса: в районе ДПК (к северо-западу от р. Большой Заб) курды говорят на диалекте курманджи, а на территории ПСК распространен диалект сорани. Важно от-

метить, что общая численность сил пешмерга составляла на тот момент до 75 тысяч человек, что с учетом боевой подготовки курдских отрядов представляется значительной силой. При этом оба курдских лидера были схожи во мнениях о дальнейшей судьбе Иракского Курдистана в качестве автономного района в составе демократического иракского государства, поэтому общим врагом для них был режим Саддама Хусейна, с которым, как это ни парадоксально, и Талабани, и Барзани вступали в союз для ослабления друг друга.

Однако продолжавшееся противостояние, переходящее в фазу ожесточенных боевых столкновений между курдскими силами, грозило как дальнейшей судьбе КАР, так и не входило в планы региональных и глобальных акторов, имевших свои собственные цели. В связи с этим уже в июне 1994 г. Талабани и Барзани встретились для поиска выхода из сложившейся ситуации, однако переговоры провалились. В июле того же года в Париже при посредничестве Франции и Курдского института во главе с Кендалом Незаном и в присутствии наблюдателей из США и Великобритании состоялся новый раунд переговоров. В результате встреч и консультации было выработано предложение по разработке и принятию общекурдской конституции, что могло привести к окончанию конфликта. Однако шаги по гипотетическому оформлению Курдистана с принятием конституции привели к резкой критике со стороны Турции, которая рассматривала их как «потенциальную угрозу собственному территориальному устройству» [4, с.209]. По этой причине в 1996 г. турецкие части вновь вторглись на территорию Иракского Курдистана при поддержке авиации, нанеся удары по лагерям РПК, которой также противостояла ДПК. Именно тогда начались активные контакты Масуда Барзани с турецкой стороной против РПК и ПСК, что в будущем трансформировалось и в двусторонние торгово-экономические отношения между Эрбилем и Анкарой. Однако стоит отметить, что вторжения турецких войск продолжались даже после ареста лидера РПК Оджалана в феврале 1999 г. В то же время Тегеран оказал поддержку ПСК в противостоянии с Барзани.

В данном конфликте довольно логично объясняется политика Турции, несмотря и на частичное вмешательство Ирана. На протяжении всей истории курдского движения и в самой Турции, и в Ираке, Анкара всегда фигурирует в качестве ключевого игрока. Во многом создание независимого и довольно мощного курдского государства с прозападной ориентацией на границах с самой Турцией, которая всегда играла роль проводника Запада в ходе Холодной войны, не только может привести

Сулейман Демирель – президент Турции (1993–2000 гг.)

к активизации сопротивления турецких курдов, но и может реанимировать национальное самосознание других национальных меньшинств, в том числе армян. В данном контексте интересно мнение Р.Олсона, отмечавшего, что «сильное армянское государство, объединенное с независимым курдским государством или объединенным курдским национальным движением, будет способно отбросить Турцию от Кавказа и Средней Азии» [15, с.50–51], хотя предпосылок для таких кардинальных геополитических изменений на тот момент не существовало, равно как и в наше время.

С учетом всего вышесказанного Анкара пыталась затянуть противостояние между ДПК и ПСК, однако с 1995 г. обе курдские силы при посредничестве Англии, Франции и США начали путь к примирению, несмотря на некоторые ожесточенные столкновения в январе. Особо активную роль сыграли США: в начале 1995 г. президент У.Клинтон призывал Талабани и Барзани прекратить кровопролитие, предложив демилитаризацию Эрбиля (столица КАР), прекращение огня и формирование правительства технократов для подготовки к выборам. В сентябре того же года в Дублине посредничество американской стороны также не привело к компромиссу ввиду противоречий по демилитаризации Эрбиля и распределению доходов от таможенных сборов. Тогда же Джалаль

Талабани открыто обвинил Турцию во вмешательстве во внутренние дела Южного Курдистана и поставках оружия силам ДПК. В связи с этим Талабани в сентябре пошел на заключение соглашения с иранскими Вооруженными силами, целью которого стала борьба с режимом Саддама Хусейна. В то же время ПСК пошел на сближение с силами курдских исламистов, например, с Движением исламского единства Иракского Курдистана (ДИЕИК), два члена которого вошли в состав правительства в Сулеймании [1, с.268].

В таких условиях очередная американская посредническая миссия во главе с Р.Дойчем, предпринятая в ноябре 1995 г., вновь провалилась, что отразило антагонизм двух крупнейших курдских сил в регионе. Во многом события второй половины 1990-х гг., когда в Иракском Курдистане фактически шла гражданская война с участием внешних акторов, усугублявшаяся вооруженными столкновениями сил ДПК и ПСК с РПК, иранскими Комеле и Пейджаком, «укоренили экстремизм как характерную черту курдской политики» [11].

Запутанные перипетии курдского движения

Более того, летом 1996 г. иранские части при поддержке талабанистов осуществили операции против оппозиционно настроенных Тегерану иранских курдов, скрывавшихся на севере Ирака. Драматическими стали события августа 1996 г., когда столкновения между силами Барзани и Талабани вновь активизировались. Несмотря на общую борьбу с режимом в Багдаде, Масуд Барзани заручился поддержкой иракских войск и отрядов иракских туркоманов для разгрома ПСК. Примечательно, что Вашингтон пригрозил Саддаму Хусейну расширением зоны безопасности до Багдада и точечными ударами по объектам на юге страны. В то же время складывавшаяся ситуация соответствовала интересам Барзани, который продолжил наступление и занял Сулейманию, считавшуюся центром сил Талабани, которые были вынуждены отступить к горным районам у ирано-иракской границы.

Масуд Барзани поспешил объявить о победе ДПК и приступил к формированию нового правительства, в состав которого вошли представители самой ДПК, а также – Курдской коммунистической партии, Исламского союза Курдистана, Исламского движения Курдистана, организаций туркоман и ассирийцев. Вице-премьером был назначен племянник самого Масуда Барзани Нечирван Барзани, который в будущем сыграет одну из ключевых ролей в становлении и функционировании КАР. Однако

уже в октябре 1996 г. талабанисты в ходе активного контрнаступления сумели выбить силы ДПК и вернуть под контроль Сулейманию. И если Талабани обвинял Барзани в сотрудничестве с Багдадом, то теперь ДПК обвинила Тегеран в поддержке сил ПСК. В условиях перманентного конфликта в октябре 1996 г. при поддержке США, Франции и Великобритании в Анкаре прошли переговоры между барзанистами и талабанистами, которые привели к заключению соглашения, в котором содержалась программа действий обеих сторон по стабилизации ситуации в Иракском Курдистане и дальнейших шагах в различных сферах (экономической, внешнеполитической, военно-политической и тд.).

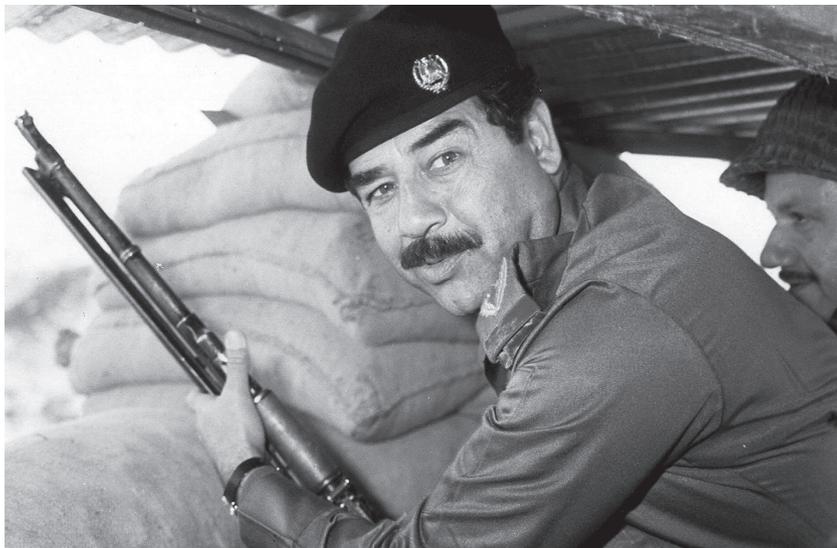

Али Акбар Хашеми Рафсанджани – президент Ирана (1989–1997 гг.)

Для контроля за соблюдением условий соглашения были созданы группы наблюдателей из числа самих местных курдов, ассирийцев и туркоманов, а также – международных сил в лице ООН, США, Турции и Великобритании. Учитывая заинтересованность Вашингтона в сохранении единства курдского движения как мощного союзника по борьбе с режимом Саддама Хусейна, США активизировали свои действия по окончательному примирению двух сторон внутрикурдского конфликта. В январе 1998 г. было достигнуто перемирие, а летом Джаляль Талабани и Масуд Барзани были приглашены в США. В ходе переговоров

стороны в сентябре 1998 г. заключили Вашингтонское соглашение, содержащее в себе знаковые для будущего курдского движения в Ираке положения. Так, стороны подтвердили свою приверженность автономии Курдистана в составе единого демократического Ирака, в котором Багдад гарантировал бы права курдского народа и всех иракских граждан на федеративной основе. ДПК и ПСК обязались сформировать временную администрацию в КАР, провести летом 1999 г. выборы в единый парламент, сотрудничать для предотвращения вылазок сил РПК из Ирака в Турцию, а также – не допускать внутрикурдских столкновений.

Однако стоит отметить, что вплоть до 2002 г. в Иракском Курдистане фактически действовали две администрации с центрами в Эрбиле (ДПК) и Сулеймании (ПСК), а подготовка к парламентским выборам началась именно в 2002 г. В конце того же года депутаты единого курдского парламента приняли решение о формировании общего правительства на равной основе. Центром внимания властей КАР стала борьба с боевиками РПК: ликвидировались их базы на севере Ирака, пресекалась их деятельность против Турции и местного населения. Говоря о социально-экономическом развитии Иракского Курдистана, стоит отметить, что курды также косвенно страдали от введенных против режима в Багдаде санкций, хотя их положение было лучше, чем у жителей центральных

Саддам Хусейн – президент Ирака (1979–2003 гг.)

и южных провинций. В ходе реализации с 1996 г. программы «Нефть в обмен на продовольствие» 13% полученных от продажи нефти средств направлялись на нужды Иракского Курдистана [13, с.390].

Отдельного внимания заслуживает политика курдских лидеров в отношении соседних государств, которые закономерно воспринимали успехи иракских курдов как возможный катализатор для активизации курдских сил внутри самих этих стран. Однако в самом Южном Курдистане «были заинтересованы не столько в разжигании межнациональной розни в сопредельных государствах, сколько в выстраивании дружеских отношений с их центральными правительствами» [1, с.272]. Уже в марте 1991 г., когда оформление КАР стало геополитической реальностью, турецкие власти пошли на переговоры с иракскими курдами: в Анкаре заместитель главы МИД Турции Т.Озчери встретился с Дж.Талабани и М.Дизаи (представителем М.Барзани). В том же месяце состоялась вторая подобного рода встреча. Важно учитывать, что Анкара преследовала свои собственные цели, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением со стороны РПК, которая также закрепилась на севере Ирака.

В данном случае проводником турецкой политики в этом регионе могли стать родственные Анкаре туркоманы. Этим могут объясняться слова Джалаля Талабани, который заявил, что «наша цель – установить федерацию арабов, туркоманов и курдов» [12]. В Турции осознавали возможности гипотетического союза между иракскими курдами и их турецкими братьями в условиях создания курдской автономии на севере Ирака у самых границ между странами. При этом в Анкаре опасались, что новая волна репрессий со стороны Багдада против местных курдов может привести к потоку беженцев в юго-восточные провинции самой Турции, что станет дестабилизирующим фактором для и без того взрывоопасной ситуации. Также сотрудничество Турции с иракскими курдами, согласно расчетам Анкары, должно было найти положительный отклик в Вашингтоне, для которого обе стороны являлись стратегическими союзниками для продвижения своих собственных интересов в регионе.

Примечательно, что официальный представитель ДПК по иностранным делам Х.Зибари «высоко оценивал значение установления отношений иракских курдов с Турцией, которая обеспечивала им коридор для связей с Западом» [5]. В феврале 1992 г. президент Турции Т.Озал и премьер-министр страны С.Демирель в Анкаре провели переговоры с М.Барзани, который предложил расширить сотрудничество между сторонами в деле борьбы с РПК и вдобавок – не препятствовать борь-

бе с режимом Хусейна. Как отмечалось ранее, турецкие войска нередко предпринимали военные операции против баз боевиков РПК в Иракском Курдистане, в результате которых страдало и местное мирное население. В ноябре 1992 г. турецкие части осуществили рейды против РПК, при этом их действия должны были быть скоординированы с иракскими курдами, однако столкновения между барзанистами и талабанистами помешали этому. В связи с этим турки продолжили наступление на севере Ирака, что вызвало резкие протесты арабских стран и Ирана, которые

Заявленные районы населения иракских туркоманов (туркмен)

подозревали Турцию в попытках укрепления своих позиций для контроля над нефтегазовыми ресурсами Иракского Курдистана.

В декабре того же 1992 г. главы МИД Турции, Ирана и Сирии выступили с совместным заявлением о недопущении создания независимого курдского государства и о неделимости иракской территории. Ситуация осложнялась тем, что в ходе Гражданской войны в Иракском Курдистане ПСК сотрудничал с турецкими курдами из РПК и Ираном в противовес сотрудничеству ДПК с Турцией, что приводило к патовой ситуации. Действия РПК в союзе с ПСК дискредитировали в глазах Анкары Региональное курдское правительство, что раз за разом приводило к турецким операциям на территории Южного Курдистана. Закономерно, что Анкара, Тегеран и Дамаск негативно отнеслись к установлению зоны безопасности в Ираке и формированию «Свободного Курдистана». При этом, как было сказано выше, турецкая сторона сохраняла рычаг влияния в виде туркоманского меньшинства, являвшегося, по сути, фактором вмешательства Анкары в политические процессы в Южном Курдистане за счет своего присутствия в Иракском Курдистане и особенно в Киркуке.

При этом значительная часть туркоманов «находилась под влиянием турецких спецслужб и пантюркистской пропаганды» [6]. В данном вопросе особо активную роль играла пантюркистская организация «Иракский туркменский фронт» или просто «Туркоманский фронт» (ТФ). Требование соблюдения прав туркоманского меньшинства стало значимым элементом турецкой политики в КАР. Вследствие этой политики нефтеносный Киркук в будущем превратится в объект ожесточенного противоборства между арабами, курдами и туркоманами. В той же логике выстраивалась политика Тегерана, который опирался на шиитское большинство в Ираке с целью «постоянного давления на новые иракские и курдские госструктуры, чтобы воспрепятствовать правовому оформлению статуса КАР» [3].

США вступают в курдскую игру

Однако для США иракские курды стали новым ключевым фактором давления на режим Саддама Хусейна, что было закономерно.

Американцы активно помогали курдам преодолеть фактическую транспортную блокаду: при содействии американской стороны в Эрбиле и Сулеймании были построены два аэропорта (международный и внутренний соответственно), что стало «важным шагом на пути налаживания воздушного коридора "свободного анклава" с внешним миром» [1, с.278].

При этом, как отмечал исследователь Б. Хошави, светский и демократический характер курдского движения вкупе с «объективным совпадением интересов заставляет американскую администрацию совершать известные поступки в пользу курдов» [10]. По его же мнению, Иракский Курдистан выступает в качестве некоего форпоста в борьбе Вашингтона с региональными радикальными группировками и диктаторскими режимами, ведь «почва для религиозного экстремизма в самом Иракском Курдистане весьма узка» [10].

Аэропорт в Эрбиле

В интересах США было и сближение ключевого стратегического союзника на Ближнем Востоке Израиля с новым партнером в лице КАР. Сотрудничество между Израилем и Иракским Курдистаном началось уже в 1991 г., когда Тель-Авив оказал финансовую помощь курдам и начал развивать торгово-экономические отношения с автономией. Другим важным аспектом израильско-курдских отношений стала деятельность ЦРУ и МОССАДа, которые рассматривали Южный Курдистан как «возможный плацдарм для ведения разведки и осуществления подрывной деятельности на сопредельных территориях Ирана и Сирии» [1, с.281].

(Окончание следует...)

Библиографический список

1. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность. М.: ЛЕНАНД, 2018. 352 с.
2. Геноцид в Иракском Курдистане. Перевод с английского. Под ред. и с предисл.: Кочои С.М. М. М.: Профобразование, 2003. 360 с.
3. Дунаева Е.В. Иран и политическое урегулирование в Ираке // Ближний Восток и современность. М., 2007. С.46–54.
4. Егоров В.К. Курдский фактор во внешней политике Турции: сб. Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М.: ИВ РАН ИБВ. 2006. С.206–216.
5. Иванова И.И. Некоторые особенности турецко-иракских отношений // Ближний Восток и современность. 2002. №14. С.142–150.
6. Киреев Н.Г. Война в Ираке, иракские туркмены и Турция / Н.Г.Киреев // Турция в новых геополитических условиях. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. С.77–86.
7. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные. Отв. ред. А.Д Воскресенский. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с.
8. Криворучко А.П., Рошупкин В.Т. Багдадский вождь: взлет и падение... Политический портрет Саддама Хусейна на региональном и глобальном фоне. М.: Проспект, 2015. 560 с.
9. Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки: книга вторая / под ред. В.В.Наумкина, В.В.Попова. М.: МГИМО-Университет, 2018. 202 с.
10. Хошави Б. Курдистан: перспективы курдской государственности: сб. Курдский вопрос на рубеже тысячелетий. М., 2004. С.25–51.
11. Хошави Хавлла Мухаммад Хавлла. Южный Курдистан: факторы, влияющие на национальное самосознание иракских курдов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhnyy-kurdistan-factory-vliyayuschie-na-natsionalnoe-samosoznanie-irakskih-kurdov> (дата обращения: 14.06.2021).
12. Gunter M.M. A de facto Kurdish State in North Iraq // Third World Quarterly. v.14, N2, 1993. P.295–319.
13. McDowall D. A Modern History of the Kurds. London., 2005. 532 p.
14. Olson R. The Creation of a Kurdish State in the 1990? // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. v. XV, N4, Summer, 1992. P.1–25.
15. Olson R. The Kurdish Question and Turkish-Iranian Relations From World War I to 1998. Bibliotheca Iranica: Kurdish Studies Series 1, Michigan, 1998. 105 p.

Брак – такая чудесная вещь, что нужно думать о ней всю жизнь.

Шарль Морис Талейран

Королевские браки заключаются не для семейного счастья, а для продолжения династии.

Карл V Габсбург

Не стоит смотреть на фантастику свысока, особенно на такую – настоящую: есть вещи, которые только оттуда и узнаешь.

Лев Данилкин

Вселенную нельзя ни измерить, ни исчислить, не ощутив при этом, как сам ты ничтожен и одинок.

Рэй Брэдбери

Возможности отыскать в себе
глубинные силы возникают как
раз в те моменты, когда жизнь
преподносит нам наибольшие
трудности.

Джозеф Кэмпбелл

Есть только два плеча, на
которые ты можешь твердо
положиться... Но каждый раз
ты убеждаешься, что эти плечи
твои собственные...

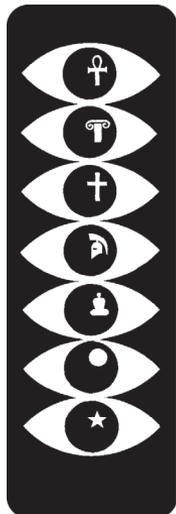
Иван Тургенев

Если бы анархистов не было,
государству следовало бы их
придумать.

Боб Блэк

Анархизм означает освобождение
разума человека..., освобождение
тела человека от власти вещей,
освобождение от запретов и
кандалов правительства, он
означает социальный порядок,
основанный на собрании людей.

Эмма Гольдман

Александр Соколов

**БРАКИ ДИНАСТИИ
РОМАНОВЫХ
КАК ПРОБЛЕМА
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО
АНТАГОНИЗМА**

(XIX – НАЧАЛО XX в.)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
929.52

В статье рассматривается формирование, развитие и сущностная характеристика взаимного отрицания равнородных и мorganатических браков Дома Романовых в XIX – начале XX в. Оценивается феномен нарастающего превалирования мorganатических браков над династическими, их прямая зависимость от социальных процессов в российском обществе и влияние на ситуацию внутри династии.

The article examines the formation, development and essential characteristics of the mutual denial of royal intermarriage and morganatic marriages of the House of Romanov in the 19th – early 20th centuries. The phenomenon of the growing prevalence of morganatic marriages over dynastic marriages, their direct dependence on social processes in Russian society and their impact on the situation within the dynasty are assessed.

Ключевые слова: генеалогия; Дом Романовых; матримониальные связи; мorganатический брак; социальная стратификация; брачное законодательство.

Key words: genealogy; House of Romanov; matrimonial relations; morganatic marriage; social stratification; marriage legislation.

E-mail: al.s.sokolov@yandex.ru

Вопрос генезиса и развития антагонистического характера равнородных и морганатических браков династии Романовых относится к числу приоритетных проблем, напрямую определявших внутривластительское бытование императорской династии в течение XIX и в начале XX в. В феномене данного антагонизма нашел свое непосредственное отражение вопрос тесной связи и взаимных противоречий личного и общественного начал в условиях обширных социальных трансформаций XIX – начала XX в. Развившаяся на почве данной конфронтации обширная кризисная ситуация в Императорской фамилии была следствием глубоких социальных перемен в общественной жизни страны, идти навстречу которым императорская власть на рубеже XIX и XX вв. во многом оказалась не готова.

Антагонизм браков как отражение социальных процессов

востребованных элементов социогенеалогического бытования любого привилегированного рода являлись матримониальные связи. Их функция индикатора степени престижа рода особенно ярко выразилась на примере Российского Императорского Дома как социальной структуры, возвышавшейся над всей сословной иерархией страны и официально связанной родственными узами исключительно с царствующими и владетельными родами Европы, равными ей по статусу. В ходе развития в XVIII в. европейской парадигмы матримониальной политики Дома Романовых как единственно приемлемой в условиях формирования российского абсолютизма модели междинастических отношений, стремление к обязательной равнородности браков членов династии постепенно обрело двойную

В рамках сословной стратификации российского общества и наличия определенных социальных барьеров одним из наиболее

Герб Дома Романовых, утвержденный в 1856 г.

направленность. Дуализм характеризовался тем, что каждый новый династический брак воспринимался в Императорской фамилии не только как шаг, поддерживавший европейский статус Романовых на международном политико-династическом пространстве, но и как основа, подчеркивающая престиж и уникальность Императорского Дома в сословной системе российского общества. В свою очередь, каждый морганатический брак воспринимался верховной властью в качестве шага назад, в той или иной степени обесценивавшего достижения матримониальной политики прежних лет.

В 1797 и 1820 гг. законодательно оформились два важнейших требования к заключению брака членом Императорской фамилии – согласие на брак со стороны непосредственно императора и равнородность этого брака. Обязательное согласие монарха на заключение или расторжение любого брачного союза в Доме Романовых стало юридическим стержнем, пронизывавшим все последующее российское законодательство по вопросам матримониальной политики и подчеркивавшим главенство императора над всеми членами царствующей фамилии. В свою очередь, понятие морганатического брака как социальной альтернативы традиционному для европейских монархий понятию равнородного брака в российском законодательстве юридически закрепило в 1820 г. ввиду женитьбы великого князя Константина Павловича на польской графине Ж.Грудзинской. Беспрецедентность этого брака в исторических условиях первой трети XIX в. вступила в противоречие с уже оформившимся к тому моменту сугубо династическим вектором матримониальной политики Дома Романовых и положила начало правовому размежеванию понятий равнородного и морганатического браков. Такое разграничение, начиная с Манифеста Александра I от 20 марта (1 апреля) 1820 г., касалось в первую очередь статусной дифференциации у равнородного и морганатического потомства в вопросе их прав на престол [8, с. 129–130].

Во второй половине XIX в. все российское общество встало на путь постепенного размывания сословных границ при их номинальном сохранении. Официально выделенный в отдельную замкнутую группу Российский Императорский Дом также испытал на себе веяния нового этапа российской истории. Поэтому матримониальная формалистика, изложенная в «Учреждении об Императорской фамилии» 1797 г. и поддерживаемая императорской властью, постепенно в течение XIX в. становилась неприемлема для отдельных представителей рода Романовых,

стремящихся добиться ослабления требований обязательной равнородности брака.

Кроме того, ввиду демографического «взрыва» и разветвления Императорского Дома во второй половине XIX в. представители младших ветвей потомства Николая I, осознавая призрачность своего теоретического восшествия на престол, не видели смысла пребывать в рамках безукоризненного следования матримониальному законодательству, которое было обязательно для первостепенных наследников трона. Однако подобный ход событий, следствием которого к концу XIX в. стало бы вероятное превалирование неравнородных браков над династическими, сужал круг тех лиц, чье потомство могло бы в будущем вступить на престол в случае гипотетического пресечения старшей ветви рода. Приостановить процесс широкого заключения морганатических браков отчасти смогло внесение Александром III в 1889 г. примечания к статье 188 Основных законов, по которому никто из членов Императорского Дома впредь не мог вступать в морганатический брак [9, с. 113]. Тем самым из брачного законодательства было изъято само понятие законности неравнородного союза, и с того времени даже церковное венчание никак не могло повлиять на оформившийся постулат о недействительности данной категории брака. Более того, с 1889 г. вступавшие в морганатические союзы члены династии подвергались определенным санкциям со стороны императора вплоть до запрета нахождения на территории России. Впрочем, проявленная императорской властью в 1889 г. юридическая бескомпромиссность не смогла ликвидировать постепенно нараставшие внутрдинастические противоречия по этому вопросу.

В совокупности морганатических браков XIX – начала XX в. наблюдалась определенная структурная дифференциация, выражавшаяся в сословной принадлежности конкретной неравнородной супруги или супруга. В основном на протяжении означенного периода преобладали мезальянсы с представителями высшей российской аристократии, но имелся и ряд браков с менее знатными по происхождению людьми. Кроме того, морганатические союзы различались по положению вступающих в них членов династии в структуре Дома Романовых, а также по временному диапазону. Так, первые морганатические браки были необъявленными (брак великого князя Константина Павловича с графиней Ж.Грудзинской, великой княжны Марии Николаевны с графом Г.А.Строгановым), но впоследствии в большинстве своем стали предаваться широкой огласке. Однако рассматривать совокупность моргана-

тических браков как целостную структурированную систему, подобную системе равнородных браков, невозможно, поскольку заключение каждого неравнородного союза носило индивидуальный характер, хотя и отталкивалось от динамично развивавшихся общих процессов в российском обществе XIX в. К таким процессам относились демографический рост привилегированных слоев населения, включая Императорскую фамилию, прогрессирующее социальное расслоение, а также важный процесс внутри самого Дома Романовых – степень власти главы Дома над своими родственниками.

Родство с привилегированной семьей как социогенеалогическая закономерность является для менее знатных родов или конкретных лиц полноценным социальным лифтом [7, с. 14]. Исходя из этого тезиса, следует отметить, что династические узы с европейскими царствующими и владетельными Домами в течение XVIII–XIX вв. стали для Романовых полноценным рычагом восходящей социальной мобильности, позволившей вплести династию в общеевропейскую семью монархов. В свою очередь для мorganатических супругов и супругов Романовых брак хоть и не позволял с 1820 г. полноправно войти в Императорскую фамилию, но все же давал основания приобрести более высокое общественное положение. Однако в условиях сословного уклада общества и строгих положений матримониального законодательства Дома Романовых данная закономерность имела следствием нисходящую социальную мобильность для потомства от неравных браков, не рассматривавшегося в качестве членов династии [6, с. 21–22]. Несмотря на то, что мorganатическое потомство могло в зависимости от личной воли конкретного императора претендовать на определенные привилегии, титулы и финансовое обеспечение со стороны Императорской фамилии, их невозможность наследовать трон стала ключевым фактором, отличавшим неравнородные браки от династических.

Впрочем, вступавшие в мorganатический брак Романовы, хоть и отчуждались от Императорской фамилии, тем не менее не утрачивали своих прав на место в линии наследования престола. В результате складывалась своеобразная и редкая в плане социальной мобильности ситуация, когда из консолидированного Дома Романовых вследствие заключения мorganатического брака выделялось подобие нуклеарной семьи, в которой супруг, супруга и их общее потомство фактически оказывались на разных ступенях в социальной структуре общества.

Позиция императорской власти Российская монархия XIX – начала XX в. постепенно сформировала представление о феномене морганатических браков как об общем негативном процессе, представляющим собой альтернативу общепринятой матримониальной системе. Однако отрицательно оценивая мезальянсы именно как явление, императорская власть не распространяла общий поток критики на все неравнородные браки. Подход к морганатическим союзам со стороны того или иного российского императора характеризовался преобладанием субъективности в оценках, основываясь, как правило, на личных симпатиях или антипатиях к конкретной неравнородной супруге или неравнородному супругу. В частности, брак великой княжны Марии Николаевны и графа Г.А. Строганова не оглашался вплоть до смерти Николая I, в то время как при поддерживавшем данный брак Александре II он был официально признан. Высокий социальный статус княжны Е.М. Долгоруковой при Александре II сложился исключительно вследствие ее отношений с императором, в то время как после его убийства неприязнь со стороны Александра III вынудила несостоявшуюся «императрицу» покинуть Россию.

Стоит обратить внимание на то, что император де-факто был единственным, кто мог обойти запрет на браки с лицами несоответствующего достоинства, используя свое исключительное общественное положение. Император по своему усмотрению мог вступить в морганатический брак, хотя потомство от этого брака исключалось из линии наследования престола и не воспринималось в качестве членов династии так же, как и все прочие морганатические потомки Романовых. Своим исключительным статусом воспользовался Александр II, беспрепятственно вступивший в морганатический брак с княжной Е.М. Долгоруковой, что впоследствии, видимо, сыграло определенную роль в окончательной консервации брачной политики в 1880-х гг. Аналогично император был единственным, кто имел основания решать вопрос о равнородности какого-либо брака в неоднозначных ситуациях [4, с.65]. Также монархом формально могли быть индивидуально узаконены по его личному усмотрению и отдельные морганатические браки других членов Дома, хотя на практике к неравнородным союзам императоры относились критически, ужесточая на протяжении XIX в. законодательную основу матримониальной политики.

Индивидуальное отношение монархов к конкретным мезальянсам ярко проявлялось в сравнении с внебрачными связями Романовых.

Великий князь Михаил Михайлович и егоmorganатическая супруга графиня С.Н.Меренберг

В 1891 г. Александр III как наиболее консервативный из всех императоров в вопросах брачной политики отказался признать заключенный без его согласия брак великого князя Михаила Михайловича с внучкой А.С.Пушкина графиней С.Н.Меренберг, но незадолго до этого пожаловал дворянство незаконнорожденным детям великих князей Константина Николаевича и Николая Николаевича (старшего) [10, р.342; 364; 383]. Тем самым внебрачное потомство Романовых по ряду аспектов могло оказаться в более перспективном социальном положении, чем дети законные, но рожденные отmorganатических браков.

Невозможностьmorganатических супругов и их потомства интегрироваться в Императорскую семью могла компенсироваться получением по факту родства с царским Домом довольно высокого положения за границей, особенно при наличии у неравнородных супругов родственных уз с зарубежной аристократией. Например, дети великого князя Михаила Михайловича и графини С.Н.Меренберг получили от великого герцо-

га Люксембургского титул графов Торби, поскольку графиня состояла с герцогом в родстве. Это способствовало тому, что Николай II в итоге признал брак Михаила Михайловича. Подобное имело место и в случае с супругой великого князя Павла Александровича О.В. Карнович, которая в 1904 г. получила в Германии титул графини фон Гогенфельзен и в результате была вместе со своими детьми возведена Николаем II в достоинство князей Палей [11, р. 34].

В плане антропологического взаимотрициания равнородных и морганатических браков специфическое место занимали герцоги Лейхтенбергские, подчинение которых брачным законам Императорской фамилии в силу их родовой «автономности» от ее основной части носило по ряду аспектов более свободный характер. Несмотря на то, что заключающиеся некоторыми герцогами Лейхтенбергскими в 1870-х гг. морганатические браки закономерно отчуждали представителей этой семьи от Дома Романовых, их потомство, в отличие от аналогичных случаев в основной части фамилии, могло впоследствии по Высочайшей милости унаследовать с некоторыми правовыми ограничениями титулы и права своих отцов. Так, Александром III было дозволено пользоваться титулами герцогов двум морганатическим сыновьям 4-го герцога Лейхтенбергского Николая Максимилиановича Георгию и Николаю [5, с. 75].

Внутридинастический кризис как итог брачного антагонизма

Усиление конфронтации монарха со значительным числом иных представителей Императорской фамилии по вопросу брачного законодательства привело к тому, что к концу XIX в. неравнородные браки постепенно оформились в своеобразную альтернативу бракам династическим. Даже угроза серьезных правовых и финансовых санкций со стороны монарха за вступление в морганатический брак не останавливала отдельных представителей династии в их намерении распорядиться своей семейной жизнью по собственным усмотрениям. Осознание этого факта императорами в начале XX в. привело к возникновению неофициальной, но получившей определенное распространение стратегии компромисса между строгими положениями брачного законодательства и практически неконтролируемой категорией мезальянсов. Предполагалось изначальное введение относительно суровых мер воздействия в отношении вступающих в морганатические браки членов семьи с их последующим официальным прощением и восстановлением в правах [2, с. 110]. Однако и это не способствовало

пресечению растущих внутри династии тенденций, в результате чего в 1911 г. компромисс был достигнут уже на полноценном законодательном уровне. Николай II счел целесообразным внести коррективы во введенное Александром III примечание к статье 188 и разрешить заключение морганатических браков только князьям и княжнам императорской крови, как наиболее отдаленным представителям династии. Вместе с тем, положение об обязательном согласии монарха на каждый брак (как равнородный, так и морганатический) сохранило юридическую силу. В качестве важнейшего условия для заключения брака с лицом нединастического статуса для князей и княжон императорской крови по указу 1911 г. становился их индивидуальный отказ от права на место в линии наследования престола. Тем самым потомство от неравнородных браков князей и княжон императорской крови хоть и признавалось с 1911 г. законным, все же отсекалось от Императорского Дома [4, с. 69; 72–73].

Компромиссный характер указа 1911 г. отражал попытку императорской власти разрешить накопившиеся династические противоречия за счет ослабления положений законодательства для наименее значимого

Княжна императорской крови Ирина Александровна и ее супруг князь Ф.Ф.Юсупов

в политико-династическом отношении элемента Императорской фамилии – князей и княжон императорской крови. Однако частичное разрешение вступать в морганатический брак при условии отречения от прав на престол также не сняло в полной мере внутривидовой напряженности, поскольку для великих князей и княжон, составлявших наиболее привилегированный пласт Императорской фамилии, запрет на мезальянсы по-прежнему оставался в силе.

Поэтому после 1880 г. и вплоть до Февральской революции в Российском Императорском Доме было лишь два морганатических брака, заключение которых не было сопряжено с какими-либо изначальными санкциями в отношении вступивших в подобные браки членов династии. Заключенный в 1911 г. брак княжны императорской крови Татьяны Константиновны с потомком древней грузинской царской династии Багратионов князем К. А. Багратион-Мухранским во многом был принят в Доме Романовых с учетом родовой знатности жениха, а брак княжны императорской крови Ирины Александровны с князем Ф. Ф. Юсуповым в 1914 г. состоялся ввиду уже действовавшего тогда указа Николая II, разрешавшего неравнородные браки князьям и княжнам императорской крови [4, с. 64].

Вместе с тем, на фоне существенного ослабления власти императора над Домом Романовых и развития внутривидовых кризисов практика вышеупомянутых официальных прощений стала причиной того, что к 1917 г. не осталось ни одного заключенного без согласия монарха морганатического брака великого князя или княжны, который не был бы признан главой Дома «по Высочайшей милости». Это относилось не только к бракам, признанным до 1911 г., но и к последующим. Так, морганатическая супруга великого князя Михаила Александровича Н. С. Шереметьевская в 1915 г. была официально признана его законной женой и возведена в достоинство графини Брасовой [11, р. 25]; заключенный в 1916 г. морганатический брак разведенной великой княжны Ольги Александровны с Н. А. Куликовским, поддержанный некоторыми ближайшими к императору Романовыми [1, с. 268], также получил вынужденное признание со стороны монарха. Тем самым, к 1917 г. браки с лицами несоответствующего достоинства по ряду аспектов одержали верх над равнородными браками, оттеснив их даже с позиции обязательного требования к вероятным наследникам трона (на момент заключения морганатического брака великий князь Михаил Александрович был вторым в порядке престолонаследия).

И все же, несмотря на неформальную и относительную либерализацию матримониальной политики, ориентация значительной части Романовых на морганатические браки до падения монархии продолжала носить латентный характер, что объяснялось все еще сохранявшейся опаской быть отчужденными от Императорского Дома ввиду отсутствия личного согласия на брак императора. Вследствие этого даже в 1910-х гг. отдельные морганатические браки заключались в обстановке секретности и неофициально, как, например, тайное обручение князя императорской крови Гавриила Константиновича с А. Р. Нестеровской в 1912 г. в Монте-Карло [3, с. 10]. В полной мере факт глубоких внутрдинастических противоречий проявил себя вскоре после Февральской революции, вылившись в беспрецедентный взрыв активности заключения без согласия главы Дома неравнородных браков, переставших быть номинально запрещенными ввиду фактической ликвидации монархии. Тогда морганатические браки официально были оформлены князем императорской крови Гавриилом Константиновичем, княжной императорской крови Надеждой Петровной, великой княжной Марией Павловной и др. [11, с. 35; 48; 53] Позже в эмиграции неравнородные браки с иностранными гражданами или иными представителями русской эмиграции стали для подавляющего большинства выехавших за рубеж Романовых обыденным явлением.

Таким образом, развитие антагонизма равнородных и морганатических браков основывалось как на объективных общих процессах, так и на процессах субъективных – внутрдинастических. Стремление императорской власти удержать статус Дома Романовых как особой надсословной структуры, отличной даже от самых привилегированных слоев российского общества, вступило в противоречие с кризисом института династических браков на общем фоне социальных трансформаций в обществе. Со временем данное положение постепенно стало перерастать в открытое пренебрежение юридическими требованиями к заключению брака в Императорской фамилии. Разветвление царствующего рода вследствие бурного демографического роста во многом ослабило власть императора над Домом Романовых. Все это в совокупности характеризовало неизбежные сдвиги тенденций установления матримониальных связей к февралю 1917 г. в сторону неравнородных браков.

Библиографический список

1. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М.: Вече, 2008. 336 с.
2. Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце: из хроники нашей семьи. СПб.: Логос, 1993. 288 с.
3. Дневник князя императорской крови Гавриила Константиновича, 1897–1916 гг. / предисл. и коммент. Т.А.Лобашкова // М.: Буки Веди, 2016. 558 с.
4. Думин С.В. Неравные браки в Российском Императорском Доме и совещание великих князей 1911 года // Былые годы. Российский исторический журнал. Сочи, 2013. С.62–78.
5. Красюков Р.Г. Герцоги Лейхтенбергские // Дворянский календарь. Тетр. 5. СПб.: ВИРД, 1998. С.70–90.
6. Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797–1917): биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 440 с.
7. Наумов О.Н. Социогенеалогический метод в изучении российского дворянства // Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. Вып. 16 (60). М.: Наука, 2020. С.7–22.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Тип-я II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т.37. 986 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб.: Гос. тип-я, 1891. Т.9. 1490 с.
10. Ferrand J. Descendances naturelles des souverains et Grand-Ducs de Russie de 1762 a 1910. Paris, 1995. 410 p.
11. Ferrand J. Il est toujours des Romanov!: les Romanov en 1995. Paris, 1995. 262 p.

Алла Морозова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**ПУТЕШЕСТВИЕ НА
МАРС И МАРСИАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО ГЛАЗАМИ
ЗЕМЛЯНИНА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
П.П.ИНФАНТЬЕВА
И А.А.БОГДАНОВА**

УДК

9; 82.091

Статья посвящена сравнительному анализу романа А. А. Богданова «Красная звезда» и повести П. П. Инфантьева «На другой планете» («Обитатели Марса»). По этим произведениям мы можем судить о представлениях писателей-революционеров начала XX в. об устройстве будущего общества, которое предстает перед читателем в описании марсианской цивилизации, а также о том, как и по каким направлениям виделось людям этого времени развитие науки и техники. Жанр, сюжет, образ главного героя и судьбы авторов этих произведений весьма похожи. Несмотря на сходство, описания Марса в них многим отличаются, что в значительной степени объясняется разницей в личностях авторов, складе их характера и образе мыслей.

The article is devoted to a comparative analysis of A. A. Bogdanov's novel "The Red Star" and P. P. Infantiev's story "On Another Planet" ("The Inhabitants of Mars"). By these works we can judge about the ideas of revolutionary writers of the early twentieth century about the structure of future society, which appears to the reader in the description of the Martian civilization, as well as how and in what directions people of that time saw the development of science and technology. Genre, plot, the image of the protagonist and the fate of the authors of these works are very similar. Despite the similarity, the descriptions of Mars in them differ in many ways, which is largely due to the difference in the personalities of the authors, their character and way of thinking.

Ключевые слова: А. А. Богданов; П. П. Инфантьев; научная фантастика; утопия; социалистическое общество; межпланетные путешествия; жизнь на Марсе; научное предвидение.

Key words: A. A. Bogdanov; P. P. Infantiev; science fiction; utopia; socialist society; interplanetary travel; life on Mars; scientific foresight.

E-mail: allamorozova1992@gmail.com

Представления о жизни на Марсе к началу XX в.

К началу XX в. представление о том, что Марс является населенной планетой, было очень популярным. В 1877 г. итальянский астроном Дж. Скиапарелли увидел на Марсе прямые линии, которые он назвал каналами. Изначально он считал, что «нет необходимости усматривать в них плоды деятельности одушевленных существ. Несмотря на их правильный геометрический характер, более правдоподобным кажется предположение, что каналы обязаны своим происхождением развитию планеты» [12]. В дальнейшем при переводе его работ на английский язык было использовано слово, обозначающее каналы искусственного происхождения, что оказало сильное влияние на распространение идеи о наличии на «красной планете» цивилизации.

Свою роль сыграли и высказывания Н. Теслы о том, что повторяющийся радиосигнал, наблюдавшийся им, может быть посланным на Землю обитателями другой планеты [16], и публикации П. Лоуэлла, в частности его книга «Марс» [15], в которых высказывалась идея об искусственной природе марсианских каналов и о наличии на планете цивилизации. Убежденность в реальности скорой связи с марсианами была столь велика, что на Марс не распространялось действие объявления о присуждении немалой денежной суммы тому, кто установит двусторонний контакт с внеземной цивилизацией при помощи радиосигнала [11].

Кроме того, убежденность в наличии на Марсе системы каналов, охватывавших всю планету, позволяла видеть в марсианской цивилизации пример победы над разобщенностью и враждебностью, характерными для земных государств. Все это делало Марс весьма популярным местом действия не только для фантастических повестей и романов, но и для утопий, в которых под видом описания жизни на другой планете можно было дать представление об идеальном обществе будущего (считалось, что марсианская цивилизация значительно старше земной, а потому ее настоящее – это будущее Земли).

Степень изученности темы

Хорошо известен роман А. А. Богданова «Красная звезда», первое издание которого увидело свет в 1908 г. Но А. А. Богданов был не одинок, с одной стороны, в своих предвидениях технических изобретений будущего и, в частности, межпланетных полетов, с другой – в описании общества будущего, «помещенного» на другую планету.

Есть еще одно произведение, сюжет, главный герой и даже автор которого похожи на роман А.А.Богданова. Это повесть П.П.Инфантьева «На другой планете» («Обитатели Марса»), которая была написана в 1896 г.

Богданов А.А. Париж, 1913 г.

Александр Александрович Богданов в особых представлениях не нуждается, будучи известен не только как ученый, врач и политический деятель, но и как писатель-фантаст. Различные стороны деятельности и творчества А.А.Богданова рассмотрены в сотнях книг и статей, но его наследию как писателя-фантаста посвящена лишь малая их доля (даже с учетом более общих работ, в которых его творчество рассматривается наряду с другими авторами). Из публикаций последнего времени можно назвать работы Н.В.Ковтун, И.В.Желтиковой, В.Н.Шаровой, И.Н.Искендровой и др. [4; 5; 14; 7; 13]. К сожалению, исследования, проводимые философами и лите-

ратуроведами, обладая своими сильными сторонами, зачастую плохо учитывают или вовсе не учитывают исторический аспект проблемы, что приводит к таким, не подтвержденным источниками, высказываниям, как утверждение о принадлежности А.Богданова к «промасонским кругам» и использовании им в «Красной звезде» масонских символов и терминов. Например, слово «товарищ», которое для А.Богданова обозначало принадлежность к партийному и/или пролетарскому коллективу, маркируется исследователем, как одна из ступеней посвящения в масонство [8, с. 14]. Некоторые работы содержат просто фактические ошибки, как, например, статья В.Л.Шаровой, в которой говорится, что в годы первой русской революции А.А.Богданов был близок к большевикам, а в качестве даты его смерти указывается 1926 г. В действительности А.А.Богданов в 1905 г. был вторым

(а по некоторым параметрам – и первым) человеком в большевистской фракции РСДРП [10], а умер в 1928 г.

Жизни и творчеству Порфирия Павловича Инфантьева (1860–1913), который более известен как этнограф и очеркист, автор многих работ, рассказывающих о его путешествиях к бурятам, чувашам, гилякам, камчадалам, сибирякам, посвящено значительно меньше работ и подавляющее большинство из них освещают именно эту сторону его творчества. Об Инфантьеве-фантасте и его повести «На другой планете» рассказал еще в 1970 г. А.В.Блюм, и до настоящего времени его статья остается наиболее полным и фундированным источником наших знаний по этому вопросу [1].

Основные вехи биографии П.П.Инфантьева

Отметим вкратце основные вехи биографии П.П.Инфантьева. Порфирий Павлович на 13 лет старше Александра Александровича,

но их судьбы во многом схожи, ибо они оба принимали активное участие в революционном движении. Во время учебы в Петербургском университете Инфантьев посещал с.-д. кружок Д.Благоева, а поступив в 1885 г. в Женевский университет, принимал там участие в работе революционных эмигрантских кружков.

В 1887 году он был выслан за пределы Швейцарии «за связь с русскими государственными преступниками» и после ареста на границе год просидел в Варшавской крепости с обвинением в «подготовке бомб в Цюрихе». Затем был осужден на год одиночного заключения, которое отбывал в питерских «Крестах», после чего был выслан на Урал под гласный надзор полиции. В ссылке начал печататься в газетах, а после совершенного в 1892 г. путешествия по реке Конде написал свой первый этнографический очерк «Путешествие к лесным людям». Позже жил в Новгороде, был секретарем редакции «Записки Новгородского губернского земства». В последние годы жизни жил в Петербурге, был редактором левонароднического журнала «Заветы». Умер в Новгороде в 1913 году [Подробнее см.: 1].

Мы не знаем, был ли знаком Богданов с повестью П.Инфантьева, вышедшей в искореженном цензурой виде в 1901 г. в Новгороде, но тем интереснее сравнить эти два произведения. Начнем с их сходства. В обеих речь идет о путешествии на Марс, на котором земные астрономы обнаруживают моря и каналы и делают предположения о наличии там разумной жизни.

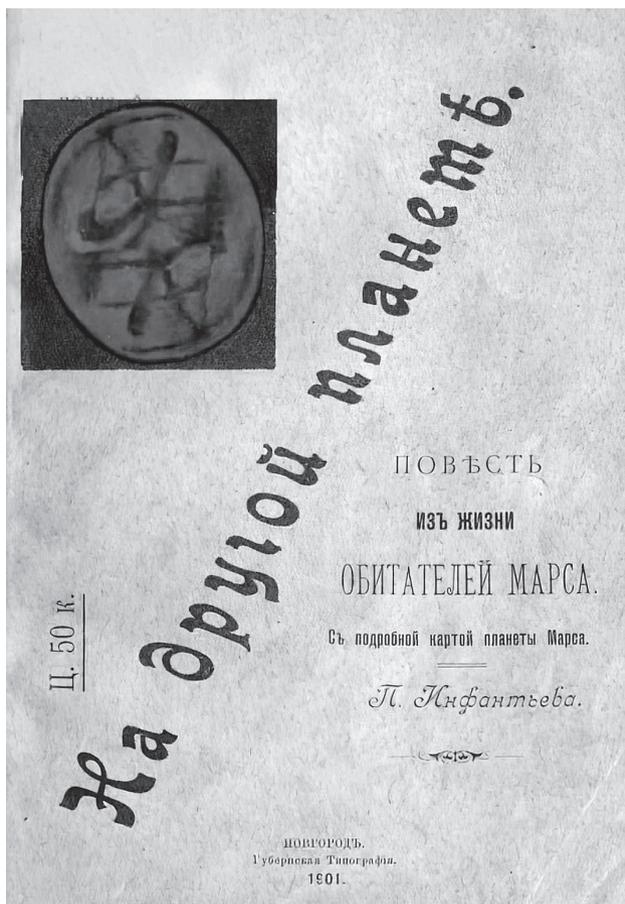
**Сходство произведений
А.А.Богданова
и П.П.Инфантьева**

И повесть Инфантьева, и роман Богданова написаны от первого лица, т.е. все происходящее читатель видит глазами главного героя, а описания его переживаний – это продукт его самооценки и саморефлексии. Богданов прямо говорит, что главный герой по имени Леонид – участник революционного движения. У Инфантьева он студент, совершающий со своим другом путешествие по швейцарским Альпам. Но проницательный читатель догадывается, что русские студенты в Швейцарии – это, скорее всего, люди прогрессивных убеждений, у которых не было возможности учиться на Родине.

И повесть Инфантьева, и роман Богданова написаны от первого лица, т.е. все происходящее читатель видит глазами главного героя, а описания его переживаний – это продукт его самооценки и саморефлексии.

И в повести Инфантьева, и в романе Богданова марсиане первыми идут на контакт с землянином. К Леониду приходит марсианин в маске под видом землянина и – не сразу – предлагает путешествие на свою родную планету. У Инфантьева к главному герою, земного имени которого, кстати, мы так и не узнаем, а на Марсе его будут звать Не-Он, т. к. он окажется в теле сына астронома Пакса, марсиане обращаются через диковинное устройство, установленное в хижине астронома-отшельника профессора Роша высоко в горах, вдалеке от людей: «... рядом с главной астрономической трубой стояла другая труба, очень небольшого диаметра, но гораздо длиннее первой; внешний конец ее выходил наружу, за стеклянную крышу observa-

тории, а внутренний был закрыт крышкой, завинчивающейся, как у обыкновенной трубы.

Желая посмотреть в эту трубу, я отвинтил крышку, но только что хотел подставить к отверстию глаз, как вдруг услышал подле себя чей-то совершенно незнакомый голос, явственно проговоривший по-русски:

– Здравствуйте! Ну, как вы себя чувствуете после своего воздушного прыжка?» [6].

Оказывается, марсианин говорил с ним посредством этой трубы. Более того, при помощи различных приспособлений марсиане давно наблюдали за жителями Земли, изучили их языки и вступили в контакт с астрономом, который и приютил главного героя после его неудачного падения со снежного гребня.

Путешествие по Марсу герой Инфантьева совершает в сопровождении девушки, сестры того марсианина, в тело которого вселился его разум. Благодаря последнему обстоятельству он ничем не отличается от окружающих и может пользоваться всеми социальными благами, которые положены истинному хозяину его временного тела. У Богданова Леонид также вливается в марсианскую жизнь, и хотя окружающие знают о его земном происхождении, они всячески стараются помочь ему не чувствовать своей чуждости и стремятся как можно более доходчиво объяснить принципы устройства их общества.

Оба героя испытывают тяжелые чувства от мысли о том, что их поведение, вызванное, с их точки зрения, неготовностью воспринять внешнее и внутреннее устройство более высокого по уровню развития марсианского общества, может создать у марсиан впечатление о землянах как о дикарях. Главный герой повести Инфантьева, увидев, в каком теле он оказался после перемещения его сознания на Марс, «бился головой о стены, катался по полу, стараясь отшвырнуть от себя безобразные члены своего нового тела, избавиться, выпрыгнуть из той отвратительной формы, в которую переместилось мое сознание, мое "я"». Оставшись один и размышляя над своим поведением, он так описывает свои чувства: «И как это досадно, что я на первых же порах выказал себя таким дикарем перед этим странным субъектом, между тем как он был со мною так терпелив и добр. Какие он, после этого, может сделать заключения о нас, людях, обитателях Земли?» [6].

Леонид, общаясь с марсианами и, казалось бы, все больше вливаясь в марсианское общество, тем не менее «еще болезненнее, чем прежде, стал воспринимать превосходство» над ним «окружающих и на фабри-

ке и во всех других сношениях с марсианами». «Несомненно, я даже преувеличивал это превосходство и свою слабость, – размышлял он. – В доброжелательстве и заботливости их обо мне я начинал видеть оттенок полупрезрительной снисходительности, в их осторожной сдержанности – скрытое отвращение к низшему существу. Точность восприятия и верность оценки все более нарушались в этом направлении» [3, с.177].

А после убийства марсианина Стэрни, выступавшего за колонизацию Земли и полное уничтожение ее населения, он оценивает свое поведение следующим образом: «Я убил Стэрни и тем погубил все. Марсиане видят на деле, чего они могут ожидать от сближения с земными людьми. Они видят, что даже тот, кого они считали наиболее способным войти в их жизнь, не может дать им ничего, кроме насилия и смерти...

Сюда присоединилось глубокое отвращение к себе. Я чувствовал себя предателем всего человечества. Мелькала смутная надежда, что марсиане меня убьют, но тотчас являлась мысль, что я для них слишком противен и их презрение помешает им сделать это. Они, правда, скрывали свое отвращение ко мне, но я ясно видел его, несмотря на их усилия» [3, с.194].

Конечно же, в обоих произведениях не обходится и без любовной линии. Леонид влюбляется (взаимно) в Нэтти (хотя вначале и не подозревает о том, что это женщина, т.к. марсиане носят костюмы унисекс). А главный герой Инфантьева становится объектом любви марсианки, но она признается ему в этом в момент их неожиданного и спешного расставания. Но еще до отлета с Марса он успевает понять, что, несмотря на наличие у него на Земле возлюбленной, он тоже равнодушен к ней: «Прежде всего, я почувствовал, что с моих глаз спала точно какая-то пелена: я увидел, что я здесь, на Марсе, был уж вовсе не так одинок, как мне это почему-то казалось. Во время нашего путешествия с Либерией мне ни разу и в голову не забредала мысль о возможности любви между нами, – считал я это невероятным не потому, что Либерия, на наш земной, взгляд, была безобразна, – совсем нет! Я ... даже стал находить и понимать своеобразную красоту в безобразии марсианского тела, – оно мне не казалось уже отвратительным, напротив – не менее привлекательным, чем и человеческое тело. К Либерии же я стал даже чувствовать какое-то бессознательное влечение. Не забредала же в голову мне мысль о возможности любви между нами потому, что просто как-то

не представлялось к этому повода. И вдруг ее внезапное признание в момент разлуки навсегда, ее грустный, кроткий глаз, полный слезы, когда она говорила это признание, и ее быстрое исчезновение сильно смутили мое сердце» [6].

Обратим внимание, что и богдановский герой чувствовал бессознательное влечение к Нэтти, но не видел того, что это женщина, и лишь после ее признания в этом бросился целовать ее.

Устройство марсианского общества

В обоих произведениях марсианское общество представлено как ушедшее далеко вперед по сравнению с земным. Так, марсиане

Инфантьева «уже давно-давно, еще в то время, когда наша Европа переживала ледниковый период, ... изобрели особого рода телефотограф, который дает возможность на свертке ткани, постоянно развертывающемся, непрерывно получать изображения той планеты, на которую этот прибор направлен, и фотографировать ее» [6]. Описанное А. Богдановым марсианское общество также ушло далеко вперед и в техническом, и в социальном плане, и потому подразумевается, что его устройство должно [6] стать образцом для технических и социальных преобразований на Земле.

Построенное на Марсе общество – социализм. Это важно подчеркнуть, ибо для Богданова высшая ступень развития человечества именно социализм, а не коммунизм. Коммунизм – разделение поровну имеющегося в обществе продукта, он возникает в условиях нехватки продуктов. Это коллективизм распределения. А в основе социализма лежит производство, базирующееся на принципах коллективизма, причем сознательного, когда каждый член общества осознанно ставит на первое место интересы коллектива, точнее – для него его личные интересы не существуют в отрыве от интересов общества. Все члены общества настолько разумны и проникнуты этим духом, что им и в голову не придет хотеть чего-то, противоречащего интересам коллектива.

Собственнические чувства возникают у марсиан только в детстве, и они это объясняют тем, что человек в своем развитии проходит кратко все этапы развития общества. Но по мере взросления эти чувства изживаются, в том числе под воздействием коллективистского воспитания.

В основе организации производства лежит система подсчетов, которую осуществляет центральный статистический механизм, следящий «за движением продуктов в складах, за производительностью всех предприятий и изменением числа работников в них. Этим путем точно выясняется, сколько и чего следует произвести на определенный срок и сколько рабочих часов для этого требуется. Затем институту остается подсчитать разницу между тем, что есть, и тем, что должно быть, и сообщать об этом повсюду» [3, с. 141].

Исходя из этих подсчетов, добровольцы сообщают о своей готовности сменить свое место работы.

Потребление при этом ничем не ограничено: «каждый берет то, что ему нужно, и столько, сколько хочет», и «при этом не требуется ничего похожего на деньги, никаких свидетельств о количестве выполненного труда или обязательств его выполнить, или вообще чего-нибудь в этом роде», т.к. «в свободном труде <...> и без этого никогда не бывает недостатка: труд – естественная потребность каждого развитого социального человека, и всякие виды замаскированного или явного принуждения к труду совершенно <...> излишни» [3, с. 141].

Отметим, что это описание общества будущего почти дословно совпадает с тем, которое Богданов дает в статье «Цели и нормы жизни», впервые напечатанной в московском журнале «Правда» в 1904 г., а затем отдельным изданием в составе книжки «Новый мир» в 1905 г. [2].

К сожалению, из повести П.П. Инфантьева цензурой были изъяты две главы, в которых, судя по всему, описывалось социальное устройство марсианского общества [см.: 9], и «многие места ... были вырваны из книги, как говорится, "с мясом"» (в издании 1901 г. следы этого препарирования были сознательно сохранены автором, давшим многочисленные отточия и оставившим оборванные на полуслове фразы) [1]. Но по отдельным штрихам, разбросанным по оставшейся части текста, можно сказать, что оно близко к социалистическому.

Проблема добывания «хлеба насущного» давно решена марсианами, у них нет «тех насущных забот о завтрашнем дне и о куске хлеба, которые убивают почти все время» землян, поэтому «им и не остается ничего более, как только предаваться умственным занятиям, а между прочим, и изучению языков обитателей других планет». Все продукты и необходимые товары доставляются по первому требованию по специальным транспортным трубам, причем платить за них не надо, т.к. право на их получение предоставляет специальный жетон, который, впрочем, может быть высшего и более низкого

разряда. Плата за проживание в гостинице и обеды в ней также бесплатны для обладателей значков. Характерно, что никто не проверяет наличие значков, т.к. «у обитателей Марса чувство чести и личного достоинства так высоко развито, что само собой предполагается, что никто не будет пользоваться тем, на что не имеет права, и всякий, уличенный в этом преступлении, тотчас же подвергся бы освидетельствованию своих умственных способностей, так как, по мнению марсиан, только больные и сумасшедшие могут злоупотреблять отсутствием контроля» [6].

Организацией производства занимается «Главное Центральное Статистическое Бюро», об устройстве которого мы, к сожалению, ничего не знаем, т.к. его описание, судя по всему, содержалось в тех самых, изъятых цензурой, главах.

Описания технических новинок

Оба произведения изобилуют описаниями различных технических новшеств, приборов, изобретений, которые удивительны как предвидения/пророчества. Как известно, в романе А. А. Богданова описаны такие технические новинки, вошедшие сейчас в нашу жизнь, как космические путешествия, реактивные двигатели, использование ядерной энергии, телевидение, 3D кинематограф, компьютеры, автоматизация производства, синтетические материалы, переливание крови.

Обратимся теперь к повести Инфантьева. Первое, что обращает на себя внимание, это, конечно, сильное гипнотическое воздействие, посредством которого разум главного героя и молодого марсианина переносятся с одной планеты на другую и «обмениваются телами», а потом возвращаются обратно. Затем при помощи гипноза завершается обучение главного героя марсианскому языку. Гипноз используется также для закрепления материала на завершающем этапе образования юных марсиан.

К такому же вымыслу, как обмен разумами сквозь межпланетное пространство, можно отнести и «слуховую трубу», собранную на Земле по марсианским инструкциям, при помощи которой марсиане разговаривали с астрономом Роша и главным героем. А вот телескопы, через которые они наблюдали за жизнью землян и которые обладали столь сильным увеличением, что позволяли им видеть все в подробностях, скорее являются художественным преувеличением и, вероятно, в принципе возможны с технической точки зрения. Использо-

ющаяся марсианами доставка пищи по трубам со сжатым воздухом из центральной кухни района вызывает ассоциации с идеей централизованного питания и освобождения женщин от готовки дома, которая была весьма популярна в 20–30 годы XX в. в России и даже нашла свое отражение в постройке домов-коммун, где квартиры-ячейки были без кухонь. Все другие необходимые товары со склада доставляются марсианам также по системе специальных труб, в совокупности составляющих нечто вроде гигантской пневмопочты планетарного масштаба.

Вообще «у марсиан применение различных машин доведено до удивительного совершенства, и всюду, где только можно заменить работу разумного существа автоматическим механизмом, это сделано. Уборка комнат в гостиницах, даже постелей, делается автоматически, полы чистятся автоматически посредством пуска струи воды, смывающей и уносящей всякий сор и грязь» [6].

Марсиане заселили дно моря, построив там свои жилища, и проложили под водой железные дороги, проходящие внутри железных труб, по которым при помощи сжатого воздуха движутся вагоны, имеющие форму пули. Для более неторопливого путешествия, позволяющего любоваться окружающими красотами, используется еще одно средство передвижения – механический экипаж в форме лебедя, передвигающийся по воде, под водой и летающий по воздуху. Для перевозки товаров по каналам используются электроходы, поля обрабатываются электропугами и электроборонами, которые «приводятся в движение силою той воды, которая падает с высоты [специальных водонапорных] башен... Движение воды при помощи динамо-машин превращается в электрическую энергию, которая передается по проволокам этим работающим пугам и боронам». На башнях же размещены «зажигательные стекла, собирающие лучи солнца и нагревающие паровики у машин, которые приводят в движение насосы, накачивающие из находящегося рядом озера воду в резервуары башен» [6].

Ночью для освещения поверхности планеты используются электрические солнца: «Пускается большой воздушный шар, прикрепленный к Марсу особым шнуром, способным проводить электрический ток. Шар этот снабжен целой системой электрических лампочек и громадным рефлектором, отражающим свет от них на землю. По шнуру пускается электрический ток, зажигающий лампочки».

Для прослушивания музыкальных произведений используется фонограф, который воспроизводит голос певца, жившего 200 лет назад,

усиленный многократно. На сцене при этом можно наблюдать голограмму хора, участники которого также жили в прошлом. Но зато и современные певцы выступают только при помощи этого фонографа, т. к. обычное пение не производит нужного впечатления на слушателей [6].

Любопытно, что подобные же представления описывает А. Богданов: «Пьесы, которые я там видел, либо передавались оптическими и акустическими передаточными аппаратами из далеких больших городов, либо даже – и это чаще всего – были воспроизведением игры, которая была давно, иногда так давно, что сами актеры уже умерли. Марсиане, зная способы моментального фотографирования в естественных цветах, применяли их для того, чтобы фотографировать жизнь в движении, как это делается для наших кинематографов. Но они не только соединяли кинематограф с фонографом, как это начинают делать у нас на Земле, – пока еще весьма неудачно, – но они пользовались идеей стереоскопа и превращали изображения кинематографа в рельефные. На экране давалось одновременно два изображения – две половины стереограммы, а перед каждым креслом зрительной залы был прикреплен соответствующий стереоскопический бинокль, который сливал два плоских изображения в одно, но всех трех измерений» [3, с. 161].

Главный герой повести П. Инфантьева посетил также «Марсианскую усыпальницу» с телами временно усыпленных марсиан, которых необходимо было разбудить в указанное ими время, т. к. «несколько тысячелетий тому назад марсиане открыли способ приостанавливать на произвольно долгий срок жизнь в живом организме и потом в любой момент воскрешать этот организм снова. Таким образом, прерывая жизнь на те или другие сроки, явилась возможность продолжить ее чуть не на произвольно долгое время».

В «Панораме мира» он увидел «громадные кипы ... свертков с изображениями, в которых заключаются истории в лицах всех солнечных планет, хранятся расположенные в хронологическом порядке, в особых книгохранилищах, и всякий желающий во всякое время может видеть любое событие, совершившееся, например, на нашей Земле, за сотни и тысячи лет тому назад. Для этого соответствующий свиток навертывают на вращающийся вал и смотрят на изображения на нем через особые оптические приборы» [6].

Возвращение героев на Землю в обоих произведениях носит вынужденный характер. Лэнни (марсианское имя Леонида) отправляют туда

марсиане после того, как он в состоянии аффекта убил Стэрни. А у Инфантьева герой должен срочно покинуть Марс, т.к. оказавшийся в его теле на Земле марсианин тяжело заболел и выздоровление тела невозможно без возвращения его истинного хозяина.

Различия между произведениями А.А.Богданова и П.П.Инфантьева

При многих сходствах между этими двумя произведениями есть и различия и в деталях сюжетной линии, и в мотивации героев.

Герой Инфантьева отправляется на Марс (точнее, отправляется туда его разум), в сущности, из любопытства и желания проверить, не разгрызает ли его г. Роша.

Для Леонида же это важное поручение, миссия: он должен стать представителем человечества на Марсе, чтобы «послужить живой связью» между двумя цивилизациями, чтобы ознакомиться с марсианским строем жизни и ближе ознакомить марсиан с земным.

Различны поэтому и переживания героев перед отправкой на Марс. С одной стороны, героя Инфантьева занимают вопросы, которые не могли встать перед Леонидом, т.к. он путешествовал в своем теле. «Что меня ожидает на Марсе? Какое будет мое новое тело? Буду ли я старым или молодым? Красивым или безобразным? Без сомнения, я буду красивым, – думалось мне, – потому что высшие существа не могут быть некрасивыми; во всяком случае, они должны быть красивее людей».

С другой стороны, думая об оставляемой им Земле, он также беспокоится о своих личных делах: «Что, если с тем, кто будет без меня владеть моим телом, случится какое-либо несчастье? Разве не может произойти, например, крушения поезда, когда он будет путешествовать, или что-нибудь в этом роде, и он погибнет? Ведь я тогда должен буду навсегда остаться на Марсе в шкуре чуждого мне обитателя этой планеты? ...Какова будет эта новая жизнь? Будет ли она меня удовлетворять, или я вечно осужден буду томиться тоской по далекой и невозвратно мною потерянной дорогой Земле? Впрочем, кто знает, может быть, жизнь среди марсиан окажется более интересной и завлекательной, чем среди людей, и я нисколько не буду жалеть о невозможности когда-либо снова возвратиться на Землю...» [6].

Он также переживает из-за того, что вынужден будет оставить свою возлюбленную, к которой испытывал «чистое, чуждое всяких чувствен-

ных и эгоистических побуждений» чувство, которое описывает весьма романтически и возвышенно: «И вот теперь я мучился над тем, должен ли я подвергать себя риску расстаться с нею, быть может навсегда, и таким образом никогда не услышать от нее магического слова "люблю"?» [6].

Леонида же к моменту приглашения в экспедицию на Марс ничто личное уже не задерживало на Земле, т.к. со своей подругой он расстался накануне и, возможно, не без некоторого воздействия Мэнни (во всяком случае, такие мысли приходили в его голову). Его заботили только необходимость предупредить товарищей по революционной работе и размышления о том, не повредит ли его внезапное отсутствие общей борьбе. Узнав, что товарищи уже фактически предупреждены Мэнни, и разрешив свои сомнения тем, что «с выступлением на сцену широких масс устранение того или иного работника – факт совершенно ничтожный по своему значению для дела в его целом», «к тому же это устранение временное, и, вернувшись к работе», он будет «гораздо более полезен ей со своими новыми связями, знаниями и средствами», Леонид довольно быстро решается на полет [3, с. 110]. По крайней мере, именно такое впечатление складывается от прочтения этих строк романа Богданова. Причем решение это продиктовано не чувствами, а именно рациональными рассуждениями.

Герой же Инфантьева, разбираясь в своих чувствах, «долго колебался над тем, быть или не быть, и только под утро решил окончательно», убедив себя в том, что «в сущности, ничего опасного в моем предприятии нет, и я скоро возвращусь здоров и невредим, тем более, что доктор Роша не один уже раз совершенно безнаказанно делал подобное же путешествие» [6].

Способ путешествия на Марс

Различен способ путешествия на Марс главных героев: у Богданова Леонид путешествует на летательном аппарате, движимом «радирующей энергией», которая была открыта и освоена марсианами значительно раньше землян. Более того, им удалось «гораздо дальше и глубже провести анализ строения материи. На этом пути была предусмотрена возможность существования элементов, отталкиваемых земными телами, а затем выполнен и синтез этой "минус-материи", как мы ее кратко обозначаем. После этого было уже не трудно разработать и осуществить технические применения

этого открытия – сначала летательные аппараты для передвижения в земной атмосфере, а потом и для сообщения с другими планетами» [3, с. 108].

Аппарат этот называется этеронеф и снаружи представляет собой «почти шар со сглаженным сегментом внизу, на манер поставленного колумбова яйца, – форма, рассчитанная, конечно, на то, чтобы получался наибольший объем при наименьшей поверхности, т. е. наименьшей затрате материала и наименьшей площади охлаждения». Этеронеф движется с ускорением 2 см в секунду на протяжении всего пути, «только его направление будет около середины пути изменено на обратное, и скорость будет тогда не увеличиваться, а уменьшаться каждую секунду на такую же величину. Таким образом, хотя наибольшая скорость этеронефа будет около 50 километров в секунду, а средняя – около 25 километров, но к моменту прибытия она станет так же мала, как была в самом начале пути», и он плавно опустится на поверхность Марса» [3, с. 115].

У Инфантьева все проще и сложнее одновременно: тело героя остается на Земле, а разум его при помощи гипноза переселяется в тело молодого человека, сына того астронома, который поддерживает контакт с профессором Роша. В свою очередь, разум молодого марсианина вселяется в тело землянина [6].

Внешний вид марсиан

Принципиально по-разному выглядят в двух этих произведениях марсиане. У Богданова они антропоморфны, отличаясь от землян лишь формой головы и размером глаз: «глаза были чудовищно громадны, какими никогда не бывают человеческие глаза. Их зрачки были расширены даже по сравнению с этой неестественной величиной самих глаз, что делало их выражение почти страшным. Верхняя часть лица и головы была настолько широка, насколько это было неизбежно для помещения таких глаз; напротив, нижняя часть лица, без всяких признаков бороды и усов, была сравнительно мала. Все вместе производило впечатление крайней оригинальности, пожалуй, уродства, но не карикатуры» [3, с. 110].

Инфантьевские же марсиане, на первый человеческий взгляд, выглядят чрезвычайно уродливо: «Представьте себе нечто вроде громадной жабы с огромной птичьей головой на толстой, крепкой шее. Посреди широкого лба, в нижней его части, блестел единственный

круглый, большой, пристально на меня направленный глаз. Под этим глазом тотчас же начинались длинные вытянутые мягкие губы, похожие на широкий клюв, с толстым мясистым языком внутри. Верхушка же головы оканчивалась каким-то небольшим, подвижным воронкообразным органом. Спереди, от широких плеч, тянулись два длинных, мускулистых хобота, заменявших руки, концы которых были снабжены, вместо пальцев, несколькими маленькими мясистыми наростами, благодаря которым чудовище могло ощупывать и держать предметы так же хорошо и удобно, как мы руками. Эти два хобота, доходившие до пят, в верхней своей части были соединены с туловищем кожаной, висевшей складками, перепонкой. По сторонам от хоботов, сзади их, торчали огромные, широкие клешни, похожие на клешни рака, твердые, как сталь, и обтянутые упругой кожей. Широкая грудь, часть живота и спина были покрыты чем-то вроде чешуи ярко-синего цвета, цвет же кожи на хоботах был желтый. Нижняя часть туловища, прикрытая яркой материей, оканчивалась длинными, тонкими ногами, с перепончатыми на ступнях пальцами. Чудовище стояло на этих ногах так, как будто собиралось прыгнуть, причем, седалищную часть упиралось на толстый лопатообразный хвост, напоминавший хвост речного бобра; оно молча наблюдало за мной, неподвижно уставившись на меня своим единственным огромным глазом» [6].

Как выяснилось впоследствии, марсиане одинаково приспособлены к жизни на суше и в воде и могут плавать и дышать под водой, как земные земноводные.

Главный герой понимает, что внешний вид марсиан произвел на него столь сильное впечатление потому, что он себе представлял, что окажется «в обществе таких же человекоподобных существ, как на Земле, даже более совершенных физически. И вдруг очутился среди каких-то безобразных чудовищ и даже сам превратился в одного из них!» О причине таких ожиданий ему справедливо говорит марсианский астроном Пакс: «Ведь вы, обитатели Земли, привыкли считать себя центром мироздания, венцом творения и, если подозреваете о существовании разумных существ на других планетах, то почему-то воображаете, что эти существа непременно должны быть и по наружному виду похожи на вас, так как вам кажется, что лучше и совершеннее форм человеческого тела нет и быть не может. Вы с детства проникаетесь антропоморфическим взглядом на природу

и на разум в природе, приписывая ему те же самые свойства, какими обладает ваш разум».

Впрочем, главный герой признает справедливость слов марсианина: «Я был сильно смущен этими словами, потому что они мне казались вполне справедливыми. В самом деле, с чего это я воображал, что обитатели Марса непременно должны быть похожи на нас, людей? Почему я думал, что природа, произведя человека, истощила на нем всю свою художественную, творческую способность и, создав этот шедевр своего искусства, уже сделалась неспособной творить что-либо более совершенное? Какое дикое самомнение и самообольщение! Какое невежественное недоверие к творческим способностям природы!» [6].

Освоение планеты и поселения марсиан

В отличие от технициста Богданова, у которого упор в описании марсианского общества сделан на индустриальном освоении мира, в котором сохраняется борьба человека с природной стихией, Инфантьев рисует общество, нашедшее гармонию разумного существа с природой, приручившее летающих существ, похожих на земных драконов, и путешествующее под водой при помощи рыб, «имеющих вид гигантской стерляди».

У А. Богданова герой приходит в восторг от увиденного им марсианского завода: «Ни дыма, ни копоти, ни запаха, ни мелкой пыли. Среди чистого, свежего воздуха машины, залитые светом, не ярким, но проникающим всюду, работали стройно и размеренно. Они резали, пилили, строгали, сверлили громадные куски железа, алюминия, никеля, меди. Рычаги, похожие на исполинские стальные руки, двигались ровно и плавно; большие платформы ходили вперед и назад со стихийной точностью; колеса и передаточные ремни казались неподвижными. Не грубая сила огня и пара, а тонкая, но еще более могучая сила электричества была душой этого грозного механизма» [3, с. 139].

У П. Инфантьева же он восторгается идиллической картиной сельской местности: «Под нашими ногами расстилалась обширная равнина, покрытая то густолиственными лесами, то цветущими возделанными полями и лугами... Из долин и садов, расстилавшихся внизу, под нами, распространялись чудные ароматы благоухающих цветов; и отовсюду с аэропланов неслись тихие, гармонические мелодии, то меланхоли-

ческие, то жизнерадостные, наполнявшие атмосферу чарующими звуками, полными радостей жизни» [6].

Различаются и описания поселений марсиан. По представлениям А.Богданова, они живут в городах разного размера, разбросанных по поверхности Марса. В качестве примера одного из таких поселений описывается городок, в котором жил руководитель экспедиции на Землю. Его «центр и основу составляет большая химическая лаборатория, расположенная глубоко под землей. Надземная часть городка разбросана среди парка на протяжении десятка квадратных километров: это несколько сот жилищ работников лаборатории, большой Дом собраний, Потребительский склад – нечто вроде универсальной лавки и Станция сообщений, которая связывает химический городок со всем остальным миром» [3, с. 135].

У марсиан Инфантьева городов или сел в земном понимании слова нет, т.к. нет необходимости в скученности жилья. Марсианка Либерия, с которой путешествует по Марсу главный герой Инфантьева, объясняет это так: «Наши же пути сообщения и способы передвижения так прекрасно устроены, что мы можем очень быстро и легко общаться с самыми отдаленными местностями, а все наши жилища соединены посредством подземных и подводных труб с общественными складами и магазинами и снабжаются всем необходимым автоматически, по желанию... Таким образом, нам нет никакой надобности жаться друг около друга в тесных и душных больших городах и селениях» [6].

Образование и воспитание у марсиан

Образование и воспитание у марсиан в изображении А.Богданова и П.Инфантьева, хотя и имеют некоторые общие черты, все же довольно сильно различаются. Общее в двух системах то, что обучение детей осуществляется в процессе игры, и то, что дети учатся и живут в школах-интернатах, отдельно от родителей, которые могут навещать их и к которым дети приезжают в гости на каникулы.

Описанная Инфантьевым «система воспитания у обитателей Марса так поставлена, что ребенку нет никакой надобности напрягать свою память и утомлять свое внимание, а все сведения он получает непосредственно из наглядных предметных объяснений, которые даются так интересно и общепонятно, что воспитателям приходится скорее

сдерживать старание детей все себе усвоить и понять, чем побуждать их к этому» [6].

У богдановских марсиан дети также «никогда не начинают обучения с книг. Ребенок черпает свои сведения из живого наблюдения природы и живого общения с другими людьми. Раньше, чем он возьмется за книги, он уже совершил множество поездок, видел разнообразные картины природы, знает множество пород растений и животных, знаком с употреблением телескопа, фотографии, фонографа, слышал от старших детей, от воспитателей и других взрослых друзей много рассказов о прошлом и отдаленном». Поэтому первые книги должны «только связать воедино и упрочить его знания, заполняя мимоходом случайные пробелы и намечая дальнейший путь изучения. Понятно, что при этом идея целого, прежде всего и постоянно, должна выступать с полной отчетливостью, должна проводиться от начала и до конца, чтобы никогда не теряться в частностях». Все это необходимо для создания «цельного человека уже в ребенке» [3, с. 130].

А вот внутренняя организация этих школ различается довольно сильно. По описанию П. Инфантьева, дети четко разделены на группы в соответствии с их возрастом: «Когда ребенку исполнится четыре года, его переводят в первоначальную школу, где он находится до восьмилетнего возраста... С 8- до 12-летнего возраста дети обучаются в первоначальных, общеобразовательных школах, причем мальчики уже воспитываются отдельно от девочек. В этих школах дети более подробно знакомятся как с общеобразовательными, гуманитарными науками, так и с прикладными, а равно и с устройством наиболее простых машин и с работою на них... После первоначальной школы дети переходят в среднеобразовательную, где остаются от 12 до 18 лет. В этих школах, кроме общеобразовательных наук и искусств, они изучают основания всех главнейших ремесел, как теоретически, так и практически... период от 18 до 23 лет посвящается исключительно изучению тех или иных специальностей» [6].

Образование девочек «несколько иное, чем воспитание мальчиков, что и понятно, так как натура мужчины и женщины во многом различна», и заканчивается раньше – к 20 годам, т.к. «у марсиан, как и у людей на Земле, женщины созревают вообще скорее мужчин». Раздельное и различное образование обусловлено тем, что во взрослой жизни занятия марсиан жестко определяются их полом: «Сообразно различию мужской и женской организации и характеров, женщинам присвоены, по издавна укоренившемуся обычаю, известного рода работы, наибо-

лее соответствующие их полу. И как ни один мужчина не решится никогда браться за такую работу или такое занятие, которые составляют привилегию женщин, так и ни одна женщина не позволит себе домогаться мужской работы. И это не в силу каких-либо законов или постановлений, а просто потому, что считается неприличным, не принятым как с той, так и с другой стороны» [6].

В описании же А. Богданова «в "домах детей" все возрасты соединяются вместе». В ответ на недоуменный вопрос землянина, почему они «не отделяются каждый в особом доме, что значительно облегчило бы разделение труда между воспитателями и упростило бы всю их работу», одна из воспитательниц объясняет ему, что «тогда не было бы действительного воспитания... Чтобы получить воспитание для общества, ребенок должен жить в обществе. Всего больше жизненного опыта и знаний дети усваивают друг у друга. Изолировать один возраст от другого – значило бы создавать для них одностороннюю и узкую жизненную среду, в которой развитие будущего человека должно идти медленно, вяло и однообразно. И для прямой активности различие возрастов дает наибольший простор. Старшие дети – наши лучшие помощники в уходе за маленькими» [3, с. 144].

Получив образование, марсиане выбирают себе работу в соответствии со своим призванием и склонностями, и разделения на «женские» и «мужские» профессии нет. Более того, желание каждого человека заняться тем или иным делом или поступить на работу, скажем, на конкретную фабрику учитывается до такой степени, что ему предоставляется такая возможность, даже если на этом производстве имеется избыток рабочей силы.

Концовки романа также различны. У Богданова она открытая: к низвергнутому на Землю Леониду приезжает его марсианская возлюбленная, с которой он давно простился навсегда, и забирает его, раненного в стычках революционных сил с правительственными войсками после побега из психиатрической лечебницы доктора Вернера... Эта концовка позволила Богданову начать свой следующий роман «Инженер Мэнни» с вторичного появления Леонида на Марсе.

В сюжетной линии повести Инфантьева поставлена точка. Вновь оказавшись недалеко от Монблана спустя восемь лет, герой узнает, что на следующий год после его необычайного путешествия жилище астронома-отшельника было снесено ужасной бурей, бушевавшей в этих местах, а сам он погиб. «Значит, все его многолетние труды, мемуары, все поучительные беседы с обитателями Марса, все те открытия и изобре-

тения по разным отраслям знаний, заимствованные им от ученых Марса, словом – все, что он готовил издать в свет, все это безвозвратно погибло!» [6].

Выводы

Подведем итоги. Перед нами два фантастических произведения писателей-революционеров, в которых они в увлекательной для тогдашнего читателя форме изложили свое представление об обществе будущего, и оба они могут быть отнесены к жанру утопии. Кроме того, в обоих произведениях много прогнозов или предвидений, описаний технических новинок, свидетельствующих о том, что их авторы были в курсе тенденций развития науки и техники (в большей степени это выражено у Богданова).

Немало и различий, которые были отмечены выше. Обратим внимание, что в целом марсианское общество у Инфантьева больше связано с природой и идет по пути сотрудничества с окружающей средой, в то время как богдановские марсиане делают упор на технику, организацию производства и покорение природы, хотя и не относятся к ней хищнически.

На мой взгляд, различия в описании Марса объясняются в значительной степени разницей в личностях авторов, складе их характера и образе мыслей. Несмотря на то, что герои, от имени которых ведется повествование, не тождественны личностям авторов, несомненно, в их уста авторы вложили много своих представлений и убеждений. В этом контексте представляется не случайной выбранная ими сама форма изложения – от первого лица. По стилю описания марсианской жизни, его эмоциональной окрашенности мы можем судить о разнице в складе характера и стиле мышления авторов сравниваемых произведений. В своем повествовании рационалист А. Богданов подчеркивает разумность устройства марсианской жизни, ее опору на рациональность, в том числе в межличностных отношениях. Текст П. Инфантьева полон красочными эпитетами, описаниями необыкновенной природы и удивительных построек; его герой эмоционален, он восхищается, изумляется, восторгается, радуется и переживает...

В целом же по этим произведениям мы можем судить о представлениях писателей-революционеров начала XX в. об устройстве будущего общества, а также о том, как и по каким направлениям виделось людям этого времени развитие науки и техники.

Библиографический список

1. Блюм А.В. Первая русская «марсиана» и ее автор // Уральский следопыт. 1970. №5. С.58–61. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/blum_3.htm (дата обращения 22.05.2021).
2. Богданов А.А. Цели и нормы жизни // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет / Под ред. Л.И.Абалкина (отв. ред.), Г.Д.Гловели, В.К.Парменова, Н.К.Фигуровской; составл. и коммент. Г.Д.Гловели; предисл. Г.Д.Гловели и Н.К.Фигуровской. М.: Политиздат, 1990. М., 1990. С.46–77.
3. Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет / Под ред. Л.И.Абалкина (отв. ред.), Г.Д.Гловели, В.К.Парменова, Н.К.Фигуровской; составл. и коммент. Г.Д.Гловели; предисл. Г.Д.Гловели и Н.К.Фигуровской. М.: Политиздат, 1990. С.104–203.
4. Васильев И.Е., Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (Богданов и Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013.№2. С.129–140. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19122305_81890084.pdf (дата обращения 22.05.2021).
5. Желтикова И.В. Перспективы России сквозь призму образов будущего рубежа XIX–XX веков // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. №5. С.85–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossii-skvoz-prizmu-obrazov-buduschego-rubezha-xix-xx-vekov> (дата обращения: 22.05.2021).
6. Инфантьев П.П. На другой планете // Помочь можно живым: Сб. фантастики / Сост. Л.Ю.Шувалов. М.: Молодая гвардия, 1990. С.407–480. URL: http://az.lib.ru/i/infantxew_p_p/text_1901_na_drygoy_planete.shtml (дата обращения 19.05.2021).
7. Искендинова И.М. Первые русские революционеры на Марсе («Красная звезда» А.А.Богданова и «Аэлита» А.Н.Толстого) // Новые российские гуманитарные исследования. 2018. №13 (13). С.70.
8. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Автореферат диссертации на соискание степени д-ра филол. наук. Томск, 2005. 49 с.
9. Медведев Ю.М. [Предисловие к повести П.П.Инфантьева] // Помочь можно живым: Сборник фантастики. Сост. Л.Ю.Шувалов. М.: Молодая гвардия, 1990. 480 с. URL: http://az.lib.ru/i/infantxew_p_p/text_1901_na_drygoy_planete.shtml (дата обращения 21.02.2021).
10. Морозова А.Ю. «Неленинский» большевизм А.А.Богданова и «передовцев»: идеи, альтернативы, практика. М.: Нестор-История, 2020. 440 с.
11. Первушин А.И. Завоевание Марса. Марсианские хроники эпохи Великого Противостояния. М.: Эксмо, Яуза, 2006. С.68–70.
12. Скиапарелли Дж. Планета Марс // Известия Русского Астрономического Общества. СПб., 1899. Вып.VIII. URL: http://samlib.ru/m/mateshwili_g_g/cosmos-14.shtml (дата обращения 21.05.2021).

13. Чадаева О., Бакала П. Полет большевика на Марс: «Красная звезда» А. Богданова с естественно-научной точки зрения // *Rossica Olomucensia*. Olomouc, 2020. Vol. LIX. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num 2. P.2–24. URL: https://www.researchgate.net/publication/347436987_Polet_bolsevika_na_Mars_Krasnaa_Zvezda_A_Bogdanova_s_estestvenno-naucnoj_tocki_zrenia_Bolshhevik's_Flight_to_Mars_Red_Star_by_A_Bogdanov_from_a_Natural-Scientific_Perspective_Rossica_Olomucensia_Casopi/link/5fdb6472a6fdccdc8d3e614/download (дата обращения 20.05.2021).
14. Шарова В.Л. Революция и утопия: образы будущего в фантастических романах Александра Богданова // *Полилог*. 2018. Т.2 №4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000062-0-1-ru/> (дата обращения 22.05.2021).
15. Lowell P. *Mars*. Boston & N.Y.: Houghton, Mifflin and company, 1895. 305 p. URL: <https://archive.org/details/mars01lowegoog/page/n20/mode/2up> (дата обращения 21.05.2021)
16. Tesla N. *Talking with the Planets* // *Collier's Weekly*. 19.02.1901. URL: <http://earlyradiohistory.us/1901talk.htm> (дата обращения 21.05.2021).

Любовь Писарькова,
Мария Горячева

ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ И ШАХТЕРСКОМ ПОСЕЛКЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

ИЗ БИОГРАФИЧЕСКОЙ
ПОВЕСТИ Ф.А.ПИСАРЬКОВА
«МОИ РОДИТЕЛИ»*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94 (47) 08

Мы продолжаем публиковать отрывки из рукописи Ф. А. Писарькова (1917–1991), автора изданных в 2017 г. воспоминаний о Великой Отечественной войне. Предлагаемый фрагмент является частью биографической повести «Родители», которая во многом дополняет воспоминания. Повесть написана на основе рассказов матери, Писарьковой (Сафоновой) Елизаветы Игнатьевны (1889–1958), о своей жизни в рязанской деревне и в шахтерском поселке Донбасса. В повести много ярких бытовых зарисовок и деталей, которые представляют значительный интерес для изучения жизненного уклада и представлений людей первой четверти XX в. Также предлагаемый материал поможет проследить динамику изменений, происходящих в этот период в аграрном и индустриальном секторе.

We continue to publish excerpts from F. A. Pisarkov (1917–1991), the author of memoirs about the Great Patriotic War published in 2017. The proposed fragment is part of the biographical story “Parents”, which in many ways supplements the memories. The story is based on the stories of his mother, Pisarkova (Safonova) Elizaveta Ignatievna (1889–1958), about her life in the Ryazan village and her impressions of life in mining village of Donbass. The story contains many vivid everyday sketches and details that are of considerable interest for studying the way of life and ideas of people in the first quarter of the 20th century. Also, the proposed material will help to trace the dynamics of changes occurring during this period in the agricultural and industrial sectors.

Ключевые слова: мемуары; жизнь простых людей в 1-й четв. XX в.; Донбасс; быт шахтеров; шахтерский поселок; русская деревня; Рязанская обл.; повседневность.

Key words: memoirs; life of ordinary people in the 1st quarter. XX century; Donbass; everyday life of miners; mining village; Russian village; Ryazan region; everyday life.

E-mail: afanasiev44@list.ru; masha22275@list.ru

*При финансовой поддержке РФФИ, грант №20-09-00109. Окончание. Начало см. *Россия XXI*, №2, 2021.

Внимание читателей вновь предлагается отрывки из рукописи Ф.А.Писарькова, автора опубликованных в 2017 г. воспоминаний о Великой Отечественной войне¹, которые представляют собой часть дополняющей воспоминания биографической повести «Родители». Личный архив Ф.А.Писарькова включает 29 общих тетрадей с черновыми и чистовыми вариантами воспоминаний, стихами, размышлениями о жизни, политике, литературе, повестью о молодости родителей и некоторыми другими материалами². «Воспоминания» охватывают более 30 лет насыщенной событиями истории Донбасса и страны в целом, не получивших должного отражения в мемуарной литературе.

Повесть написана на основе рассказов матери, Писарьковой (Сафоновой) Елизаветы Игнатьевны (1889–1958), о своей жизни. Родившись в крестьянской семье в небольшой деревне Рязанской губернии, она рассказывала об условиях жизни простой семьи: бедность, непосильный труд ради выживания, прокопченная изба, в которую в морозы забирают и телят. Тем сильнее был контраст с жизнью в семье рязанского инспектора семинарии, где она в ранней юности служила в няньках, которая ей казалась роскошной и праздной. Мать вспоминала и свои первые детские впечатления от церкви, когда она из грязной вонючей избы «попала в сказочный мир, где все сияло, горело, пело под переливчатый перезвон колоколов». Именно это первое впечатление, а также общий уклад чтящей религиозные традиции семьи стал основой ее истинной религиозности, которая помогла ей перенести жизненные испытания. А испытаний этих выпало на долю матери автора с лихвой.

¹ *Военные воспоминания нестроевого солдата Федора Александровича Писарькова. М.: Новый Хронограф. 2017. 293 с.*

² *По материалам архива Ф.А.Писарькова опубликованы статьи: 1) Горячева А.Н. Украинизация русских школ Донбасса 20–30-х годов в воспоминаниях современника // Актуальные проблемы личности, образования и общества в контексте социально-гуманитарных наук. Тезисы II Международной студенческой научно-практической конференции: Сборник статей. М.: ООО «Издательство РИТМ», 2019. С. 251–254; 2) Горячева А.Н. Традиции и инновации рабочего поселка Донбасса 20-х–30-х годов глазами ребенка: Воспоминания Ф.А.Писарькова // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И.А.Алеиковский, А.В.Андрянов, Е.А.Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2019; 3) Горячева А.Н. Образ матери как один из архетипов поддержки в экстремальной ситуации (на основе анализа текста воспоминаний Ф.А.Писарькова) / Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» [Электронный ресурс] / Отв. ред. И.А.Алеиковский, А.В.Андрянов, Е.А.Антипов. Электрон. текстовые дан. (1500 Мб). М.: МАКС Пресс, 2020; 4) Писарьков Ф.А. Жизнь в Донбассе в 1920–1930-е годы / Сост. Л.Ф.Писарькова, А.Н.Горячева // Россия XXI. М., 2021. №2. С. 138–157; Писарьков Ф.А. Школьное образование в Донбасс в 1920–1930-е годы / Сост. Л.Ф.Писарькова, А.Н.Горячева // Исторический архив. 2021. (6 печ.).*

Автор ярко описывает ее встречу с будущим мужем, человеком городского склада, на десять лет старше ее, повидавшим Россию и имеющим за плечами опыт работы шахтером, ее волнения за свою «дремучесть» и неграмотность. После свадьбы родители автора переехали в Донбасс, где героиня биографической повести – юная Лиза – была поражена видом шахтерского поселка, идущих со смены грязных рабочих и условиями жизни многих из них. Муж бережно к ней относился, помогал ей во всем, научил читать. Первым ударом для молодой женщины стала смерть первенца. Потом жизнь взяла свое, и к двадцати двум годам она уже была матерью трех сыновей.

Следующая часть биографической повести вводит читателя в переживания и проблемы молодой вдовы, оставшейся в тридцать пять лет с шестью детьми на руках после того, как ее муж погиб в шахте в результате несчастного случая. Она вспоминает, как в этот тяжелый период к ней стали приходить баптисты, окружая мнимым сочувствием и активно склоняя в свою веру. И только смирение перед божьей волей помогло ей найти силы жить дальше. Шахтком помог вдове оформить пенсию, старший сын уже работал, второй тоже предпочел без ведома матери бросить школу и устроиться рассыльным на шахту. Лиза чувствовала в Донбассе себя чужой, боялась, что кого-нибудь из сыновей постигнет участь отца, хотела, чтобы они «не знали шахты». Поэтому после настойчивых советов родни она с младшей дочкой поехала в родную деревню, чтобы посмотреть, можно ли ей с детьми вернуться на родину.

На контрасте с достаточно благополучной жизнью шахтного поселка и даже с ее воспоминаниями юности ей предстала грустная картина упадка и запустения. Двоюродный брат предостерег ее от опрометчивого поступка: «Ну, будет у тебя изба, землю дадут, а работать-то на ней кому? Дети малы, надо нанимать, платить. А чем?» Простившись с полуразвалившейся родной избой и могилами родителей, мать автора вернулась в Донбасс и подчинила свою жизнь одной цели: вырастить детей достойными людьми. Ей это удалось сполна. Но ее ждало еще одно испытание: получить три похоронки на сыновей во время войны.

Автор пишет о матери с неизменной любовью, которая пронизывает не только предлагаемый фрагмент, но и все его воспоминания. Написанная прекрасным литературным языком, повесть о родителях послужит важным источником для изучения быта простых людей первой четверти XX века.

Рукопись полного текста «Воспоминаний» Ф.А.Писарькова готовится к печати, ее издание планируется на конец 2021 года.

Из биографической повести Ф.А.Писарькова «Мои родители»

Лиза только что вернулась в деревню из Рязани, где служила в нянках у инспектора семинарии. Жилось ей там неплохо. Хозяйка, женщина образованная, держалась с ней просто. Старалась как-то сгладить, уровнять с ней свое положение. Никогда ее не заставляла, не принуждала к работе, а только предлагала: «Лиза, давай займемся уборкой», – и, надев передник, первая принималась за работу. Жили они скромно, наверное, как все интеллигенты того времени, но ей, бедной деревенской девушке, казалось, что они утопают в роскоши и богатстве. Ее изумляли и приводили в трепет чистота комнат, шкафы с книгами и посудой, мягкие диваны, ковры, картины, белые простыни и жизнь без тяжелого труда. Как ни хорошо ей было, но она чувствовала себя чужой среди этих людей. Тосковала по деревне, по родной избе, по простому укладу жизни, и, как только кончился срок договора, она сразу уехала.

Жизнь в городе, в семье культурных и образованных людей не прошла для нее бесследно. Хотя она была неграмотной и многого не понимала в их жизни, но, общаясь с ними, ей пришлось вольно или невольно подстраиваться под их нрав, привычки и поведение. Все это как-то возвысило ее духовно и еще более выделяло ее скромность и девичью застенчивость.

Больше года она не была дома. Ее радовали простор зеленых лугов, тихая речка, склонившиеся над ней деревья и проселочная дорога, убегающая вдаль. Эта красота родной природы омрачалась бедностью и нищетой

Село в Рязанской области

деревенской жизни: в избах грязь и вонь, исхудалые бабы, грязные сопливые дети, бесконечные хлопоты, суета и грубость. После города, общения с культурными людьми эта жизнь произвела на нее тягостное впечатление. Но здесь она родилась, здесь жили ее мать и дед. И она также, как мать, выйдет замуж за деревенского парня, нарожает кучу детей, будет жить в бедности, в прокопченной от дыма избе вместе с телятами, в грязи и вони. Ей еще не было и семнадцати лет, и она не думала о замужестве, даже страшилась его. Она видела не раз, как девушка чуть постарше ее, счастливая, в подвенечном наряде, с сияющим лицом, выходила из церкви после венчания, а через некоторое время, от непосильной работы, от ежедневных упреков и придинок свекрови чахла, опускалась и быстро старела. Так думала она. А мать думала, как бы лучше ее пристроить и поскорее сбить с рук.

В один воскресный день в начале лета она достала из сундука сарафан, цветастый полushалок (все это она купила в Рязани на заработанные деньги), принарядилась, глянула в осколок зеркала и направилась на улицу.

В это время мимо двора проходили двое мужчин. Увидев ее, они остановились, и один из них обратился к ней: «Красавица, вынеси попить воды!» Она вернулась в избу, зачерпнула ковш воды, неспешно, чего-то стесняясь, подошла к ним. Они пили, а она смотрела на них и думала: «Какие-то нездешние, а молодой, вишь, как вырядился: сапоги, шляпа и часы на цепочке, должно быть, городской».

Напившись, молодой вытер лицо платком, посмотрел на нее и спросил:

– А как тебя зовут, красавица?

Она зарделась, опустила глаза и тихо назвала свое имя. <...> Эта случайная встреча прошла бы незамеченной, но, видно, судьбе угодно было решить иначе.

Через несколько дней ее брат Матвей, молодой веселый парень, придя вечером с улицы, сел на лавку, хлопнул по ней картузом и со вздохом проговорил:

– Эх, жизнь наша никудышняя!

– Ты что? – спросила мать.

– Да то, что живем мы как мыши в подполье, ничего не видим и не знаем.

– Не возьму в толк, что ты мелешь? – сказала мать сердито.

– Да вот сегодня встретил человека, да, вот это человек... еще молодой, а всю Рассею объехал, а говорит – как по книжке читает! На Кавказе был... горы там большие, на них снег не тает, а внизу жарко. Стих про Кавказ рассказывал так складно и хорошо, все заслушались.

– Врет он, небось, все, а вы уши развесили!

– Да не врёт, он приехал недавно оттуда, и одет чисто, по-городскому.

Скоро, говорит, опять уеду туда.

– А кто он, откуда сам-то? – спросила мать.

– Зовут его Александра, а сам он с Карповки. У него родителей нет, к тетке приехал. Посмотрел я, маманя, на него, как он одет, как у него все не так, как у нас. Завидно стало, и надумал я, маманя, уехать из деревни в Рязань или в Москву. Устроюсь где-нибудь, поживу, людей погляжу, может, и я человеком стану. <...>

Лиза почему-то сразу поняла, что брат рассказывает о человеке, которого она видела несколько дней назад. <...>

Наступила Троица. Легкий ветерок чуть колышет деревья, безоблачно голубое небо, и все вокруг зеленеет, течет, волнуется, дышит, живет полной жизнью. Люди, позабыв повседневные заботы, как-то сразу преобразились, помолодели, вышли на улицу. Бабы в белых платках, в пестрых поневах расселись у плетней, у их ног копошатся малые дети. Парни и девки с гармонистом впереди шли за околицу в березовую рощу. <...>

Он стоял перед ней, веселый, улыбчивый, пытался расположить ее к себе, много говорил, спрашивал. Она отвечала односложно. На вопрос, что она делала в Рязани, она ответила: «У барина ребят нянчила». Сказала так просто, с такой непосредственностью, что это вызвало у него восхищение. Она знала, что он смотрит на нее, а сама почему-то боялась на него взглянуть. «Что ему надо? Стоит и стоит, шел бы куда-нибудь. Люди смотрят, подумают еще что; самой уйти неловко». Запыхавшиеся, покрасневшие, подошли брат и подруга.

– Ух, уморились, – проговорила Дашка, тяжело дыша, обмахиваясь платочком. Жарко, пойтить где посидеть!

– Пойдем, Лизка, вон на травку под дерево сядем.

Как-то внезапно скрылось солнце, загремел гром, подул ветер, зашумели, закачались деревья, и брызнул дождь. Все бросились бежать, обгоняя друг друга. Дождь хлестал ее, но на душе было легко и весело, то ли от летнего дождя и ветра, то ли от чего другого. Вбежала в избу мокрая, с распушенной косой:

– Ой, мамочка, дождь какой – страсть! – проговорила она, отжимая косу.

– Да вижу, что вся измыгалась! Сымай сарафан-то, чиво стоишь, как ступа! – сказала мать сердито. Только Лиза успела переодеться, как в избу вошел брат, а за ним следом Александр. Увидев их, она отвернулась,

сняла с веревки полушалок, встряхнула, разгладила и повесила снова. Александр поздоровался, сказал:

– Вы меня простите, ради бога, что зашел к вам дождь переждать, он скоро перестанет.

<...> Вышли на улицу. <...> Она хотела сразу свернуть за плетень, но он остановил ее, взял за руку и сказал:

– До свидания, Лиза.

Она, не поднимая глаз, чуть слышно проговорила:

– Ну, прощай.

– Почему же прощай? – сказал он, улыбаясь. – Разве мы больше не увидимся?

Их взгляды встретились; глаза сказали все, что они еще не смели сказать словами. Он смотрел на нее и радостно улыбался. Она почувствовала, как загорелось ее лицо, неловко вырвала руку и быстро скрылась. <...>

После этого он часто бывал у них. С его приходом в избе как будто становилось просторнее, светлее. <...> Для этих бедных людей, без про света, без радости в жизни, его рассказы были подобны сказкам о волшебных царствах, где нет зимы, вечно сияет солнце и на деревьях зреют причудливые плоды.

Она слушала и сопоставляла свою деревню, маленькую, бедную, с теми краями, чудными, богатыми, где он побывал, и как-то невольно она сравнивала себя с ним. Она, бедная, неграмотная девушка, а он, умный, обходительный, везде побывал, все знает, живет в городе. Да, она понимала, что не ровня ему, и старалась не замечать его, избегала встреч и разговоров с ним. Но помимо ее воли что-то неуловимое, непонятное уже сблизило их – это еще не осознанное, не высказанное чувство росло, овладевало ею, и она всеми силами старалась подавить это чувство.

В одно воскресенье после Троицы все ушли в церковь, а она осталась дома. <...>

Счастливым, веселым, стоял он перед ней и говорил о своей любви, о их жизни, счастливой, радостной, вдалеке от родной деревни, куда они уедут после женитьбы. Она слушала и не понимала, о чем он говорит, только смотрела на него с застенчиво сияющей улыбкой. Волна радости, счастья нахлынула на нее, и все потускнело перед этим всепобеждающим чувством любви. <...>

– Я вижу, что дочь согласна, и с моей стороны никакого запрету не будет, – сказала мать. – Но я тебе хочу сказать, да и сам ты видишь, что мы голь перекатная, нищая. Ни на ней, ни за ней ничего нету: «Два

полушалка, рубль да скалка, сарафан да старый кафтан – вот и все приданое, богом данное».

– Да бросьте вы, Марфа Ивановна! Никакого приданого нам не нужно. Мне от вас, кроме Лизы, ничего не надо! Остальное все наживное! <...>

– Ну, да бог вас не оставит своей милостью. Вот только, Александра, где вы будете жить и как?

– Здесь мы не останемся. От крестьянства я отвык, да и земли нету. Вот обвенчаемся и уедем в Донбасс на шахты. Там заработки хорошие, и жильё будет. Лизе там будет хорошо.

– Уж больно далеко, зятек, ты хочешь увезти дочку... Не узнаешь, что и как... Да и тут горе горевать да похлебку хлебать тоже хорошего мало. Ну, как обвенчаетесь, тогда воля ваша... куда хотите. А с венчанием придется, Александра, погодить. Вот уберем хлеб, а после можно и под венец.

Когда все было обговорено, решено, будущий зять поставил на стол бутылку водки. Все сели и выпили за здоровье жениха и невесты. <...>

Стояли жаркие безветренные дни. Спела рожь, дыша теплом, склонив колосья, готовая к жатве. Подошла рабочая пора, и они всей семьей выехали в поле, оставив дома на хозяйстве деда. Отец с братом косили рожь, они с матерью вязали снопы. Первый день был особенно тяжелым и изнурительным: безоблачное небо, зной, от скошенный ржи, как от печки, дышит жаром. Пот заливает лицо, потрескались исколотые руки, мучают сухость во рту и жажда, которую не утолить теплым, как парное молоко, квасом. День тянется долго, но вот, наконец, обед, короткий отдых и снова работа до позднего вечера, до темноты. Кое-как поужинав, тут же на снопах ложатся спать. В вечернем небе зажглись звезды. Она увидела ту яркую Венеру, о которой рассказывал Александр, и сейчас, лежа на снопах, чувствуя убаюкивающую тишину ночи, думала о нем. <...>

Работали дружно, не покладая рук, без сна и отдыха, и за погоду с хлебом управились. Измученные, прокопченные солнцем, но довольные, счастливые, возвратились домой. Прошло дней десять, уже намолотили хлеб нового урожая, провяляли, просушили, а отец смолот на мельнице. Мать вытащила из печи первый каравай, торжественно, на полотенце, подала на стол, перекрестила и каждому отрезала по ломтю. Все ели и думали, каким тяжелым трудом достался этот ломоть хлеба. <...>

Спас – конец лета, выдался ярким и светлым, с желтеющей лиственной берез, с запахом яблоч, обмолоченного хлеба, с тихой предосенней грустью в природе. <...> Через неделю состоялось венчание. Приехали из Москвы брат и сестра, вернулся с заработка отец. Пришли близкие знакомые, сели за стол, тихо и скромно отпраздновали свадьбу. <...>

Три дня ушло на сборы. Все суетились, толкались, мешая друг другу. Мать, взволнованная хлопотами, носилась по избе, предлагая дочери взять то одно, то другое, потом открыла сундук и стала бережно вытаскивать на стол холсты, юбки, платки, сарафаны, доставшиеся ей еще от матери. Зять посмотрел на эту кучу старомодного тряпья, усмехнулся и сказал:

– Мамаша, ну зачем это все нам? Там любой платок можно за полтинник купить, а эти юбки и сарафаны теперь не носят. Ну, одну штуку холста можно взять, а это все уберите.

Мать, прикусив губы, с обидой произнесла:

– Ну что же, зятек, шелков да атласов не припасла, не обессудь, чем богаты, тем и рады.

– Да вы не обижайтесь, мы все купим, и Лиза будет одета не хуже других.

Но вот, наконец, все упаковано, увязано. Все успокоились, и всем стало грустно. <...> Она вышла во двор. В вечернем воздухе чувствовалась прохлада осени, но было тихо, и все вокруг, казалось, о чем-то грустит, о чем-то думает. Она стояла у ворот, смотрела на улицу, на убегающую вдаль дорогу, на сверкающий купол церкви. «И все это я завтра уже не увижу. Вот и солнышко не увижу, как садится», – прошептала она, глядя на розовый закат. Она не слышала, как подошел муж, обнял ее плечи. <...>

– Первый раз, Лиза, тяжело уезжать из дома, когда уезжаешь надолго. Но ты, Лиза, не тужи. К хорошему легче привыкать. Нам будет с тобой хорошо, а домой будем чаще письма писать. А там, к весне, и в гости приедем. <...>

И вот сели в вагон, поезд тронулся, станция осталась позади, и все, чем она жила до этого, все скрылось от нее навсегда, ушло в прошлое.

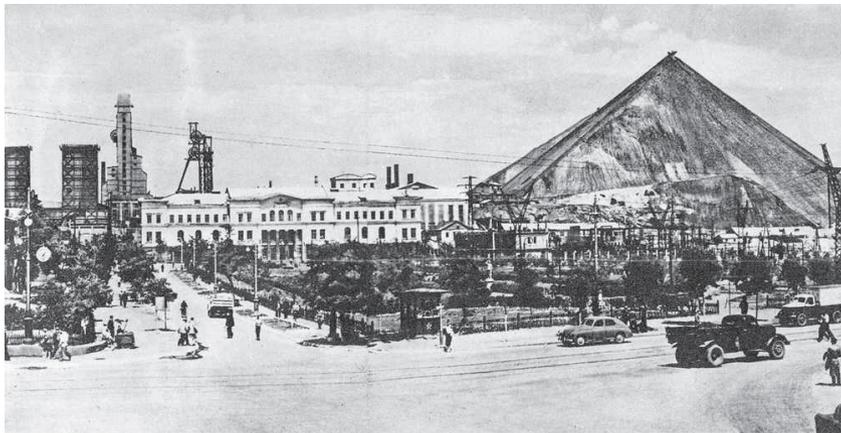
После двух суток езды прибыли на станцию Н<икитовка> на одну из шахт Г<орловки>. Шахтный поселок, мрачный, окутанный дымом, встретил их зычным протяжным гудком.

Она от неожиданности вздрогнула, испуганно посмотрела на мужа. Он успокоил ее и объяснил, что гудки здесь вроде часов: дают знать рабочим, когда идти на работу. Она шла, пугливо озираясь по сторонам. Все для нее было чужим, непонятным, неестественным. С переулка навстречу им вышло несколько человек, одетых в грязные лохмотья, с черными, как сажа, лицами. Она затряслась от страха, прижалась к мужу. Он, смеясь, похлопал ее по плечу.

– Не бойся, это не черти, а рабочие идут с работы.

Муж раньше работал на этой шахте. У него было много знакомых. У одних они и остановились, а через несколько дней он уже работал

на шахте бурильщиком. Месяца через два они получили квартиру. Случилось это неожиданно и просто. Уезжал знакомый рабочий и предложил занять его квартиру; выпили магарыч, и все было сделано. За день до его отъезда перенесли вещи. Небольшая комнатка и маленькая кухня их вполне устраивала. Побелили, вымыли полы, купили кое-какую мебель и зажили счастливой жизнью.

Горловка – Шахта «Кочегарка» – одна из передовых в Донбассе.
Вид с нынешней площади Восстания

После изнурительного крестьянского труда в поле и вечных хлопот по хозяйству, эта жизнь без забот и труда казалась ей праздником. Утром, проводив мужа на работу, она шла на базар или в лавку, покупала продукты, начинала готовить обед. В кухне стояла печь или, как ее здесь называли, «плита». По первости она немало помучилась, разжигая ее, но когда применилась топить углем, плита докрасна накалялась, и за час-полтора обед был готов.

Управившись с делами, садилась у окна и ждала мужа. Он приходил уставший, покрытый серой пылью. Снимал «шахтерку», подолгу мылся в корыте, надевал чистое, садился за стол, а она, гремя посудой, подавала обед.

Все, что она делала: готовила обед, стирала, мыла полы – все она делала как бы для него и старалась сделать как можно лучше, а когда он хвалил ее за вкусный обед, за уют, чистоту в квартире, ей было приятно, что он видит и ценит ее любовь к нему.

Каждую субботу муж получал деньги. Приносил по 3–4 золотые пятерки, похожие на двухкопеечные монеты. Они ярко горели, и чувствовалась в них магическая сила и достоинство. По воскресеньям ходили на базар в Н<икитовку>. Базар в те времена был не только местом для продажи товаров, но и местом отдыха, веселья, общения людей. Со всех концов слышались крики, смех, ругань, звуки гармошки. У дверей лавок и магазинов мальчишки зазывали покупателей, толпы лотошников кричали наперебой:

– Бабенки, бабенки, а вот вам гребенки, острые, зубчатые, на волосы косматые!

– Девки, молодичицы, пудра, помада всем надо, для лица отрада!

– Пирогие дешевые, грошовые, с мясом, с таким и со всяком!

На большой площади стояли телеги, слышалось ржание лошадей, мычание коров, визг свиней, крики домашней птицы. Пахло сеном, яблоками, дегтем. Здесь было все, что могло вырасти на земле в этом краю. Обычно они покупали живую птицу – гуся или утку, яиц, коровьего масла, затем заходили в универсальную лавку. Стоило переступить порог, на них моментально набрасывались услужливые приказчики, предлагая то одно, то другое. <...>

Почти каждую субботу, окончив работу, он приходил домой, а с ним 3–4 человека знакомых. Приносили две бутылки водки, наскоро умывались и садились за стол. Она жарила большую сковородку яичницы, ставила на стол хлеб, огурцы, рюмки. Они пили, закусывали, курили, громко говорили, о чем-то спорили. Она злилась, выходила из комнаты. Посидев часа два, они уходили.

– Вот мне радость убирать за ними! Табачищем все прокоптили, не дыхнешь, грязи, пыли сколько наволокли!

– Не ругайся, Лиза, пол я сам помою, – говорил муж виновато. – Люди они хорошие, да жизнь у них плохая. Это мы еще живем ничего, а посмотрела бы ты, как они живут! Так ты не ругай их, их жалеть надо.

Как-то раз он сказал ей: «Мне надо сходить в казарму, увидеть одного человека. Хочешь, пойдём со мной». Казарма находилась недалеко от шахты, в большом деревянном бараке. Еще в сенях она почувствовала запах табачного дыма и грязных «шахтерок». Зашли в казарму и остановились у дверей. Сплошная завеса дыма и пыли стояла перед ними, как осенний густой туман. В этом тумане слышались крики, смех, ругань. Когда глаза немного присмотрелись, она увидела нары, увидела людей, грязных, заросших, оборванных. От смрада, зловония закружилась голова, и она шепнула мужу: «Я выйду на улицу, подожду тебя там». Минут через десять он вернулся и спросил у нее:

– Ну как?
– Да разве можно так жить, ведь они тоже люди!
– Раз живут, значит можно, – проговорил муж с усмешкой. – А ты их ругаешь: накурили, напылили... Правда, есть тут люди и пропащие пьяницы. Приехал крестьянин из деревни заработать на коровенку, лошаденку. Работа тяжелая, каторжная. Выпил с получки раз, два, и пошло, и засосало. Так и остался на шахте, пока от водки не умрет или в шахте не убьется. Теперь ты увидела, как живут рабочие шахтеры.

Лучшая комсомольская ударная бригада шахты «Мария» на станции Никитовка (Донбасс)

Весь октябрь стояла сухая теплая погода. В ноябре пошли дожди, и все вокруг потемнело и стало еще более тоскливым. Домики поселка под нависшими серыми тучами казались еще ниже, словно вросли в землю. Последнее время она стала задумчивая, медлительная; часами сидела у окна, вздыхала, о чем-то думала. Если муж спрашивал, почему она грустная, сылалась на плохую погоду и на долгое отсутствие писем от родных.

Чтобы чем-то занять и увлечь жену, муж купил букварь и в воскресенье после завтрака, весело улыбаясь, проговорил:

– Вот, Лиза, букварь, буду тебя учить.

Она села, с недоумением глядя на мужа.

- Ты что на меня смотришь, в букварь смотри.
- Мне теперь не до букваря.
- Что с тобой? – спросил он в тревоге.

Опустив глаза, она тихо произнесла:

- Затяжелела я, дитя будет.

Глаза его засветились радостью. Он вскочил со стула, обнял ее и воскликнул:

- Лизушка, моя дорогая... У нас будет сын! Как здорово!

Он бегал по комнате, пел песни, шутил, поминутно обнимал и целовал жену. На дворе темнело, шелестел дождь по крышам, а они сидели, не зажигая огня, говорили, советовались и даже спорили о том, кто уже незримо был с ними.

Муж стал еще более внимателен к ней. Ходил за водой, за углем, знакомых больше не приводил, с работы возвращался вовремя. Свободного времени у нее стало больше, и муж уговорил ее заняться грамотой. Она с неохотой и недоверием взялась за это, лишь только для того, чтобы угодить мужу. Буквы по картинкам запомнила быстро, а вот со слогами долго не могла справиться. Муж терпеливо объяснял ей эту премудрость. Постепенно ее заинтересовала грамота. Проводив мужа на работу, она садилась за стол, открывала букварь, смотрела на буквы алфавита и удивлялась, как это из букв получаются слова, а из слов книги. Ей захотелось самой научиться читать. Она часами сидела за букварем, водила пальцем по буквам и была очень рада, когда прочла первое слово. А дальше пошло легче, и месяца через два она свободно читала букварь.

В воскресенье муж пришел с базара, выложил покупки и сказал:

– Вот тебе, Лиза, книжку купил, называется «Кавказский пленник», а написал ее граф Толстой. Очень хорошая книжка, вот погляди, какие картинки, и буквы крупные, как в букваре.

На другой день, управившись по хозяйству, она взяла книжку, посмотрела картинки и начала читать. С первых строк ее удивила простота и понятность рассказа. Она увлеклась и не отрываясь прочла до конца. Долго сидела, задумавшись, под впечатлением от прочитанного: словно сама она побывала в ауле, видела горы, татар, девочку Дину, заключенного в колодки Жилина.

Теперь муж часто приносил книги. Небольшие она читала сама, а некторые муж по вечерам читал вслух. Читал «Робинзона Крузо», «Капитанскую дочку» Пушкина, рассказы Чехова. Было у них десятка полтора книг, среди них и Евангелие. <...>

Страстная неделя – самая суетная, хлопотливая. Люди засуетились, словно проснулись от зимней спячки: в каждом доме белят, стирают, моют, все спешат управиться к празднику. С четверга начинают печь «паски», из открытых дверей тянет запахом топленого масла, ванили и сдобной выпечки. В пятницу приготовления к празднику заканчиваются. В торжественном ожидании этого дня люди отрешаются от житейских забот, становятся добрее, проникаются уважением друг к другу, и от этого чувства на душе становится светло и радостно.

В последние дни она очень уставала от предпраздничной суеты, чувствовала тяжесть во всем теле. <...> Но в субботу все было готово к празднику: высокие «паски» стояли на столе, блестя сахарной корочкой, рядом большая миска крашенных яиц, в духовке жареный гусь. Вечером, по дороге в церковь, к ним зашел будущий кум с женой. Посидели, поговорили, попили чаю. Лиза навязала мужу узелок с паской, и они ушли в церковь.

Проводив мужа, она убрала со стола, поправила лампадку перед иконами, присела на стул и задумалась. Трепетный свет лампы и какая-то чуткая тишина во всем в ожидании чего-то светлого и радостного перенесли ее в церковь, где идет служба, где все залито огнями, певчие славят Христа, и все так торжественно. Она вспомнила и свою деревню, церковь и ту темную пасхальную ночь, когда она в первый раз, еще девочкой, пришла с матерью «на всеношную». Из грязной вонючей избы она попала в сказочный мир, где все сияло, горело, пело под переливчатый перезвон колоколов. С тех пор каждый год она ходила на пасху в церковь, но те первые впечатления детства остались на всю жизнь. <...>

Это началось рано утром. Она вскрикнула от мучительной боли. Холодный пот выступил на лице. «Иди за бабкой скорей», – со стоном проговорила она. Сколько продолжалось мучение, она не помнила. Но вдруг она услышала детский крик и голос: «Сынка родила!» Она открыла глаза и увидела на руках у женщины ребенка. «Так это я родила, мой сын», – подумала она и снова закрыла глаза.

<...> Первенца назвали Сергеем. С рождением сына для нее все как-то померкло, отошло, стало второстепенным, и только любовь к ребенку, забота о нем стали для нее главным делом. <...>

Каково же было ее горе, когда на втором месяце ребенок заболел. Печальная, со слезами на глазах сидела она над колыбелью и смотрела на крошечное тельце сына, обьятое жаром. Муж, осунувшийся, небритый, мотался по аптекам, по больницам, приводил то одного врача, то другого. Врачи не могли определить болезни, приписывали примочки, компрессы, микстуры. Двое суток она не отходила от ребенка, прислушиваясь к его дыханию.

Муж хмуро ходил по комнате, заложив руки назад, подходил к колыбели, долго стоял, тяжело вздыхая, уходил на кухню, курил и пил водку. <...>

Смерть сына выбила ее из привычной житейской колеи. Она стала пассивна, медлительна, молчалива. По ночам ей слышался плач ребенка. Она вскакивала с постели, кидалась к люльке, потом, опомнившись, долго плакала, уткнувшись в подушку. Муж отнес к соседям люльку, спрятал пеленки, распашонки и все то, что напоминало ей о сыне. Он сам тяжело переживал его смерть. Она искала утешения в молитвах, часто ходила в церковь. Ночью перед иконами теплилась лампада. <...>

Зимой, когда воют метели, трещат морозы и все голо и мертво вокруг, ей казалось, что все умерло, что в этом холодном безмолвии никогда не возродится жизнь. Но наступит весна, подуют теплые ветры, засверкают ручьи, заиграет яркое солнце, зашумят деревья, запоют птицы, зацветут ароматные травы. <...>

Горе ее перекрылось рождением второго сына, которого, как и первого, назвали Сергеем. Пережитое недавно горе обострило ее ощущения. К чувству любви и нежности к ребенку прибавилось чувство страха за его жизнь. <...> Ребенок рос здоровым, и чувство тревоги и страха, пережитое ею в первые месяцы, незаметно прошло. Она стала веселой, подвижной и вновь обрела непосредственность и обаяние женской красоты. <...>

Первые годы замужества, хотя и омраченные смертью ребенка, были самыми счастливыми в ее жизни. Еще недавно бесправная деревенская девушка, она вдруг сразу обрела свободу, независимость, стала полноправной хозяйкой в доме. В деревне, где она жила, все заботы, весь интерес жизни сводился к приобретению куска хлеба. Здесь все было иначе. Ее удивляла собственная праздность, безделье, и что у них всегда есть деньги, за которые можно купить все, что захочешь. Беспечная жизнь, душевные разговоры с мужем, его рассказы о разных случаях, чтение книг пробудили в ней любознательность, интерес к жизни. Ей казалось, что она долго сидела взаперти, в темноте, а любимый человек, невзирая на все преграды, вывел ее на волю.

Шли годы, рождались дети. Один только начинал ходить, а другой уже был на подходе и рвался к жизни. В двадцать два года у нее было трое детей, три сына. Теперь уже не было той беспечности, свободы в жизни. Теперь целыми днями она работала: стирала, купала, мыла, варила, кормила, нянчила, и все успевала, все делала. Вечером, уставшая, измученная, жаловалась мужу на свою горькую долю.

Муж всегда чем мог помогал ей. Уложив детей, они подолгу сидели разговаривали. Он часто говорил ей, что дети для человека самое глав-

ное в жизни. В этом весь ее смысл: видеть, как они растут, слушать их лепет, а потом, когда они вырастут, видеть, как они живут, ходить к ним в гости – ведь это очень интересно и приятно. И есть дети или нет – человек все равно живет, стареет и умирает, так лучше жить, стареть и умирать с детьми, чем без детей.

Эти вечера, тишина и покой, душевные разговоры с мужем снимали усталость. Чувство общности их интересов и забот сглаживали все трудности жизни, и она по-своему была счастлива.

В жизни много было хорошего, было и плохое. Война, голод и общая неустроенность и неопределенность жизни – во всем этом муж разбирался и знал, что и когда надо делать и как поступать.

Она всегда чувствовала твердую опору мужа.

Светлая полоска зари еще напоминала о минувшем дне, а ночь уже рассыпала по небу звезды и тихо, приглушая звуки и шорохи, опустилась на землю. Все стихло, маленький шахтный поселок с низкими прокопченными домишками растворился в темноте.

Уставшая от дневной суеты, она вышла из душевной комнаты отдохнуть, подышать свежим воздухом. Встала у калитки, глядя в чернеющую степную даль. Тишина и покой освежили ее, со степи тянуло запахом полыни и донника, и чувствовалось что-то близкое, родное, знакомое с детства. Она вспомнила деревню, зеленеющие луга, тихую речку, дорогу, убегающую за околицу, и ей стало грустно. Уже нет в живых ни отца, ни матери, давно нет деда. Как бы ей хотелось еще раз увидеть свою деревню, родной дом, где когда-то бегала босоногой девчонкой!

Воспоминания ее прервал шахтный гудок. Гудел долго, надрывно, разрезая ночную тишину.

– Господи, – проговорила она. – Застоялась я, надо идти будить мужиков.

В большой сырой комнате тускло горела керосиновая лампа. Она подошла к постели мужа. Он не спал – лежал, подложив руки под голову, и неподвижно смотрел в потолок, о чем-то думая.

– Ты проснулся? Ну тогда вставай, гудок прогудел. Сейчас сына разбужу.

– Он уже встал, – промолвил муж, не меняя позы. После некоторого молчания посмотрел на жену и сказал:

– Сядь-ка посиди, еще успеем. Вот я тебе сон расскажу, послушай. Иду я, будто, полем, а поле большое и края не видать, а мне надо это поле перейти. Ну я иду, легко, весело, солнышко светит, птички поют, трава зеленая. И долго я так шел без усталости, а впереди все поле и поле, потом неожиданно-негаданно чувствую, что я куда-то падаю, и очутился я в глубокой яме. Ну, думаю, сейчас вылезу. Стал карабкаться наверх, лезу все выше и выше, вот уже и край ямы, но тут нога поскользнулась, и я падаю вниз. Несколько раз пробовал вылезти и все время падал. Так и не знаю, вылез я или нет, гудок разбудил.

– Нехороший это сон, Александра, – со страхом проговорила жена, – Ох, как нехорошо. Ты не ходил бы сегодня на работу, а? Право, не ходил бы!

– Ну что ты, мать, снам верить – на свете не жить, – ответил он шутливо. – Да и работаем мы вдвоем с сыном. Ему, небось, ничего не снилось.

Слова мужа, его шутливый тон немного успокоили ее. <...>

Проводив мужа и сына, закрыла двери и прошептала: «Дай, Господи, чтобы все было хорошо!». Отошла в угол к иконам; долго молилась, шепча и припадая к полу. Окончив, перекрестила окна, двери, подошла к детям. Рядом с ее постелью, на грубо сколоченном топчане спали самые меленькие: девочка лет трех и мальчик лет семи³. Перекрестила их и отошла вглубь комнаты, откуда несло снопение и сонное бормотание троих старших ребят; поправила сползшую дерюгу и перекрестила. «Господи, – прошептала она. – Какую я кучу детей нарожала, и все один одного меньше». Еще раз оглядела комнату, погасила свет и легла.

Житейские заботы не давали ей уснуть, а их было много, и большая часть этих забот ложилась на ее плечи. Да, трудно обжиться на новом месте, когда ничего нет, кроме шести детей. Не прошло еще и года, как они приехали сюда с Оренбургской губернии. Там они имели землю, хозяйство и жили неплохо. В 1921 году случился неурожай. Хотя голода не ощущали, но проели все запасы, а на следующий год пала скотина и все пошло прахом. Распродав остатки хозяйства, они приехали сюда, в Донбасс. В молодости, после женитьбы, они жили здесь, жили хорошо; имели свою квартиру, все было дешево, и заработки были неплохие. Сейчас здесь, после войны, разрухи, все начинает постепенно налаживаться и восстанавливаться. Первое время ютились на квартире, в маленькой кухоньке, и только месяц тому назад шахта дала квартиру: одну комнату, большую, просторную, но без полов, сырую, с маленькими тусклыми окошками. <...>

Она взяла кошелку и хотела идти на базар. Но тут в открытую дверь вбежал сын Сергей, бледный, с перекошенным лицом, и выкрикнул:

³ Мальчик лет семи – автор.

– Папу прибило в шахте!

Мать смотрела на сына и не понимала, о чем он говорит, но через мгновение лицо ее исказилось, она затряслась, кошелка выпала из рук.

– Как прибило? – почти шепотом спросила она. Сын сбивчиво рассказал, что они уже закончили работу и шли к стволу. По дороге отец вспомнил, что забыл бурильный молоток, и вернулся. У него потухла лампа, и на него в штреке наехал коногон. Но он был еще жив, когда увозили в больницу.

Она вспомнила сон мужа, и мысль, что он умрет, наполнила душу страхом. В отчаянии она припала головой к столу и громко зарыдала, как по покойнику. Разбуженные криком, вскочили дети. Удивленно посмотрели на плачущую мать и, поняв, что случилось, заплакали, закричали на разные голоса. <...>

Две напряженные телеги стали у двора. На одну поставили гроб с покойником, на другую положили деревянный крест и посадили двоих маленьких детей. Кто-то крикнул: «Трогай!» и лошади, понутив головы, медленно тронулись с места.

Небольшая толпа шла за гробом: человек пять мужчин да несколько соседских женщин. Лиза словно окаменела: не плакала, была безучастна ко всему, что происходило вокруг. Она не могла представить своей жизни без него, и жизнь утратила для нее интерес.

Тишина кладбища, могилы, заросшие травой, погнившие кресты наводят человека на печальные мысли о недолговечности, о суете его жизни. Готовая могила, чернея среди зелени, ждала покойника. Лошадей оставили у дороги, сняли гроб, крест поднесли к могиле. Она стояла в оцепенении, не понимая, что происходит вокруг нее. Кто-то из мужчин подошел к испуганным детям, жалостливо поглядел на них:

– Давайте, детки, попрощайтесь с папой, больше вы его не увидите.

Они несмело, по одному, подходили к гробу, неумело потыкались губами в холодный лоб и, плача, отходили к матери.

– А тех двух маленьких, что в бричке, забыли? Их тоже надо к отцу подвести, – сказала одна из женщин. Мужчина немного подумал, посмотрел на детей и сказал:

– Не надо... маленькие еще, испугаться могут.

А те двое сидели на телеге. Девочка часто смеялась, с интересом смотрела, как лошадь щиплет траву, как машет хвостом, отгоняя мух. «Мы поедем на лошадке, а папа спит-спит... папа, вставай, поедем домой», – она щebetала и щebetала, а мальчик сидел молча, чувствуя, что произошло что-то страшное. Он еще не мог это как следует понять, но запомнил на всю жизнь. <...>

Принесли крышку гроба. Двое мужчин подошли к ней, успокаивая, взяли под руки и отвели от гроба. <...>

Услышав стук, она обернулась, увидела заколоченный гроб и сразу обмякла, в глазах замелькали разноцветные круги, и лишилась чувств.

Гроб опустили в могилу. <...> Засыпали могилу, поставили крест, увели осиротевшую семью, разошлись люди, и привычная тишина воцарилась на кладбище. <...>

После похорон мужа она, мать шестерых детей, отрешилась от всех домашних дел и забот и жила своей обособленной жизнью, безразличная ко всему окружающему. Целыми днями сидела молча, склонив голову, или бесцельно ходила по комнате, не вникая ни плачу детей, ни их просьбам, не зная, сыты они или голодны. Вечером дети укладывались спать, в комнате наступала тишина. Лежа в постели, она оставалась одна со своим горем, с думами о погибшем муже. В темноте казалось, что он лежит рядом: стоит только протянуть руку, и она коснется его. «Боже, – думала она. – как это могло случиться? Ведь восемнадцать лет жила как за каменной стеной, а теперь осталась одна с детьми, на чужой стороне, среди чужих людей». <...>

Прошло три недели со дня смерти мужа. Она не могла еще свыкнуться с этим и по-прежнему находилась в полувменяемом состоянии. Детей она не замечала, и они стали сторониться ее и жили сами по себе. Ходили в магазин, топили печь, что-то варили и ели. Ночью, когда кто-то из детей просыпался, то при тусклом свете лампадки видел мать, склоненную над столом, слышал ее плач.

- Мама, не плачь, не плачь, – просил ребенок дрожащим голосом.
- Спи, спи, сынок, я больше не буду.

<...> Вера в бога была для нее единственным утешением в ее горе. Долгие бессонные ночи простаивала она перед иконами, шепча молитвы. Иногда в душе ее возникали сомнения в справедливости бога по отношению к ней. <...>

Узнав про ее горе, ее беспомощное положение, к ней стали навещать баптисты. Тихие, благочестивые женщины сочувствовали ей, успокаивали, называли сестрою, проникновенным голосом призывали к покорности, советовали отрешиться от мирских дел и приобщиться к истинной вере. Ее настоятельно просили посетить богослужение баптистов, где она между сестер и братьев почувствует облегчение и познает радость единения с богом.

Монашеский вид этих женщин, вкрадчивый разговор о боге, о любви к ближнему, о смирении, сочувствие к ней умиротворяли ее, отрешали от действительности. Но когда они стали хулить ту веру и церковь, в которой она крестилась и крестила своих детей, стали осуждать привычные ей обряды и праздники и проповедовать свои, чуждые, непонятные ей, она ужаснулась от этой мысли. Баптисты, убедившись, что эта женщина, несмотря на испытания, тверда в своей вере, оставили ее в покое.

Хотя у нее не было близких знакомых, все соседки сочувствовали ее горю. Одна из них, пожилая женщина, как-то подошла к ней, добрыми старческими глазами посмотрела на нее и тихо проговорила:

– Что же ты, милочка, делаешь? Ведь ты сама себя губишь.

От ласкового голоса у нее выступили слезы.

– Да хоть и умереть, какая моя жизнь без него? – сказала она сквозь слезы.

– Нет, милочка, так нельзя. Детей надо пожалеть, а ты детей совсем забросила. Конечно, горе большое, но жить-то надо... Дети ваша кровь, и ты должна, милочек, для его памяти, для его души поставить их на ноги. Плачем, милочек, не поможешь и не вернешь... вот подумай хорошенько, как и что, и за детьми смотри. И начинай жить, бог не оставит тебя.

Добрые слова старой женщины на время приглушили ее горе, вывели из состояния отрешенности, тупого безразличия. В первый раз за это время она посмотрела на детей материнским взглядом, и сердце сжалось от боли. Худые, грязные, с испуганными лицами, они выглядели как сироты. Она оглядела квартиру. Кругом грязь, беспорядок, печь давно не топлена. <...>

В квартире сразу стало уютней. Жарко топились печь, пахло жареным луком, повеселевшие дети крутились возле матери, ожидая еду. А когда они уселись за стол и заработали ложками, она села поодаль, оглядывая каждого из них, словно после долгой разлуки, и чувство нежности охватило ее сердце. <...>

Через несколько дней ее вызвали в шахтком. Никогда не имевшая дел с учреждениями, она робко вошла в большую комнату и остановилась у дверей. Сидевший за столом человек пригласил ее сесть. Она несмело подошла и присела на край стула.

– Я пригласил Вас, чтобы поговорить о вашей дальнейшей жизни и помочь Вам. Главное, что Вам нужно – это выхлопотать пенсию. Вам будут платить на детей. Мы здесь подготовили все документы, подберем толкового человека, и он Вам поможет. <...>

– У Вас шестеро детей, Вам тяжело будет с ними. Я бы Вам посоветовал отдать двух маленьких в детский дом. Они там будут на полном

содержании государства. Уход за детьми там хороший, дети получают образование и какую-нибудь профессию.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на нее.

Она слушала внимательно и в душе была благодарна, что ее не оставят в беде, помогут. Но когда услышала, что хотят отдать в какой-то дом двух маленьких, самых маленьких, которые все с ней, что-то словно ударило ей в голову. Она побледнела и уже не слушала дальше.

– Ну как? – спросил человек.

– Это в приют, что ли, хотите отдать моих детей? – спросила она с дрожью в голосе.

– Нет, это детдом, но что-то вроде приюта.

– А какая же я мать, если отдам детей? – проговорила она сквозь слезы. Как вы могли это придумать? Муж, значит, погиб, а детей в приют? Да ведь я мать им, мать, вы это знаете или нет!

Человек встал, подал стакан воды:

– Выпейте и успокойтесь. Я не хотел Вас обидеть. Я хотел, как лучше, извините. Вы хорошая мать. Советская власть Вас не оставит, поможет.

На этом их разговор был окончен. Две недели изо дня в день, в сопровождении знакомого человека она ходила по разным учреждениям. <...> Но вот, наконец, закончились все мытарства, и ей выдали пенсионную книжку и назначили пенсию в размере пятидесяти рублей. По тем временам, когда только утвердился курс советского рубля и наступил расцвет НЭПа, это были немалые деньги. Экономно, без излишеств на них можно было прокормить большое семейство.

<...> Маленькая серая книжонка лежала на столе. Подходили дети, рассматривали и, переглянувшись с матерью, молча отходили. Эта серая книжонка было все, что осталось ей от мужа. Она узаконила ее одиночество и вдовью судьбу и возложила на нее полную ответственность за их с мужем детей.

И она начала жить, не считаясь с собой, полностью отдалась заботам о своем многочисленном семействе. Старший сын продолжал работать, получал шестьдесят рублей в месяц, а месяца через два после смерти мужа второй сын, четырнадцатилетний мальчишка, без ведома матери бросил школу и устроился на шахту рассыльным. Двое средних сыновей ходили в школу. Ей надо было одной думать, как их прокормить, одеть-обуть, чтобы ее дети были не хуже, чем у других людей. Но не этого она боялась. Больше всего она опасалась, как бы дети без отцовского надзора не выросли хулиганами, пьяницами и ворами, не попали бы под

дурное влияние. Как могла, она оберегала их от этого, ставила в пример отца, его честность, доброту и справедливость.

Но в детском сердце горе долго не задерживается, и слово «папа» все реже произносилось детьми. Как свойственно детям, они шалили, бегали, смеялись, спорили, дрались, не зная ни нужды, ни заботы.

Ночью, лежа в постели, она думала, планировала: надо сделать то-то, купить одному ботинки, другому пальто, третьему штаны. Уставшая от душевной сутолоки, она чувствовала себя одинокой, беззащитной. Вспоминала мужа, поверяла ему свои мысли, советовалась с ним. Одиночество делало ее все более замкнутой, необщительной. Она часто думала, не уехать ли ей в родную деревню. Там жили ее тетки. Узнав о смерти мужа, они писали ей теплые письма, жалели ее и советовали переехать в деревню в отцовскую избу, которая стояла пустой. Не было близкого человека, с которым она могла бы посоветоваться.

В однообразии житейской суеты и в тоске прошла осень, за ней зима, и наступила весна. В начале апреля теплые дожди омыли землю, подули весенние ветры, зазеленела молодая трава. Она решила поехать в деревню, проведать теток и посоветоваться, поговорить и, если понравится, переехать жить туда. И вот, посоветовавшись со старшими сыновьями и поручив им все хозяйственные дела, а соседей попросив присматривать за домом, десятого апреля она с младшей дочерью уехала в деревню.

Сидя в поезде, она вспоминала, как они с мужем ездили в деревню по этой дороге, как держали на руках маленького сына так же, как она сейчас держит дочь. Да, это было счастливое время. Они ехали в гости в первый раз после свадьбы, хорошо одетые, с подарками для родных. Муж, веселый, немного выпивший, смотрел в открытое окно на зеленые поля и рощи, ветер развеивал его волосы, лицо сияло от счастья. На каждой станции муж выбегал из вагона, а она волновалась, что его долго нет. Он же при отходе поезда вскакивал на подножку, запыхавшийся, с кульками, бутылками. Садился рядом, угощая сына клубникой и черешнями, потом открывал бутылку пива, наливал в стаканы, и они разговаривали.

Теперь она сидела одна, смотрела в окно на пробегающие черные поля, голые деревья, на серые избы с подслеповатыми окошками. Через двое суток дорожных мотаний с пересадкой она, уставшая от сутолоки, от гата людской толпы, почти совсем без сна, прибыла на свою станцию. Вышла из вагона, оглянулась. Вокруг станции те же березы, но они уже разрослись. Ее встретила тетя Дарья, женщина худая, жилистая, с лицом, изрезанным морщинами. Посмотрела на нее, всплеснула руками:

– Лизушка, да ты моя сиротинушка сердешная! – и обняла ее. <...>

Дорогой тетка рассказывала о своей трудной жизни. Муж ее погиб на войне. Она осталась с пятью детьми. Двое умерли в голодовку, две дочки замужем в другой деревне, а она живет с сыном, у которого четверо детей. Рассказала, что сноха очень ленива и что сестра Аксинья часто хворает.

Лиза слушала и думала, как быстро проходит жизнь. Будто недавно приехали с мужем в деревню, а прошло уже пятнадцать лет, умерли родные, тетка Дарья стала старухой, а Аксинья больна и скоро, наверное, умрет.

Ехали полем, по низинам кое-где стояла вода, было пасмурно, осеннему сыро и холодно. <...> Все, что было для нее дорого, утеряно навсегда, и ничего не связывает ее теперь с деревней. И сама деревня, с серыми избами, покосившимися плетнями, казалась ей чужой, неприветливой и словно вымершей.

– Вот мы и дома, – проговорила тетка, вводя ее в избу. – Давай раздевайся, а вещички вон сунь под лавку. Сейчас обедать будем.

После свежего воздуха на нее пахнуло запахом дыма, пеленок и квасной гущи. На полу около стола копошилось четверо грязных голопузых ребятишек. Она вытащила из корзины кулек и наделила каждого конфетами. <...>

За окном закапал дождь, в избе стало темнее, а нищета и грязь, смешанные с вонью, казалось, ощутились сильнее, выползая из каждого угла. Она сидела в полумраке вонючей избы, держала на руках сонного ребенка и думала: зачем она приехала? Что ждет ее здесь? Кому она нужна? От кого ждать помощи?

Вечером собралась вся семья. Сын тетки Дарьи Иван – мужик лет тридцати, угрюмый, неразговорчивый, жена его Лушка, баба неряшливая, крикливая, занозистая; пришла, опираясь на палку, тетка Аксинья, толстая старуха с ноздреватым отечным лицом. <...>

Окончив сбивчивый рассказ, она сидела, уткнувшись в платок, и тихо плакала.

– Не плачь, Лизушка, – заговорила тетка Дарья. Переезжай, и дело с концом. Чего там на шахтах мучиться... Изба есть, только ее поправить надо. Но ничего... Вон Иван поможет.

– А что, у Ивана своих делов нет? – выкрикнула Лушка.

– Цыц, тебя не спрашивают! – цыкнул на нее Иван, помолчал немного и сказал:

– Отчего не помочь? Вот управимся с севом и тогда помогу. – Посмотрел на гостью и в раздумье продолжал: – Вот ты, сестра, говоришь, шахта. Я не знаю, какая она, но раз она под землей, то и работать там тяжело и страшно. А ты думаешь, сестра, наша жизнь как вот этот сахар – белая и сладкая? Мы тоже в земле копаемся, как жуки, а что толку-то...

Бьемся как рыба об лед. А тебе, сестра, ой как трудно будет! Ну, будет у тебя изба, землю дадут, а работать-то на ней кому? Дети малы, надо нанимать, платить. А чем? Ты подумай. Смотри сама... <...>

На другой день утром пришла тетка Дарья. Посидели, поговорили, потом оставили ребенка у тетки Аксиньи, а сами пошли смотреть отцовскую избу.

Горькое чувство жалости и тоски овладело ею, когда она увидела родной дом. <...> Все являло вид запустения и обреченности: прогнившая солома на крыше, обвалившаяся труба и заколоченные окна. Тетка открыла двери, и на них пахло затхлой сыростью.

– Вот, Лизушка, смотри свою избу. Рук тут приложить надо много, крышу перекрывать надо... Вишь, потолки мокрые, плесень взялась. Да и печь надо поправлять – работы много. Шутка ли, сколько годов стоит без хозяина.

Она, не слушая тетку, стояла в оцепенении посреди избы. Здесь прошло ее детство, здесь жили и умерли ее отец и мать, здесь, в этой избе, она, молодая, трепещущая, объяснялась в любви. И все прошло, все умерли; ничего не осталось, кроме этой старой развалившейся избы. <...>

В тяжелом раздумье сошла она с крыльца, окинула взглядом двор. Все никло, разрушалось, молило о помощи. Поломанные стропила торчали, как костлявые руки, на покосившейся конюшне сорваны двери, от плетня не осталось и следа. <...>

Грустная, задумчивая, вышла она со двора, дошла до столбиков, где когда-то были ворота, оглянулась, посмотрела на избу и быстро пошла по улице. Когда изба скрылась из виду, ей стало немного полегче. Она пошла медленнее, оглядывая улицу, вспоминая, кто где жил. Но многие избы стояли без окон, с разодранной крышей. <...> Некоторые избы совсем исчезли, и лишь небольшие холмики, как забытые могилы, напоминали о чьей-то минувшей жизни. Она прошла улицу и не встретила ни одного знакомого. <...> Улица потеряла свой прежний вид, и незнакомые люди смотрят на нее, как на приезжую, чужую.

За ужином она объявила своим, что уезжает назад и в деревню переждать не будет. <...>

После долгого молчания тетка Дарья произнесла:

– Ну что же, Лизушка, может, оно и лучше. Ты человек бывалый, с разными людьми жила, и там уживешься. Добрые люди везде есть... не пропадешь, да и угол свой там у тебя. <...>

Через два дня она с дочерью уехала обратно.

(Окончание)

Дмитрий Рублев

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**АВТОР КОНЦЕПЦИИ
«ВОЛЬНЫХ СОВЕТОВ»:**

**ЖИЗНЬ И ИДЕИ
МАКСИМА РАЕВСКОГО**

УДК
929

Статья посвящена политической деятельности и идеям Максима Раевского (Льва Иосифовича Фишелева) – одного из теоретиков российского анархизма, наиболее известных в начале XX в., но в наше время забытом даже исследователями анархистской мысли. Раевский фактически первым среди российских анархистов сформулировал концепцию «вольных Советов». Анализируя события Первой Российской революции, он разработал концепцию «переходного периода» от капиталистического общества к анархо-коммунистическому, в рамках которого государственная власть, в децентрализованном варианте, должна была перейти в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов. Во время Великой Российской революции 1917–1922 гг. эта концепция постепенного перехода к анархическому строю была принята многими участниками анархистского движения.

This article is devoted to the political activities and ideas of Maxim Rayevsky (Lev Iosifovich Fischelev) – one of the theorists of Russian anarchism, publicists, most famous at the beginning of the XX century, but in our time forgotten even by researchers of anarchist thought. Raevsky was actually the first among Russian anarchists to formulate the concept of «free Soviets». Analyzing the events of the First Russian Revolution, he developed the concept of a «transition period» from a capitalist society to an anarcho-communist one, in which state power, in a decentralized version, was to pass into the hands of Soviets of Workers' and Peasants' Deputies. During the Great Russian Revolution of 1917–1922, this concept of a gradual transition to an anarchist system was adopted by many members of the anarchist movement.

Ключевые слова: анархизм; анархо-синдикализм; «вольные Советы»; Максим Раевский (Лев Иосифович Фишелев); Михаил Александрович Бакунин; Петр Алексеевич Кропоткин.

Key words: anarchism; anarcho-syndicalism; «free Soviets»; Maxim Rayevsky (Lev Iosifovich Fischelev); Mikhail Alexandrovich Bakunin; Peter Alekseevich Kropotkin.

E-mail: rublev773@gmail.com

В тени чужих имен

В эпоху Великой Российской революции и гражданской войны 1917–1922 гг. лозунг власти Советов, несомненно, становится центральным как для большевиков, так и для других партий и течений леворадикального лагеря. Советы рабочих, солдатских, матросских, крестьянских, казачьих депутатов превращаются в базовый политический институт в социально-политических моделях будущего для большевиков, левых эсеров, эсеров-максималистов и анархистов. Анархисты различных течений выдвигали лозунг «вольных Советов» («автономных Советов»). Так, например, участники Махновского движения сделали его центральным пунктом собственной политической альтернативы. Советы, избираемые на внепартийной основе крестьянскими общинами, делегатами трудовых коллективов, должны были стать основным политическим институтом социалистического общества, постепенно эволюционирующего к безгосударственной коммунистической модели. Но кто же был создателем этой теории? Ведь ни М. А. Бакунин, ни даже П. А. Кропоткин, дававший весьма лестную оценку Советам рабочих депутатов образца 1905 г., не предлагали подобных идей. Автором этой концепции был человек, широко известный в анархистских кругах того времени под псевдонимом Максим Раевский.

Ни в зарубежных, ни российских архивах нет отдельного фонда, посвященного герою нашей статьи. Лишь в фонде М. И. Гольдсмит, в Государственном архиве Российской Федерации, есть некоторые его документы (в том числе – фотографии). Нам удалось выявить шесть писем М. Раевского за 1916 г. [10]. При комплектовании фонда они были ошибочно идентифицированы, как письма Григория Петровича Максимова, известного анархо-синдикалиста, теоретика анархизма, с 1917 г. близко знакомого с Раевским. Сделано это было на основании подписи «Максим». Между тем, Максимов, служивший в это время в русской армии, не бывал в Америке до 1924 г. Русские анархисты-эмигранты в США и Канаде лишь с этого момента упоминают о нем в своих воспоминаниях и исторических работах [14; 48]. Биографы Максимова отрицают его участие в анархистском движении русских эмигрантов в США и Канаде до 1920-х гг. [46; 50; 51]. В письмах же идет речь о редакционной политике газеты «Голос Труда» в 1916 г. [10, л. 1–9]. Кроме того, в двух письмах 1925–1926 гг. Максимов описывает реалии американской жизни и нравы русских эмигрантов так, как будто

впервые попал в эту страну [10, л. 10–12]. Судя по всему, только эти два письма принадлежат ему. Почерк, которым написаны первые шесть писем, отличается от остальных. Различаются они и по стилистическим особенностям. В первых шести письмах автор называет М. Гольдсмит «Мария Исидоровна», в последних же двух – «Мария Сидоровна». Если письма за 1916 г. отличаются сдержанностью, деловой стиль, то для писем 1925–1926 гг. характерны многословие и исповедальность. Автор изливает душу, жалуется на жизнь.

Молодой революционер из украинской глубинки

Настоящее имя Раевского – Лев Иосифович (Лейба Иоселев) Фишелев. Он родился 17 декабря (по старому стилю) 1880 г. в городе Не-

жине Черниговской губернии, в еврейской мещанской семье. Отец, Иосель Лейбов Фишелев, владел домом и посудным магазином, где работал вместе с женой, Эйдл. Лев был старшим из четырех детей. Образование первоначально получал дома, затем, в 1892–1899 гг. в классической гимназии при Нежинском Историко-филологическом институте графа А. А. Безбородко. В 1899 г. он был переведен из 6-го класса в 7-й, но покинул гимназию [2, л. 1–2; 8, л. 5]. В свидетельстве, выданном после ухода, его поведение характеризовалось, как «отличное». Успеваемость – несколько выше средней. По двум предметам (русский и немецкий язык) – оценки отлично, по французскому языку – неудовлетворительно, по географии и физике – удовлетворительно, остальные предметы (латинский и греческий языки, алгебра, геометрия, история) – хорошо. Причина ухода из гимназии: «согласно прошению родителей по болезни» [9, л. 5 об.]. Из документов Департамента полиции известно, что у него были проблемы со слухом: «значительный дефект кости правого сосцевидного отростка, к каковому дефекту ведет отверстие, пропускающее мизинец и обусловленное дефектом притупление слуха» [2, л. 5]. Поэтому среди анархистов его называли «Максим Глухой» [7, л. 39]. После гимназии Фишелев учился дома, затем в 1899 г. выехал за границу для изучения философии. Слушал лекции в Берлинском (1899–1901 гг.), Гейдельбергском (1899–1900 гг.), Цюрихском университетах и Парижской Русской Высшей Школе общественных Наук [2, л. 2]. В апреле 1902 г. он приехал в Нежин для отбытия воинской повинности, а уже в конце ноября вернулся в Германию. Л. Лазарев утверждал, что Фишелев окончил историко-филологический факультет Лейпцигского

университета [14, р.295]. Но подтверждения этому мы не имеем.

В Берлине он сблизился с революционной эмиграцией. В документах Департамента полиции МВД указано, что с 1902 г. Фишелев был социал-демократом, членом Берлинской группы «Искры» [2, л. 6, 13; 4, л. 1, 12–12 об.]. Но возможно, речь шла просто о контактах с «искровцами». Вероятно, в Швейцарии он встретился с Хаимом Житловским, в то время – известным публицистом, членом Партии социалистов-революционеров. К нему была адресована изъятая у Фишелева при обыске записка, «писанная карандашом на четверти разграфленной на мелкие квадраты белой бумаги», упоми-

Лев Иосифович Фишелев. Фотография. 1900-е гг. ГАРФ. Ф.5969. Оп. 1. Д.186. Л.2

нающая о его принадлежности к некоей социалистической группе и сформировавшихся к 1903 г. анархистских убеждениях: «Житловскому. Рекомендую Вам своего хорошего знакомого, который хочет с Вами о чем-то поговорить. И.Краснов. [...] Он хотя и анархист, но все-таки принадлежит к нашей группе социалистов» [1, л.4].

С 1902 г. за Фишелевым было установлено негласное наблюдение полиции [1, л.3; 4, л. 1, 2, 2 об., 4]. 15 июля 1903 г. на железнодорожной станции Волочиск его обыскали. Были обнаружены «несколько страниц из №7 газеты «Революционная Россия», некое письмо и вышеупомянутая записка, указывающие на связи с революционерами. Он был арестован и заключен под стражу в Житомирскую тюрьму [2, л. 2, 2 об., 3; 4, л. 9]. На допросах отрицал вину, утверждая, что записка была оставлена в его цюрихской квартире кем-то из посетителей, газета же попала к нему случайно [1, л. 9–9 об.]. «Ввиду того, что дознание о Фишелеве закончено, а также требования прокурорского надзора, ввиду отсутствия точных материалов, служащих по обвинению», уже 26 августа 1903 г. он был освобожден под внесенный отцом залог в 200 рублей, и отбыл к постоянному месту жительства

Лев Фишелев. Фотография. 1900-е гг. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.186. Л.3

[2, л. 2–3, 11–11 об.]. В Нежине за ним установили негласное наблюдение полиции.

В сентябре 1903 г. Фишелев подал ходатайство в Волынское Губернское жандармское управление, а затем в Департамент полиции, о разрешении переселиться в Одессу. Свое прошение он объяснял необходимостью «писать работу для представления ее в один из германских университетов для получения степени доктора философии», а также отсутствием в Нежине врачей-специалистов, способных излечить «болезненное состояние» его ушей. Ходатайства были отклонены [2, л. 13–14]. Пребывание Фишелева в Нежине совпало по времени с созданием Нежинской группы анархистов-коммунистов, участниками которой были учащиеся и ремесленники [21, с. 32; 27, с. 115–125]. У нас нет данных об участии в группе Фишелева. Однако совпадения в его биографии позволяют предположить, что он имел к ней некоторое отношение. В очерке Л. Придеснянского говорится о планах «Р.», лидера кружка, переехать с другими пропагандистами в какой-нибудь промышленный центр [28, с. 118]. В сентябре – октябре 1903 г. Фишелев ходатайствует о переводе в Одессу. Не исключено, что эти события связаны. В очерке рассказывается о том, что «Р.» первые 2–3 месяца своей деятельности «сталкивался» в дискуссиях с членами Бунда и Революционной Украинской Партии (РУП) [28,

с. 119]. В полицейских документах есть информация о контактах Льва в Нежине с еврейскими революционерами и членами РУП [2, л. 117]. Ввиду агентурных сведений о его связях с русскими социал-демократами в Берлине, с 10 декабря 1903 г. Фишелев был подчинен гласному надзору полиции на два года [2, л. 16; 4, л. 14]. Однако 28 августа 1904 г. он скрылся через австро-венгерскую границу и был объявлен в розыск [4, л. 13–15]. О пребывании Льва в Галиции в это время свидетельствует в своих воспоминаниях Максимилиан Номад (Нахт) [56, р. 163.], в то время – участник анархистского движения Австрии, а позднее – выдающийся американский политолог и публицист лево-радикального толка.

В Нежин он вернулся после амнистии, провозглашенной в октябре 1905 г. По данным отчета начальника Черниговского Губернского жандармского управления за время проживания здесь в 1905–1906 гг. Фишелев собирал деньги и закупал револьверы для вооружения «еврейской молодежи». Поддерживая связи с эмигрантами, он выезжал в Берлин с поддельными паспортами, перевозил через границу и распространял революционные издания. Говорится и о том, что он «пользовался большим авторитетом в революционной еврейской среде в г. Нежине» [7, л. 160 об.]. 8 января 1906 г. Фишелев был арестован, а затем назначен к административной высылке за пределы Черниговской губернии. В мае, после четырех месяцев ареста, его перевели для лечения в Земскую больницу Нежина. Отсюда 16 мая Лев бежал за границу [7, л. 160], в Швейцарию, где затем проживал по паспорту на имя Якова Стелинского.

Издатель, публицист, организатор

С 20 июля 1906 г. в Женеве выходит газета «Буревестник», орган одноименной группы анархистов-коммунистов. В состав редакции вошел Фишелев. По мнению историка М. Конфино, первоначально он участвовал в группе под псевдонимами «Белинь», «Белый», «Белов» и оказался участником скандала, связанного с разграблением «буревестниковцами» типографских материалов и библиотеки редактора журнала «Хлеб и Воля» Георгия Ильича Гогелия [53, р. 228–229, 232]. Однако по свидетельству анархистского публициста И. С. Гроссмана, впоследствии Фишелев поддерживал хорошие отношения с Гогелия, они даже беседовали в неформальной обстановке на теоретические темы [17, с. 232–233]. Учитывая импульсивный характер Георгия

БУРЕВѢСТНИКЪ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Июль 1909 г.

Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ.

№ 17.

БАКУНИНЪ.

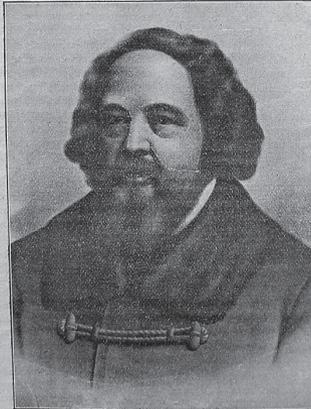
Нѣсколько словъ о Бакунинѣ! Возможно ли въ нѣсколькихъ словахъ описать гдѣту эпоху? Жизнь Бакунина эпоха, полная великихъ порывовъ. Чтобъ писать о немъ, нужно уметь создавать бесмертную эпоху жизни и борьбы за нее, нужно быть великимъ гильотинъ грядущей все сокрушающей бури, чтобы, понавъ его приротъ, воспеть его. Творческая буря жила въ его душѣ, и творилъ онъ творческую бурю. Родился онъ для творческой бури, тогда, когда жизни нужна была она. Не каждый день рождаются Бакунины; они являютъся тогда, когда рокъ требуетъ обновления, когда рокъ опустѣвшей жизни, жив-

щаго творчества, для полнаго торжества полной жизни надъ всемъ гнить, что не есть жизнь. Врагъ бури—врагъ жизни, общества, личности, творчества, и другъ смерти, паденія и разврата. Если живъ еще народъ, если въ немъ не иссякъ источникъ жизни, если живъ индивидъ и не лишился великаго дара—силы творчества, буря будетъ жить въ нихъ, и они будутъ жить въ бурѣ—и среди нихъ имя Бакунина будетъ жить жизнью вѣчною, слова его станутъ призвонной пѣсней во имя новой и новой все обновляющей бурѣ. Но если этого гнить, если они, изжитые жизнью, не живутъ болѣе, то они должны исчезнуть, очистить мѣсто, чтобы не отражать своими разлагающимися трупамъ жизни, въ великой красотѣ неиссякаемой жизнью живущей, вѣчно творщей новыя формы великой природы.

Да, такова альтернатива: или исчезновение съ лица земли, или обновление. Обновленіе, возрожденіе—только въ бурѣ. Только сильная, все сокрушающая буря способна вырвать съ корнемъ столѣтній дубъ рабства, вросшій глубоко въ гѣбо изымающаго человечества и живущій его оками. Таковъ завѣтъ и нашего великаго пророка *Вично творящаго разрушеніемъ*: «Творимъ же вѣчному духу, который разрушаетъ и уничтожаетъ только потому, что онъ есть неиссякаемый и вѣчно творщій источникъ вселенной жизни. Духъ разрушенія есть въ то же время созиданій духъ».

Вудемъ же хранить свято имя великаго учителя, будемъ идти къ бурѣ, жить въ бурѣ. Пусть мы, поборники великой идеи учителя, будемъ паранаваться обстрѣны колючимъ лѣмъ, пусть будемъ страдать ильчю,—страданіе ильчю, сделать мученика, и мы еще сильнѣе станемъ любить жизнь, еще увереннѣе будемъ нести ее, обновленія.... Вудемъ жить въ Бурѣ,—въ ней и только въ ней стѣхія вѣчнаго бытія.

К. Органъинъ.

20 мая 1814—1 июля 1876 (и. с.).

Титульный лист анархистского журнала «Буревестник» (1906–1910)

Ильича, широко известный среди революционной эмиграции, это было бы невозможно, участвуя Лев Фишелев в ограблении. В конце ноября – декабре 1907 г. Фишелев вместе с главным редактором «Буревестника» Н.И.Музилем посетил П. А.Кропоткина, пытаюсь скло-

нить его к поддержке газеты. Содержание беседы изложено в одном из писем Кропоткина к М. И. Гольдсмит. Петр Алексеевич сожалел о тяжелом положении «Буревестника», высказался за дальнейшее его издание [53, р. 314–315]. В июле 1906 – феврале 1910 гг. вышло 19 номеров газеты. Фишелев, выступавший на ее страницах под псевдонимами «Максим Раевский» (сокращенный вариант – М.Р.), опубликовал 15 статей, не считая небольших заметок из раздела «Библиография». Среди них преобладают работы, посвященные синдикализму. Первое упоминание о Раевском, как авторе статьи, появляется в №3 «Буревестника» (30 сентября 1906 г.).

Через контрабандистов на австрийско-российской границе Фишелев поддерживал связь «Буревестника» с анархистами в России. Об этом свидетельствует в своих «чистосердечных» показаниях (январь 1911 г.) анархист Евстафий Ипатов, в июне 1908 г. отправившийся за границу по поручению анархистских групп из Смоленска, Рославля и Брянска. В пограничном селе Окопы (Буковина), в доме контрабандиста Иона Зубрицкого, он познакомился со Львом Фишелевым. Вместе они отправились в Париж. Лев обеспечил его квартирой и познакомил с видными деятелями анархистского движения – П. Аршиновым, И. Гроссманом и М. Дайновым [7, л. 118 об.]. Как соредатор газеты, Лев Иосифович осуществлял подбор сотрудников [7, л. 183]. Так, анархист В. В. Раренко, арестованный полицией в конце 1908 г., давший позднее агентурную информацию о группе «Буревестник», указывал, что Фишелев, которому он передал деньги русских анархистов на издательскую деятельность, назначил его переписчиком в типографию с жалованьем до 57 руб. в месяц [6, л. 11].

В августе 1908 г. на конференции в Женеве произошло объединение групп «Буревестник» и «Хлеб и Воля» в «Союз русских анархистов-коммунистов». Фишелев сотрудничал в его органе – журнале «Хлеб и Воля», помещая обзорные статьи по общественно-политическим событиям в России [29; 38]. Некоторые прогнозы, данные в них, оказались весьма точными. Так, в статье о деле известного полицейского агента и провокатора, члена ЦК Партии социалистов-революционеров, Е. Ф. Азефа, Лев Фишелев фактически спрогнозировал будущую гибель премьер-министра П. А. Столыпина от руки полицейского агента: «Стоит Рачковскому или другому крупному охраннику войти в сношения с каким-нибудь конкурентом Столыпина, и всемогущий диктатор останется совершенно беззащитным» [39, с. 57]. В 1908 г. Фишелев переехал в Париж [5, л. 237; 54, р. 315]. Здесь в 1908–1909 гг. вместе

с Гроссманом, Гогелия и Дайновым он вел кружковые занятия по теории анархизма, предназначенные для пропагандистов, направлявшихся на работу в Россию. В 1910 г. Фишелев вошел в состав «Парижской группы анархистов», включавшей в себя сторонников различных фракций, но затем перешедшей на анархо-синдикалистские позиции [7, л. 39, 40об., 128]. В июле 1912 – июне 1914 гг. он сотрудничал в анархистском журнале «Рабочий Мир» (Цюрих).

Анархо-синдикализм и уроки революции

С 1907 г. основным направлением деятельности Фишелева становится разработка теоретических основ анархо-синдикализма. Среди российских анархистов он был одним из видных специалистов по проблемам революционного синдикализма, защищал эту стратегию от нападок «чернознаменцев». Под термином «революционный синдикализм» в то время понимали самоорганизованное рабочее движение, отстаивавшее любыми, даже радикальными, методами интересы трудящихся независимо от предпринимателей, политических партий, парламента. Революционные синдикалисты рассматривали основанные на самоуправлении и свободные от функционеров профсоюзы в качестве единственной силы, правомочной выражать интересы трудящихся. Предполагалось, что в годы революции эти структуры преобразуются в организацию социалистического общества. Среди идеологов этого движения преобладали анархисты, игравшие ведущую роль в синдикалистских профсоюзах Франции и др. стран (Э.Пато, Э.Пуже, Ж.Ивето, Ф.Пеллутье, Л.Фаббри). Пропагандистами синдикализма в печати выступали и не участвовавшие в этом движении публицисты марксистского толка (Ж.Сорель, Э.Берт и Ю.Лагардель во Франции; А.Панунцио и А.Лабриола в Италии; Л.С.Козловский, А.С.Токарев, Б.С.Кричевский, Н.В.Крыленко в России). Л.Фишелев, как и др. анархисты, критиковал их. Он полагал, что цель неопитов синдикализма из числа марксистов – подчинить синдикалистские профсоюзы марксистской идеологии, сблизить их с социал-демократией [35, с.24].

По мнению Фишелева, авангард социальной революции могла составить лишь массовая организация рабочих [33, с.3–4]. В качестве силы, активизирующей рабочий класс, он рассматривал революционно-синдикалистские профсоюзы (синдикаты), признающие связь «между повседневной борьбой и борьбой за окончательное освобождение» [34,

с. 6]. В создании синдикатов Фишелев видел способ связать деятельность анархистов с экономической борьбой рабочих. В ходе революции, полагал он, федерация синдикатов, захватив средства производства и потребления, станет организующей силой строительства анархо-коммунистического общества. Собственно, сторонники подобных идей называли себя «анархистами-синдикалистами» или «анархо-синдикалистами». В реформистских профсоюзах он видел потенциал для трансформации в революционно-синдикалистские организации, полагая, что в результате экономических кризисов и войн между ведущими капиталистическими странами большинство участников рабочего движения разочаруется в способности парламентских партий защитить их классовые интересы. В итоге профсоюзное движение, «принимая все более и более революционные методы борьбы», идейно сблизится с революционными синдикалистами [37, с. 2; 32, с. 4–5; 45, с. 7]. Для организации вооруженных акций в поддержку экономической борьбы рабочих и ведения пропагандистской работы Фишелев считал необходимым создание подпольных групп анархистов внутри синдикатов. В этом вопросе он ссылался на Бакунина, создававшего тайную организацию своих сторонников в Международном товариществе рабочих. В период социальной революции, полагал Фишелев, эти группы могут превратиться в источник партийной диктатуры анархистов. Тогда их следует распустить.

Идеи Кропоткина Фишелев трактовал довольно широко, подчеркивая необходимость «приспособить к новым условиям анархистской работы ту мысль [...] об обязанности сознательного революционера ни при каких условиях не порывать с народом, всегда оставаться в народной среде» [45, с. 23]. Исходя из этого, он призывал использовать многообразие организационных форм рабочего движения в интересах распространения идей анархизма. В этом русле Фишелев анализировал причины поражения анархистов в революции 1905–1907 гг. Прежде всего, он констатировал их отрыв от массового рабочего движения. Анархисты действовали «как внешняя, самодовлеющая, чуждая народу сила» [38, с. 15]. В частности, они почти повсеместно игнорировали Советы рабочих депутатов, воспринимаемые Фишелевым, как прообраз общегородских объединений профсоюзов («Бирж труда») [45, с. 57]. Другая причина неудач анархистов – отсутствие разработанной программы осуществления анархо-коммунистического строя [45, с. 63–64]. Причина этого, полагал он, во влиянии идей «чернознаменцев», веривших в имманентно присущий пролетариям «бун-

товской дух» и рассматривавших небольшие группы боевиков и пропагандистов в качестве идеальной формы рабочей самоорганизации. Фишелев отрицал как «ненужную и бесполезную трату сил и жизней» характерные для их тактики частные экспроприации и «безмотивный террор», увлечение терактами против низших представителей власти, пропаганду восстаний с целью «организации показательной коммуны» [36, с. 5; 24, с. 22].

Начавший публицистическую деятельность в 1907 г., на спаде революции в России, он констатировал снижение влияния социалистических партий среди рабочих, трактуя его как стремление рабочего класса «освободиться от партийно-интеллигентской опеки, раскалывающей ряды его сознательных застрельщиков и в сильнейшей степени тормозящей его борьбу с капиталистическим строем». По мнению Фишелева, руководству движением со стороны революционеров-интеллигентов из РСДРП и ПСР рабочие противопоставили «стремление построить единую классовую организацию труда» в целях «повседневной борьбы с капиталом». Эта тенденция проявилась в создании профсоюзов, лозунге беспартийного рабочего съезда, распространении среди рабочих и интеллигенции в России революционно-синдикалистских идей. Считая умеренной идейную платформу профсоюзов, возникших в 1905–1906 гг., он предлагал анархистам обратиться к опыту деятельности Советов рабочих депутатов, забастовочных комитетов и др. «беспартийных боевых организаций». Входя в них, полагал Фишелев, анархисты будут вести пропаганду против «сдерживающего и деморализующего влияния социалистических партий и всякого рода централистически-законодательных учреждений», в поддержку реорганизации рабочего движения на федералистских и самоуправленческих принципах, распространения синдикалистской тактики «прямого действия» (в том числе вооруженной поддержки стачек и массовой экспроприации бастующими продуктов потребления) [32, с. 7–9]. Подобные идеи были связаны с ожиданием нового революционного подъема. Однако в статьях 1908–1909 гг. он заявил, что в условиях реакции деятельность рабочих может проходить лишь в профсоюзах.

Раскол среди анархистов

В начале 1910-х гг., в связи с подъемом рабочего движения в России среди анархистов-эмигрантов проявились объединительные тенден-

ции. В то же время нарастал конфликт между сторонниками перешедшего на позиции анархизма социалиста-революционера А.А.Карелина и лидерами анархистской эмиграции. С 1911 г. Карелин был ведущим автором газеты «Голос Труда», издаваемой в Нью-Йорке русскоязычными анархистами («Русской рабочей группой»). В 1912 г. он создал новую организацию – «Братство вольных общинников» (БВО). В 1913 г. по инициативе различных анархистских групп русской эмиграции началась подготовка объединительного съезда, итогом которого должно было стать создание Федерации анархистов-коммунистов. Однако из-за конфликта БВО с Цюрихской группой анархистов-коммунистов, издававшей журнал «Рабочий мир», съезд не состоялся. Карелин был подвергнут критике со стороны Г.Гогелия и других лидеров анархистской эмиграции. Они были раздражены интеллигентофобской риторикой, присущей карелинским статьям в «Голосе труда» и др. изданиях. Указывалось на характерные для его брошюр терпимость к религии при манипуляции психологией верующих через открытые угрозы (например, обещание не предавать земле тела «изменников народу») и использованием религиозной терминологии в духе сектантов («священный месяц», «святое дело», «братья»). Кроме того, Карелин выпускал брошюры от имени вымышленных организаций, в которые призывал вступать потенциальных сторонников [См., например: 20]. Позицию противников Карелина отчасти признал справедливой Кропоткин, писавший в письме Гогелию 26 августа 1913 г.: «Заб[режнев] тоже написал мне. Я ему еще не ответил. Но напишу и укажу, до чего их нападения на интеллигентов вообще несуразны и вредны» [53, р. 449]. Против своего «вождя» выступили многие члены БВО. 2 ноября 1913 г., на съезде организации они большинством голосов исключили Карелина. Поводом к этому стали выдвинутые против него Н. И. Рогдаевым (Музилем) и М. С. Иловайским обвинения в пособничестве провокаторам, интриганстве, использовании «тактики скрытого иезуитизма, демагогии и дипломатии», «проявлении властолюбия и диктаторства и злоупотреблении нечистыми приемами борьбы с оппозиционно настроенными товарищами», использовании мистификаций и религиозной фразеологии и обрядовых процедур [16, с. 318]. Обвинение имело некоторые основания. Трое участников съезда (бывший депутат I Государственной думы З.И. Выровой, делегат московских анархистов Абрамов, а также с 1908 г. успешно поставлявший полиции информацию о деятельности русских анархистов Б.М. Долин) были секретными сотруднича-

Учредитель: У. Уайтман. Редакция: 1000... Адрес: 586 East 140th St., New York, N. Y.

ОРГАН ФЕДЕРАЛ СОЮЗОВ РУССКИХ РАБОЧИХ СОЕД. ШТАТОВ И КАНАДЫ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ: "Golos Truda", 586 East 140th St., New York, N. Y.

New York, Friday, March 12, 1915.

VOL. V.

№ 28 ЦЕНА В СЕНТА

ПАРКСКАЯ КОММУНА И ВОСТОЧНЫЙ МОМЕНТ

В последние дни в восточной Европе и вообще в тех европейских странах, где господствует Паркская Коммуна, наблюдается процесс перестройки...

В начале революции в восточной Европе возникло движение за создание государства, в котором вся власть должна принадлежать трудящейся массе...

После этого «общая масса» была объявлена в движение, поднявшие знамя революции. В этот же день в Париже был провозглашен Парижский Совет рабочих депутатов...

После этого в восточной Европе, которой особенно сильно поразила Паркская Коммуна, возникло движение за создание государства...

процесс французской революции, который в свою очередь послужил примером для других европейских революций...

Но и в Паркской Коммуне был в начале своего развития процесс перестройки...

В своем начале революционная война привнесла в Европу идею о создании единого государства...

В Париже в начале революции возникло движение за создание государства...

Эта идея привнесла в Европу новую идею о создании единого государства...

НА ТЕНЬШУ ТЕМУ

В своем начале революционная война привнесла в Европу идею о создании единого государства...

В Париже в начале революции возникло движение за создание государства...

В Париже в начале революции возникло движение за создание государства...

Так — оный Теньшэ, один из величайших умов человечества периода динь тай, обожал женщин — став бы без разницы было бы чужим или своим...

НА ТЕНЬШУ ТЕМУ

В своем начале революционная война привнесла в Европу идею о создании единого государства...

В Париже в начале революции возникло движение за создание государства...

В Париже в начале революции возникло движение за создание государства...

Таким образом, в восточной Европе и вообще в тех европейских странах, где господствует Паркская Коммуна, наблюдается процесс перестройки...

БОЛЬШЕВИКИ И БОЛЬШЕВИЗМ

Большевики в Европе и восточной Европе возникло движение за создание государства...

В Париже в начале революции возникло движение за создание государства...

В Париже в начале революции возникло движение за создание государства...

Титульный лист анархо-синдикалистской газеты «Голос труда». В 1914-1917 гг. редактор — Л.И.Фишлев

ми Департамента полиции, что было доказано впоследствии. Известный среди русских революционеров специалист по разоблачению полицейских провокаторов В.Л.Буршев в период проведения съезда утверждал о наличии в его составе 6 агентов полиции [15, с. 338-344;

16, с. 670–671; 47, с. 37]. Сам же Карелин еще в 1882 г. давал согласие на сотрудничество с охранкой, встретившись лично с полковником Г. П. Судейкиным. Правда, сотрудничество это закончилось арестом в связи с подозрениями Судейкина в отношении Карелина, как человека, склонного к мистификациям и двойной игре [19, с. 136–140]. Часть друзей Карелина (В. И. Федоров-Забрежнев и др.) разорвали даже личные отношения с ним [31, с. 16]. Его попытки апеллировать к П. А. Кропоткину не дали результатов. Тот сохранил нейтралитет, предложив Карелину пережить раздоры и «идти своей дорогой». Негативно отнесся Петр Алексеевич и к попытке супругов Карелиных использовать фразы из его писем для защиты своего авторитета [53, р. 455–456, 458–459].

Противники Карелина 28 декабря 1913–1 января 1914 гг. провели в Лондоне «Первую Объединительную конференцию русских анархистов-коммунистов за границей». В ней принял участие и Фишелев (фигурирует среди участников под псевдонимом М.Р.), как «партийный работник, приглашенный Организационной Комиссией» [16, с. 536]. На конференции он определил задачи мероприятия, заключающиеся в создании Федерации анархистов и издании общего печатного органа. По его мнению, в ее состав должны были входить анархисты-коммунисты всех течений [16, с. 540, 541]. На конференции Фишелев попытался провести резолюцию о работе анархистских групп эмигрантов «среди пролетариата, вышедшего из России». По его мнению, в условиях отсутствия анархистского движения на родине, необходимо было сосредоточиться на работе среди эмигрантов, участвовать в рабочем и анархистском движении стран Европы и Америки [16, с. 552, 554]. Резолюция была отклонена как «ликвидаторская». Тем не менее Фишелев был единогласно избран в состав коллегии, созданной для выработки программы «практических занятий для анархистских групп по вопросам пропаганды и агитации» [16, с. 559].

Редактор самой популярной газеты российских анархистов

Влияние противников Карелина (М. И. Гольдсмит, Г. И. Гогелии) расширилось и в «Голосе Труда», где они публиковали свои статьи.

Газета не имела квалифицированного редактора, который был бы образованным и теоретически подготовленным анархистом. Живший в Париже Карелин был ограничен в своих возможностях. Секретарь «Русской рабочей группы» Август Карлович Роде-Червинский в июле

1914 г. пригласил Л. Фишелева на работу редактором издания. На этом посту он находился в сентябре 1914 – марте 1917 гг. В этот период газета становится органом Федерации союзов русских рабочих США и Канады (ФСРР), объединявшей сочувствовавшие анархистам и революционным синдикалистам организации русских эмигрантов. В период редакторства Фишелева в газете произошли значительные изменения. Прежде всего, из ежемесячника она превратилась в еженедельник [14, р. 127; 54, р. 115]. Газета приобрела четко выраженную анархо-синдикалистскую направленность. На ее страницах обсуждались теоретические и тактические проблемы рабочего движения, синдикализма, анархизма, антимилитаризма.

Во время Первой мировой войны редакция занимала интернационалистскую позицию. Фишелев осудил Кропоткина, призывавшего поддержать страны Антанты в борьбе с Германией. Социальная революция выдвигалась в редакционных передовицах, как условие прекращения империалистической войны. Позиция редакции вызвала сочувственные отклики русских рабочих в США, среди которых «Голос Труда» становился все более популярен [14, р. 297]. Газета временами даже выходила за пределы ограниченности анархистской средой. Так, в одном из номеров А. Аникст (Гиттерман) выразил солидарность с интернационалистской позицией В. И. Ленина. Печатались и сочувственные отклики о деятельности К. Либкнехта и Р. Люксембург. Вместе с тем, на ее страницы допускали статьи сторонников оборонческой позиции, прежде всего – М. И. Гольдсмит. «Мой принцип давать всем высказаться, кто имеет что сказать» [10, л. 8], – писал ей Л. Фишелев.

Редакционный курс Фишелева привел к расколу в русской анархистской эмиграции в США. Прежде всего, начались трения с Карелиным, часть статей которого редакция отвергала или сокращала по принципиальным соображениям. Эту ситуацию Фишелев описал в письме к Гольдсмит: «Новость (Special Extra!!!). Карелин отказался писать для "Гол[оса] труда", так как он подпал под минималистское и примиренческое влияние М. Р[аев]ского и вместе с тем недостаточно почтительно относится к его, Карелина, статьям, позволяя себе вычеркивать наиболее "нечаевские" места» [10, л. 4об.]. В итоге он обвинил Фишелева и редакцию в «сектантстве». Из ФСРР вышел Нью-Йоркский Союз русских рабочих № 1, начавший издавать газету «Рабочая мысль» (1916 г.). Редактором и единственным ее автором был Карелин, писавший под разными псевдонимами. По этой

причине эмигранты называли газету «Карелинской мыслью» [14, р. 136–138]. Из ФССР также вышел один из Союзов русских рабочих в Питтсбурге и несколько небольших групп, стоявших на позициях анархистов-коммунистов-«чернознаменцев». В ноябре 1916 г. они провозгласили создание «Новой федерации союзов русских рабочих» и выпустили три номера газеты «Восточная заря» под редакцией Двигомирова и Зонова [14, р. 138–141]. Но что же так расстроило оппонентов «Голоса труда»?

**«Вольные Советы» –
переходный период к Анархии**

Безусловно, значительную роль в провоцировании раскола среди анархистов-эмигрантов в США сыграли новые, неортодоксальные идеи, которые Фишелев открыто выражал в газете. В 1915–1916 гг. он развивал намечавшиеся уже в его работах 1908–1909 гг. идеи «переходного периода» на пути реализации утопии анархического коммунизма. «Осуществлению коммунистического анархизма, – полагал он, – должен предшествовать период федералистическо-синдикалистской реорганизации общества» [45, с. 6]. Начало ему положит захват федерацией синдикатов промышленных предприятий. Руководство экономикой и политическая власть перейдут в руки «федерации профессиональных союзов», осуществляющих «диктатуру пролетариата». «Государственный элемент» не будет уничтожен, но государство, лишённое «главной исторической функции – защиты капиталистической и крупно-землевладельческой собственности», сохранит за собой лишь функцию «политического объединения граждан». Преобразования, связанные с переходом «к полному проведению коммунистических принципов в экономических отношениях», постепенно ликвидируют государственные институты [45, с. 30–31, 68]. До того момента государство будет существовать в форме «самого широкого политического федерализма» – «европейской федерации вольных городов и вольных общин, которая, – хотя еще далеко не является отрицанием принципов государства и политической формы общежития, – во всяком случае стремится к разрушению современных централистических государственных форм» [49, с. 1]. Концепция ослабленного государства, как переходного этапа на пути к безгосударственному коммунистическому обществу была достаточно новой для международного анархистского движения начала XX в. И в этом заключается вклад Л. И. Фишелева в развитие теории анархизма. Свою схему развития

революции он считал возможным применить уже в условиях того времени, полагая, что «близкий исторический период, период сильнейших экономических и политических кризисов, должен стать вместе с тем и периодом перманентной революции» [45, с.43]. В 1916 г., прогнозируя приближение революции в России, он указывал, что в условиях отсутствия массовых профсоюзов, центром организации сил пролетариата станут Советы рабочих депутатов [45, с.44]. Фишелев полагал, что идеологически они эволюционируют в синдикалистском духе, постепенно преобразуются в федерацию профсоюзов. Взяв в свои руки как руководство производством и потреблением, так и власть в целом, Советы начнут перестройку общества на анархо-коммунистических началах.

Весьма интересный эпизод, несколько нелицеприятно характеризующий мотивы, которыми в это время руководствовался Фишелев, приводит в своих воспоминаниях Макс Номад: «Раевский-Фишелев, по-видимому, потерял веру еще до большевистской революции. Я помню замечание, которое он однажды сделал мне в Нью-Йорке, когда во время теоретической дискуссии я настаивал на том, что экономическое равенство является основным условием бесклассового общества. "Поверьте мне, – сказал он, – экономического равенства никогда не будет. Но это не для протокола, и я не хочу, чтобы меня цитировали". Короче говоря, эгалитарный анархизм был для него лишь желанной мечтой, в осуществление которой он больше не верил. Тем не менее он продолжал редактировать русский анархо-синдикалистский еженедельник. Ибо это было единственное, что он мог сделать, чтобы не умереть с голоду» [56, р. 164]. Мы полагаем, что вероятно, не разочаровавшись в самом анархо-коммунистическом учении, Фишелев в это время сомневался в возможностях достижения полного социально-экономического равенства трудящихся. Отсюда – попытки внести изменения в концепцию анархо-синдикализма, ввести «переходный период», в рамках которого возможны социальные преобразования в анархистском духе, но не гарантируется достижение полного экономического равенства трудящихся. При этом, вероятно, далеко не вульгарный страх умереть с голоду, но возможность оказывать влияние на дальнейшую эволюцию анархистской мысли, удерживала Фишелева от разрыва со сторонниками анархического коммунизма.

Февральские революционные события 1917 г., завершившиеся свержением монархии, привели к возвращению на родину многих политических эмигрантов. В конце марта 1917 г. редакция «Голоса труда» выехала в Россию на борту парохода «Христианиафиорд». Здесь Л. И. Фишелев познакомился с Л. Д. Троцким [12, л. 11; 56, р. 163–164]. В Галифаксе Фишелев (фигурировал по документам, как Днепровский) одновременно с Троцким был арестован и подвергнут содержанию в лагере [16, с. 26–27]. Вместе они вернулись в Россию в мае 1917 г.

Власть – Советам или партии?

В Петрограде Лев Фишелев был переизбран главным редактором нового «Голоса Труда», но неожиданно для своих товарищей, образовавших «Союз анархо-синдикалистской пропаганды "Голос труда"» (САСП), отказался от должности. Его уговорили редактировать первый номер. Лев был автором декларации, принятой САСП 4 июня 1917 г. и ставшей его программным документом [24, с. 23]. Российскую «народную» революцию он рассматривал, как начало вызванного событиями Первой мировой войны всемирно-исторического «социального переворота». Отмечая характерный для России упадок экономики, декларация связывала его с общим кризисом капиталистических отношений. Делая вывод о несостоятельности Временного правительства и социалистических партий преодолеть экономический кризис, Фишелев призывал беспартийные рабочие и крестьянские организации (Советы, профсоюзы, фабрично-заводские комитеты, крестьянские союзы) объединиться во Всероссийский союз и взять на себя «коренную реорганизацию современных социально-экономических отношений». От контроля над средствами производства предполагалось перейти к его непосредственной социализации. Аграрный вопрос предлагалось решать через захват земли крестьянами. По мере развития процесса «коренного экономического переустройства» политическая организация общества будет ликвидирована. На первое же место в обществе выйдет система экономических организаций. Итогом этого процесса должна была стать замена государства федерацией «вольных городов и вольных общин, городских и сельских коммун, объединенных снизу вверх в местные, областные и краевые федерации». Предполагалось, что в результате децентрализации власти будет разрешен национальный вопрос. Результатом же синдикалистской

социальной революции должно было стать «создание общественно-го строя, который естественно и сравнительно безболезненно будет эволюционировать в направлении к полному осуществлению анархо-коммунистического идеала». Декларация выражала интернационалистическую позицию. Отрицая возможность установления правительствами прочного мира, декларация в качестве единственного средства к завершению войны предлагала восстание пролетариата во всех воюющих странах. Радикализация Российской революции рассматривалась, как наиболее важное условие начала революционных выступлений в Германии и др. странах. Декларация предполагала, что анархо-синдикалисты должны не создавать отдельную политическую организацию, но войти в состав беспартийных рабочих и крестьянских организаций для того, чтобы пропагандировать «там свои воззрения и свой идеал безвластного коммунизма» [18, с. 1].

В том же номере вышла статья Фишелева «Роль Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в революции». Он определил Советы, как выражение «неудержимого полустихийного стремления масс к созданию той силы, которая могла бы стать орудием их полного экономического и политического освобождения». Исходя из невозможности немедленной реализации анархо-коммунистической модели в условиях 1917 г., Фишелев доказывал «неизбежность переходной формы политического сожительства людей, которая по возможности исключала бы худшие формы исторической государственности, сбросила бы с себя ее главную функцию – охрану интересов помещиков и капиталистов – и децентрализовала бы и распылила государственную власть» [40, с. 2]. «Новая форма политического сожительства людей, которая предшествует тому аполитическому строю, когда человек перестает быть гражданином, прикованным от рождения к той или иной территориальной политической единице, и станет вольным производителем и потребителем материальных и духовных ценностей, свободно объединяющимся с себе подобными в разнообразнейшие ассоциации», – писал он. Советы, выдвинутые самими рабочими и крестьянскими массами, рассматривались Фишелевым в качестве подобной «переходной формы». Преобладание в Советах «оппортунистических» правых социалистов он связывал с тем, что большинство их депутатов составляют «не сознательные и революционные рабочие, а солдаты-крестьяне, несравненно менее сознательные и гораздо более консервативные». Тем не менее Фишелев призывал поддержать лозунг перехода власти к Советам, как наиболее

насущенный и отвечающий задачам развития революции. Вместе с тем предупреждал он и относительно трактовки большевиками лозунга «Власть – Советам», указывая на их стремление установить диктатуру собственной партии [40, с. 2].

Проблема большевистской диктатуры была развернута в другой статье Фишелева – «Новый лозунг большевиков». Проанализировав брошюру Ленина «К лозунгам», он сделал вывод о стремлении большевиков подменить переход власти к Советам установлением диктатуры пролетариата, фактически – меньшинства населения в России. При этом власть будет принадлежать партии большевиков, крестьянство же окажется эксплуатируемым и подавляемым меньшинством: «Тут мы, таким образом, имеем дело с определенным стремлением к установлению диктатуры меньшинства населения, что логически ведет за собой диктатуру той политической партии, которая руководит этим меньшинством. Осуществление же такой диктатуры естественно предполагает не децентрализацию и распыление государственной власти, – что явилось бы неизбежным следствием перехода власти к Советам, – а, наоборот, означает захват центральной власти определенной политической партией и дальнейшую централизацию и усиление государственной власти. Ибо только при осуществлении беспощадной диктатуры меньшинство может надеяться сверху вниз навязать свои, хотя бы и самые передовые, стремления большинству, еще не доросшему до них. [...] В глазах Ленина и его последователей Советы, не теперешние, а какие-то иные – органы диктатуры не всей "революционной демократии", т. е. огромного большинства населения страны, а одного уж только пролетариата, т. е. меньшинства – должны взять на себя разрешение всех экономических и политических вопросов. План несомненно утопический, ибо он предполагает устранение от участия в самоуправлении страны не одних уже только помещиков и капиталистов, но и многомиллионной массы крестьян, не принадлежащих к числу "беднейших", и других трудящихся мелкобуржуазных слоев» [41, с. 1].

Такая диктатура будет означать и подавление Советов, ведь они, писал Фишелев, «не являются [...] организациями чисто пролетарскими, они представляют собою общую организацию пролетарских, полупролетарских и мелкобуржуазных слоев, с решительным преобладанием последних, и таковыми они неизбежно останутся и впредь» [41, с. 1]. Уже одно это обстоятельство, указывал он, не дает возможности превратить Советы в политически однородную по составу орга-

низацию. Лишь перемена в настроениях масс приведет к смене политического руководства Советов. Но сам по себе переход власти к этим организациям, по Фишелеву, еще не означал социальной революции, а был лишь шагом на пути к ней, т.е. отстранением от власти буржуазии и созданием политических предпосылок, необходимых для свободного проявления инициативы рабочих и крестьянских организаций в социальных преобразованиях. Стремление же Ленина направить рабочих на захват политической власти, Фишелев считал опасным для революции шагом, отвлекающим «рабочих от их важнейшей очередной задачи – самоорганизации для осуществления контроля над производством и распределением» [41, с. 1]. Эта задача, полагал он, может быть решена и в условиях перехода власти к Советам в их правосоциалистическом составе. При этом признание Лениным лозунга власти Советов, Фишелев считал благотворным результатом влияния революции, заставляющей даже самых бланкистски настроенных деятелей пересмотреть свои взгляды в сторону принятия форм самоорганизации трудящихся. Но указывал он и на то обстоятельство, что В. Ленин неизбежно окажется перед выбором – отказаться от идеи централизации власти в руках социалистического правительства или же пойти навстречу пожеланиям широких слоев населения, представленным в Советах.

В том же номере была опубликована и другая статья Фишелева – «Базис нового Интернационала». Разбирая статью голландского левого социал-демократа А. Паннекука «Новая тактика против войны – базис нового Интернационала», посвященную анализу предпосылок создания нового социалистического Интернационала, он обращался к революционно-синдикалистским принципам, близким идеям М. А. Бакунина, на которых был построен, во многом, Первый Интернационал. В частности, предлагалось положить в основу Интернационала идею окончательного освобождения человечества: «В основу нового Интернационала должно быть положено стремление к всестороннему освобождению международного пролетариата, рассматриваемое не как отдаленный руководящий идеал, а как конкретная цель, как историческая задача нашего поколения. Только во имя всестороннего освобождения трудящихся возможно будет организовать во время войны и после ее окончания озлобленные, изверившиеся массы, которые уже трудно будет ввести в рамки повседневной борьбы за разные улучшения, могущие быть уничтоженными в один день взрывом войны» [42, с. 4]. В основу новой международной рево-

люционной организации Фишелев предлагал положить синдикалистские принципы: «Интернационалом Труда может быть только международный союз рабочих организаций, основанных на видах труда, как это было в свое время сформулировано Михаилом Бакуниным» [42, с. 4]. Задачей нового Интернационала становилась координация «революционных выступлений пролетариата во всех странах и направления их в сторону осуществления максимальных требований рабочих» [42, с. 4].

«Экстремизм в данный момент вреден для дела революции»

После выхода первого номера Лев Фишелев вышел из состава редакции [53, р. 75–76]. Объяснение причин его ухода дал Г. П. Максимов:

«Несколькими днями позже он признался мне, что он не может вести газету в экстремистском духе, ибо он считает, что экстремизм в данный момент вреден для дела революции. Он полагал, что мы должны занять позицию критики большевиков справа, а не слева. Но он еще не был уверен в своих выводах и потому, как честный человек, отошел в сторону, предоставив товарищам вести дело, как они понимали» [24, с. 23]. При этом Максимов пишет, что Фишелев «не отказался от своих принципов, которые сохранил незапятнанными до последнего вздоха» [24, с. 23].

Но, несмотря на разочарование и уход из движения его основоположника, влияние его прежних идей было достаточно сильным. Прежде всего, это касается влияния, которое он оказал на политические взгляды лидеров анархо-синдикалистского движения (Г. Максимов, Е. Ярчук и др.), в 1920-е – 1940-е гг. оказавших значительное влияние на формирование представлений о стратегии и тактике международного анархистского движения [См., например: 52, с. 2]. Первоначально позиции, сформулированной Фишелевым, придерживался САСП, затем группа «Вольный Голос Труда». Ее идеолог, Григорий Максимов, рассматривал «Республику автономных Советов», как политическую систему, обеспечивающую переход «от представительного, парламентского строя к полному народоправству» [23, с. 1]: «Республика советов, – вот, следовательно, приемлемая для анархо-синдикалистов политическая форма организации общества в период, переходный к полной свободе, – к анархии» [22, с. 1]. Фактически эту позицию разделяли и махновцы, в своих программных документах поставившие «вольные» (автономные) Советы в центр предполагаемой поли-

тической модели, альтернативной однопартийной диктатуре РКП(б). В программных документах, публицистических, теоретических и пропагандистских работах участников Махновского движения проводились лозунги «"безвластных" советов» («не властных», а «совещательно-исполнительных» органов), «безвластного советского строя» [16, с. 351–351, 354–361; 26, с. 487].

Переехав позднее в Москву, Фишелев продолжал интересоваться деятельностью анархистов. Как вспоминал Максимов, он заходил к нему и др. товарищам в гости, узнавал новости, спорил. Иную версию его ухода от анархистского движения дал Л. Лазарев: «Одна из главных причин отказа была принципиального характера: Раевский, принимая во внимание революционную ситуацию России 1917–[19]18 годов, отчасти оправдывал террористические методы большевиков по отношению к инакомыслящим социалистам и анархистам и считал, что анархическому строю должен предшествовать переходный период "диктатуры пролетариата", с чем анархисты не соглашались. К тому же склонный к скептицизму в отношении успехов анархического движения, он не возлагал надежд на анархизм в России. И он поэтому совершенно отстранился от активной политической деятельности» [14, р. 297–298]. Между тем, Лазарев, проживавший в то время в США и уже не имевший непосредственных контактов с Фишелевым, мог судить о нем лишь по косвенным данным. Да и имеющиеся источники ставят под сомнение эту точку зрения. Например, М. Номад так характеризует взгляды Фишелева в этот период: «Имея возможность наблюдать за большевиками с близкого расстояния, он не поддался новой мистике, как я в первые годы после революции. Он раскусил новых хозяев России почти сразу же после того, как они захватили власть, и несколько лет спустя он сказал моему другу, что, по его мнению, коммунисты сделали одну хорошую вещь: они дискредитировали саму идею Революции, они облегчили ему смерть. Ему больше не было жаль покидать мир, где у человека был выбор только между капиталистическим адом и фальшиво-коммунистическим адом» [56, р. 164].

По имеющимся данным, Лев Фишелев не оставил анархистскую деятельность. Так, в июне 1918 г. его статьи появляются в газете «Жизнь», выходящей под редакцией анархистов А. А. Борового и Я. И. Новомирского. Это издание выражало позицию «советских анархистов», но по мере усиления репрессий большевиков против своих политических противников, принимало все более оппозиционный характер. Так, в статье

«Большевики и сверхимпериализм» Фишелев отметил прогерманские тенденции в политике РКП(б) и соответствующую фразеологию в официальной печати [43, с. 3]. В другой статье, посвященной убийству комиссара печати, пропаганды и агитации Союза коммун Северной обл. М. С. Володарского, Л. И. Фишелев обвинил в его смерти руководителей РКП(б), заметив, что именно они доверили этому амбициозному и неопытному молодому человеку высокие посты [44, с. 3].

В Государственном архиве Российской Федерации, нам удалось обнаружить письмо Л. И. Фишелева к П. А. Кропоткину от 20 августа 1918 г. Фишелев планировал на средства своего университетского друга Л. С. Куника, бывшего владельца лесных предприятий, издать серию сборников, посвященных анализу социально-политической и культурной ситуации, сложившейся в России после революционных событий 1917 г. Сборник должен был приобрести «ревизионистский» характер по отношению к анархизму и другим политическим учениям: «Каждый сотрудник ответствен только за взгляды, высказанные в его статьях. Объединяет всех стремление свободно подойти к анализу создавшегося в результате войны и революции нового положения вещей и по мере сил содействовать выработке новой тактики, а если это окажется необходимым, то и пересмотру старых теоретических положений» [8, л. 1 об.]. Помимо Л. И. Фишелева и П. А. Кропоткина предполагалось участие анархистских публицистов А. А. Борового, Я. И. Новомирского (Кирилловского), либертарного педагога К. Н. Вентцеля; близких синдикалистам профсоюзных деятелей Л. Гольцмана и Оборина (Мухина); философа Топоркова, поэтов А. А. Блока, А. Белого, Б. Л. Пастернака, А. Н. Толстого, В. Ф. Ходасевича; экономиста Евгеньева. Редактором должен был стать Л. И. Фишелев при сотрудничестве Б. Ф. Лебедева, зятя П. А. Кропоткина. Сборник должен был носить оппозиционный большевикам характер. Это видно уже потому, что Фишелев писал Кропоткину, что в статье о внутренней политике РСФСР, которую он готовит, выступит «определенно против господствующей партии» [8, л. 1 об.]. В фонде А. А. Борового (Российский Государственный архив Литературы и Искусства) сохранился ряд писем Фишелева, связанных с его работой над сборником, приглашением к работе авторов и выплатой гонораров. Л. Фишелев и А. Боровой планировали посетить П. Кропоткина, чтобы уговорить его участвовать в сборнике [8, л. 1–2 об.; 11, л. 1–2; 13, л. 1–2 об.]. Судя по всему, сборник так и не увидел свет.

После закрытия «Жизни» Лев Иосифович продолжал литературную деятельность. В 1920 г. анархо-синдикалистское издательство «Голос труда» выпустило его книгу «Франциско Феррер и его Новая Школа», посвященную выдающемуся испанскому педагогу, просветителю, атеисту, деятелю революционно-синдикалистского и анархистского движения [30].

**Профессор В.В.Налимов –
ученик Максима Раевского?**

К 1920-м гг. относятся сведения, указывающие на попытки возобновления анархистской деятельности Л. Фишелева. Так, фамилия уже умершего Фишелева появилась в показаниях обвиняемых по делу так называемого «Всероссийского альянса» (1936–1937 гг.), в ходе которого ОГПУ разгромила последний кружок анархистов на территории СССР. В состав этой группы студенческой молодежи, возникшей в 1930 г., входили В.В.Налимов, И.И.Шаревский, Ю.Н.Профрансов, И.А.Тарле, И.С.Брешков и др. Их деятельность сводилась к чтению литературных и философских произведений, обсуждению в дружеском кругу проблем философии анархизма и эзотерики, к участию в сборе средств в помощь арестованному А.А.Солоновичу [25, с. 381–382, 384–385, 387, 389–391, 393; 27, с. 231, 236, 266, 269–270, 272]. Иосиф Исаевич Иоффе утверждал, что с 1927 г. на квартире старого анархиста «Фишлева-Раевского», проживавшего в одном доме с ним в Староконюшенном переулке, собирались несколько молодых анархистов: «Первое мое знакомство с анархизмом началось в 1927 г. через Фишлева-Раевского, проживающего в нашем доме, по Ст[аро]-Конюшенному пер[еулку], вокруг которого группировались Шаревский, Налимов Василий Васильевич (в Тимирязевской академии), Гендельман Елена Михайловна (в ссылке, ранее проживала под Москвой) и я. От него мы получали литературу по вопросам анархизма. Через него я познакомился с музеем им. Кропоткина, где происходили лекции по вопросам анархизма» [27, с. 238]. Напомним читателю, что В.В.Налимов (1910–1997) – выдающийся математик, философ, один из известнейших российских ученых, основоположник вероятностно-ориентированной философии. Сам он описывает историю своего приобщения к анархизму по-иному. Фишелева не упоминает и говорит о приглашении на лекцию в Кропоткинский музей, последовавшем со стороны Иона Шаревского в 1926 г. [51, с. 303, 365]. Но это не исключает вероятность общения остальных упомянутых людей,

в том числе и Шаревского, с Фишелевым в 1927 г. Ведь Иоффе, соседом которого по дому был Фишелев, доводился И. Шаревскому двоюродным братом. Мы полагаем, эпизодические контакты Налимова с Фишелевым могли иметь место.

Лев Фишелев умер от сердечного приступа 19 сентября 1931 г. [24, с. 22]. Он может быть по праву отнесен к числу оригинальных теоретиков и основоположников анархо-синдикализма в России начала XX в. Показательна оценка вклада Фишелева в развитие анархистской мысли, данная Г.П. Максимовым: «Раевский несомненно незаурядная личность среди деятелей русского анархического движения... Он требовал почти полного отказа от всех главных тактических положений, лежавших в основе деятельности большинства русских анархистов 1905 года» [24, с. 22]. Достаточно точно спрогнозировав ситуацию, когда Советы станут центральным политическим институтом, вокруг которого начнет складываться постреволюционная модель общественного развития, Фишелев впервые предложил поставить этот орган представительства трудящихся в центр анархистских социальных преобразований. В значительной мере подобные позиции были восприняты большинством участников анархистского движения.

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф.102. Оп.200. Д.1739.
2. ГАРФ. Ф.102. Оп.200. Д.1739. Ч.1.
3. ГАРФ. Ф.102. Оп.232. Д.1800.
4. ГАРФ. Ф.102. Оп.233а. Д.290.
5. ГАРФ. Ф.102. Оп.1908 г. Д.1201. Ч.2.
6. ГАРФ. Ф.102. Оп.239. Д.218.
7. ГАРФ. Ф.102. Оп.1910. Д.1. Ч.1.
8. ГАРФ. Ф.1129. Оп.2. Д.2057.
9. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.186.
10. ГАРФ. Ф.5969. Оп.2. Д.16.
11. РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.604.
12. РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.873.
13. РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.1064.
14. IISH. Lipotkin Papers. Folder 1.
15. Агафонов В.К. Парижские тайны царской охраны. М.: Русь. 2004. 416 с.
16. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935. Т.1. М.: РОССПЭН. 1998. 704 с.

17. Гроссман-Рощин И. С. Думы о былом: Георгий Гогелиа (Оргеиани) // Былое. 1925. №2 (30). С.230–233.
18. Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды // Голос Труда. 1917. 11 (24) августа. №1. С.1.
19. Зверев В.В. Опыт политической биографии Г.П.Сазонова. М., СПб.: Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив. 2019. 440 с.
20. Карелин А. Письмо старого рабочего. Нью-Йорк. Б.и. Б.г. 25 с.
21. Кривенький В.В. Анархисты // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., РОССПЭН. 1996. С.32–35.
22. Лапоть Г. [Максимов Г.П.] Да здравствует коммунальная революция // Вольный Голос Труда. 1918. 2 сентября. №2. С.1.
23. Лапоть Гр. [Максимов Г.П.] Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение. Нью-Йорк: Федерация Союзов Русских Рабочих Соединенных Штатов и Канады. 1919. 20 с.
24. Максимов Г.П. Максим Раевский // Дело труда. 1931. №66. С.22–23.
25. Налимов В.В. Канатоходец. Воспоминания. М.: Издательская группа «Прогресс». 1994. 456 с.
26. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. М.: РОССПЭН. 2006. 1000 с.
27. Орден российских тамплиеров. Т. II. Документы 1930–1944 гг. М.: Минувшее. 2003. 376 с.
28. Придеснянский Л. Первые шаги анархизма на Украине // Альманах. Сборник по истории анархического движения в России. Т. I. Париж: Б.и.1909. С.117–125.
29. Р-[аев]ский М. Вместо хроники // Хлеб и Воля. 1909. Март. №1. С.53–57.
30. Р-[аев]ский. Франциско Феррер и его Новая Школа. Пг., М.: Голос труда. 1920. 144 с.
31. Рабочий мир. 1913. 1 декабря. №9. 20 с.
32. Раевский М. Всероссийский рабочий съезд и социал-демократия // Буревестник. 1907. №6. Сентябрь – октябрь. С.6–9.
33. Раевский М. Антисиндикализм в наших рядах // Буревестник. 1907. Ноябрь. №8. С.3–6.
34. Раевский М. Наши антисиндикалисты и массовая организация // Буревестник. 1908. Февраль. №9. С.3–5.
35. Раевский М. Новейшая критика анархизма (Э.Берт. Идеология производителей) // Буревестник. 1908. Июль. №12. С.5–7.
36. Раевский М. На старые темы // Буревестник. 1909. Март. №15. С.3–7.
37. Раевский М. Михаил Бакунин и революционный синдикализм // Буревестник. 1909. Июль. №17. С.2–4.
38. Раевский М. Библиография // Буревестник. 1909. Ноябрь. №18. С.15–16.

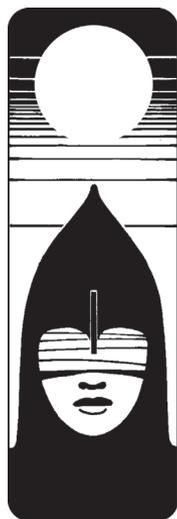
39. Раевский М. Из Русской Жизни // Хлеб и Воля. 1909. Июль. №2. С. 43–49.
40. Раевский М. Роль Советов Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] в революции // Голос Труда. 1917. 11 августа. №1. С.2.
41. Раевский М. Новый лозунг большевиков // Голос Труда. 1917. 18 (31) августа. №2. С. 1.
42. Раевский М. Базис нового Интернационала // Голос Труда. 1917. 18 (31) августа. №2. С.4.
43. Раевский М. Большевики и сверхимпериализм // Жизнь. 1918. 19 (6) июня. №45. С.3.
44. Раевский М. Страничка современной истории // Жизнь. 1918. 23 (10) июня 1918. №49. С. 3.
45. Раевский М. Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. Нью-Йорк: Федерация союзов русских рабочих Соединенных Штатов и Канады. 1919. 68 с.
46. Рокер Р. Григорий Петрович Максимов // Дело труда – Пробуждение. 1950. Июль-август. №33. С.2–4.
47. Сапон В.П. Аполлон Андреевич Карелин: Очерк жизни. Нижний Новгород: Изд. Ю.А.Николаев. 2009. 120 с.
48. Степной М. [Лазарев Л.Л.] Русское свободничество (Краткий очерк из истории Русской Колонии в Америке за 1914–1954 гг.) // Дело Труда – Пробуждение. 1955. Август-декабрь. №49. С. 6–17.
49. [Фишелев Л.И.] Парижская коммуна и настоящий момент // Голос труда. 1915. 12 марта. №28. С. 1.
50. Штейнберг И.З. Человек-революционер (Памяти Г.П.Максимова) // Дело труда – Пробуждение. 1950. Июль-август. №33. С. 16.
51. «Я друг свобод...» В.В.Налимов: вехи творчества. В 2-х т. Т. II. Томск, М.: Водолей Publishers. 2005. 480 с.
52. Ярчук Е.З. О Советах // Вольный Голос Труда. №1. 26 августа 1918. С.2.
53. Anarchistes en exil: Correspondance inédite de Pierre Kropotkine à Marie Goldsmith, 1897–1917. Paris: Institut d'études slaves. 1995. 584 с.
54. Avrich P. The Russian anarchists. Princeton. New Jersey. 1967. 303 с.
55. Dolgoff S. Gregory Petrovich Maximoff // Maximoff G.P. The Guillotine at work. Vol. I: The Leninist counter-revolution. Somerville. 1979. P.XV–XVIII.
56. Nomad M. Dreamers, Dynamiters, and Demagogues. New York: Waldon Press. 1964. 251 с.

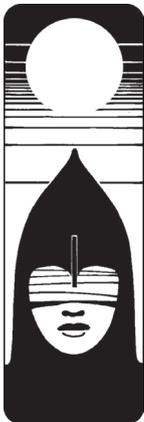
Крым – изумительная
сокровищница, естественный
музей, хранящий тайны
тысячелетий.

Александр Грибоедов

Прелесть крымской земли
раскрывается для иных
медленно, исподволь,
но завладевает надолго,
навсегда.

Константин Паустовский

Игорь Татаринов

ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСА И АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ ТАВРИДЫ В 1774–1917 гг.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

94(470)+94(477)«1774/1917»

В настоящей статье освещаются вопросы статуса и форматирования границ Тавриды в 1774–1917 гг. Автором видится необходимым проследить предпосылки, динамику и принципы трансформаций статуса и границ Тавриды в исследуемый период. В результате длительных русско-турецких конфликтов, в XVIII веке регион перешел под контроль и стал неотъемлемой частью Российского государства. Подчеркивается, что процесс изменений политического статуса и административно-территориальных преобразований происходил на фоне изменявшейся международной обстановки, влиявшей на его ход, и постановки различных задач в сфере государственного управления.

This article covers the issues of formatting the borders of Taurida in 1774–1917. The author sees it necessary to trace the prerequisites, causes, dynamics and principles of transformations of the status and boundaries of Taurida in the period under study. As a result of long-term Russian-Turkish conflicts, in the 18th century the region came under control and became an integral part of the Russian state. It is emphasized that the process of changes in the political status and administrative-territorial transformations took place against the background of the changing international situation that influenced its course, and setting various tasks in the field of public administration.

Ключевые слова: Крым; Османская империя; Российская империя; Таврида; губернская граница.

Key words: Crimea; Ottoman Empire; Russian Empire; Taurida; provincial border.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Для отечественной истории Таврический край всегда представлял особый интерес. На протяжении столетий в регионе происходили различного рода административно-территориальные трансформации, часто со сменами юрисдикций и политического статуса, что оставило определенный след в судьбе черноморских стран. В 2014 году Таврида большей своей частью вернулась в состав Российской Федерации. Несмотря на легитимность процедуры, опиравшейся на инструменты прямой демократии в виде всенародного волеизъявления на референдуме, этот факт до сих пор оспаривается некоторыми соседними государствами. Более того, обсуждение данного вопроса оказывает определенное воздействие на уровень межгосударственных отношений, актуализируя дополнительные территориальные претензии и мнимые исторические обиды. В связи с этим видится важным и необходимым проследить динамику трансформаций, выявив закономерности и особенности административно-территориальных изменений в Тавриде за последние двести лет.

Следует заметить, что употребление термина «Таврида» наполнено разными историко-политическими и географическими смыслами и символами. В античные времена он обозначал наименование территории, на которой ранее обитали племена тавров. В средние века на смену Тавриде пришел термин «Крым» (в связи с расселением на полуострове крымско-татарских племен), который имел четкую географическую привязку уже ко всему Крымскому полуострову. А с февраля 1784 года, с момента вхождения новороссийских земель в состав Российской империи и создания Таврической области, и до 1921 года включительно, Таврида охватывала не только рамки полуострова, но и распространялась на южные регионы современной Украины (часть Запорожской и Херсонской областей).

Краткий обзор историографии

Анализируя историографию, следует заметить, что на фоне довольно значительного количества общих работ по истории Крыма и Тавриды, очевиден их определенный дефицит по исследуемому вопросу. Лишь сравнительно недавно стали появляться работы, затрагивающие в той или иной степени собственно административно-территориальные трансформации в Тавриде. Среди работ советского периода выделим «Очерки по истории Крыма» крымского краеведа П. Н. Надинского [50], написанные в духе господствовавшего в науке классового подхода, и описавшие происходившие изменения статуса и границ региона как непрерывную борьбу с захватчиками. Этот же автор в 1957–1961 гг. выступил редактором двух-

томного документального издания «Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы» [36], которое частично дополняет этот вопрос. В 1974 г. Институт истории Академии наук УССР выпустил «Историю городов и сел Украинской ССР», где в 26 томе «Крымская область» [44] была в некоторой степени затронута и исследуемая нами тема.

С распадом Советского Союза стали появляться более разнообразные научные работы и очерки по истории Крыма. Прежде всего, отметим таких авторов, как П. Гарчев [38–39], В. Овод [39], А. Ишин [46–47], А. и В. Зарубины [43], С. Ефимов [40], В. Брошеван [37] А. Шевчук [29], Г. Бабенко и В. Дюличев [30] и др. В ряде работ исследователи обращаются непосредственно к вопросам административно-территориального реформирования Крыма, в том числе и в географических рамках Тавриды времен Российской империи. В первую очередь представляет интерес документальная база этих работ, где авторы приводят ряд неизвестных или малоизвестных широкой научной общественности архивных материалов. Возвращение Крыма в состав России в марте 2014 г. дало новый импульс целостным и системным исследованиям в этом направлении. Заслуживает внимания кандидатская диссертация М. Крапивенцева «История трансформации политико-правового статуса Крыма в 1917–1921 годах» [48], коллективные монографии: двухтомная «История Крыма» [45], «Российская империя и Крым» [51], документальный сборник «Крым в развитии России: история, политика, дипломатия» [49] и другие работы.

Довольно весомый вклад в разработку этого направления внесли украинские ученые. Отметим таких авторов, которые касались вопроса статуса и административно-территориальных преобразований на полуострове, как Т. Быкова [31–35], Г. Ефименко [41–42], В. Сергийчук [52–53] и др. В своих изысканиях они привлекли новые архивные документы, проведя подробный анализ истории Крыма XX века, сделав профессиональные выводы и обобщения. Вместе с тем некоторые исследователи в ряде отдельных выводов не смогли избежать влияния политической конъюнктуры, которая сегодня в силу особенностей российско-украинских отношений оказывает довольно серьезное давление на украинских историков.

Таким образом, несмотря на то, что Таврида представлена довольно обширно в соответствующей историографии, исследований статуса и административно-территориальных рубежей Тавриды в XVIII – нач. XX веков в российской и зарубежной исторической науке на сегодняшний день чрезвычайно мало. В то же время сложность и вариативность указанных трансформаций заслуживает того, чтобы поднятые в публикуемом материале вопросы получили свое отдельное комплексное освещение.

От Кучук-Кайнарджи к Манифесту

Падение Византийской империи под ударами турок привело к существенным изменениям обстановки в Северном Причерноморье. В конце XV века Крым попал в зависимость от Османской империи. Степные пространства на полуострове и материке контролировались Крымским ханством – вассалом турок. Южная часть Крымского полуострова вошла непосредственно в состав Османской империи на правах отдельной провинции – Кефинского эялета, со столицей в г. Кафа (ныне – г. Феодосия), и управлялась султанским наместником – бейлербеєм.

В XVIII веке обстановка в Северном Причерноморье стала меняться в пользу новых региональных игроков. Весь XVIII век набирающая силу Российская империя вела кровопролитные войны с увядающей Османской Портой за обладание различными территориями, в том числе и Тавридой. Очередная русско-турецкая война (1768–1774) завершилась победой России и подписанием 10 (21) июля 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

Среди важных пунктов этого договора отметим получение Крымским ханством независимости от Османской империи. Российская империя, помимо торговых преференций и территориальных приобретений в При-

Гравюра, изображающая сцены, связанные с подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 году

азовье и в степях между Днепром и Бугом, получила крепости Керчь, Еникале и Кинбурн, а также право строительства укреплений в Азове. В итоге Россия могла приступить к строительству Черноморского флота, который к тому же получал право прохода через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы. Дипломатам Екатерины II удалось также добиться от Стамбула выплаты «за убытки военные в три года времени и в три срока... четыре миллиона пятьсот тысяч рублей» [7, л.27–46об]. Таким образом, с 1774 года начался необратимый процесс интеграции Тавриды в состав Российского государства и дальнейшего расширения страны на юг.

Серебряная медаль, учрежденная в Российской империи для награждения нижних чинов в честь заключения Кючук-Кайнарджийского мира

На волне начавшегося внутреннего конфликта в Крымском ханстве, при активной поддержке османов к власти пришел протурецки настроенный Девлет IV Герай (Гирей), который призывал султана разорвать мир с Россией и вернуть ханство под власть османов. Перед угрозой нарушения условий договора, 7 октября 1776 г. Екатерина II санкционировала занятие Перекопа, а отряд генерала А.А.Прозоровского вступил в Крым и разбил Девлет-Гирея. В ответ на протест Османской империи, Россия объяснила свои действия тем, «что вступление российских во-

йск на Крымский полуостров не замыкало и не замыкает в себе другого умысла, кроме восстановления татарской области в присвоенное ей мирным трактатом состояние вольности и независимости, которые бывший хан Девлет Гирей толь нагло развращал...» Там же Россия предупредила османов, что «не боится войны, но предпочитает всем прибыткам от войны честного мира сохранение» [5, л. 57–62]. За пределами Крымского полуострова лояльные России ногаи и татары провозгласили ханом Шахин-Герая, занимавшего пророссийскую позицию и полностью устраивавшего Петербург. Именно от него исходила просьба оставить российские войска в Крыму. В итоге, независимый статус Крыма, полученный по итогам Кючук-Кайнарджийского мирного договора, в тот период соблюдался и гарантировался с помощью российской армии.

Вспыхнувшее в 1782 году восстание против Шахин-Герая и русских войск привело к его бегству под защиту российской армии в Керчь, которая отрядами генерал-поручиков А.В.Суворова и А.Б. де Бальмена подавила восстание. Генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний князь Г.А.Потемкин в письме к Екатерине II прямо предлагал защитить власть Шахин-Герая и ввести войска в Крым: «Если Вам не подать помощи ему, сим некоторым образом дознают, будто бунтовщики имели право восстать на хана. И так повелите хану из Керчи переехать в Петровскую крепость, откуда с полками... вступит он в Перекон. Те же войска останутся в Крыму, доколе нужно будет. Я Вас уверить могу, что татар большое число, увидя войска, отпрутся от просьбы, Порте вознесенной, и вину всю возложат на начальников возмущения» [1, л. 61–61 об.].

Именно Светлейшему князю Потемкину приписывают идею присоединения Крыма, которую он изложил императрице в записке (ноябрь 1782 г.), прежде всего обратив внимание на внешнеполитические механизмы реализации этого мероприятия: «а что касается до сил военных, как их обращать на действие, в сем затруднений не будет» [2, л. 37–37 об.]. В письме-меморандуме Екатерине II (декабрь 1782 г.) Потемкин апеллировал к многочисленным европейским примерам подобного присоединения земель. Он отмечал, что «приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит», намекая на устранение угрозы многовековых грабительских набегов татар. Взывая к честолюбию государыни, Потемкин писал ей, что «сим приобретением бессмертную славу получите и такую, какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Черном море. От Вас зависеть бу-

И.Б.Лампи Старший.
Портрет князя Г.А.Потемкина

дет, запирать ход туркам и кормить их или морить с голоду» [3, л. 105–106 об.].

Очевидно, окружение Екатерины II, как и она сама, осознавали неизбежность присоединения Крыма. В «секретнейшем» рескрипте императрицы Потемкину (14 декабря 1782 г.) императрица склонялась к этому шагу и отмечала трудности реализации условий Кючук-Кайнарджийского мира в части независимости ханства: «Преобразование его в вольную и независимую область обратилось только в новые для нас заботы со знатными издержками. Опыты времени, от 1774 года прошедшего, доказывают, что таковая независимость мало свойственна татарским народам, ибо, чтоб удерж-

жать ее, надлежит почти всегда нам быть вооруженными и посреди мира изнурять войска трудными движениями, неся большие убытки как бы во время войны, без всякой надежды заменить оные» [3, л. 185–189 об.].

В этом же рескрипте она связывала дальнейшие шаги России с действиями османов: «В уважении на сии обстоятельства приняли мы намерение решительным образом тамошним делам дать совсем иной оборот и при дальнейшем со стороны турецкой против нас не пристойном и интересам нашим вредном поведении так их устроить, чтоб полуостров Крымский не гнездом разбойников и мятежников на времена грядущие остался, но прямо обращен был на пользу государства нашего в замену и награждение осьмилетнего беспокойства...» [3, л. 185–189 об.]. Там же Екатерина перечисляла поводы для присоединения Крыма и фактически «благословляла» Потемкина на эти шаги: «Вследствие того волю нашу на присвоение того полуострова и на присоединение его к Российской империи объявляем Вам с полной нашей доверенностью и с совершенным доверием, что Вы к исполнению сего не упустите ни времени удобного, ни способов, от Вас зависящих...» выразив полное доверие и поддержку Светлейшему князю; «Возложив на попечение Ваше произведение в действо толь великих и важных наших предприятий, мы не сомневаемся, что

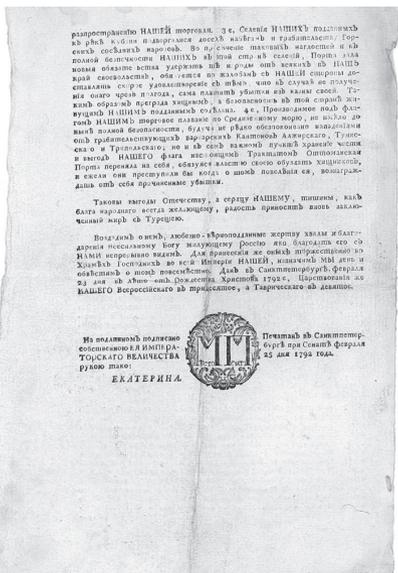
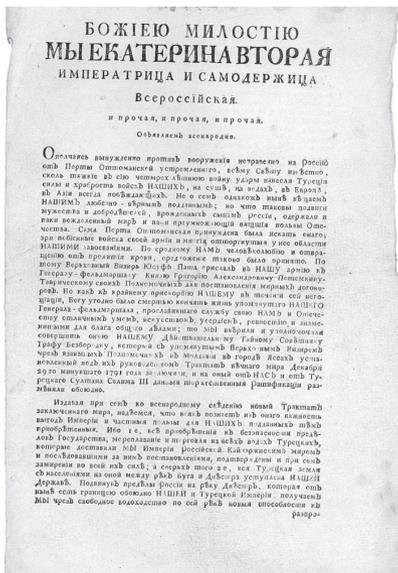
Вы осмотрительными и искусными Вашими распоряжениями предусеете совлещи с пути все трудности и препятствия, кои обыкновенно в больших делах встречаются, и воспримете надлежащие меры... словом, все сие исполните к пользе государства и к благоугодности нашей» [3, л. 185–189об.].

Более детально различные варианты присоединения Крыма Г.А.Потемкин изложил в записке «О Крыме» (декабрь 1782 г.), где он выдвигал военный вариант интеграции полуострова путем проведения войсковой операции, но и предлагал также не отбрасывать внезапную «перемену счастливую для государства Вашего. Граница не будет разорвана между двух веки с нами враждующих соседств еще третьим, и которое просто сказать у нас почти за пазухой. Сколько проистечет из сего выгодностей, изобилия, спокойствия жителей, оттого и населения умножение доходов, господство непрекословное Черным морем, ...а через то непрерывная граница всегда союзных нам народов между обоих морей... Доходы сего полуострова в руках Ваших возвысятся. Одна соль уже важный артикул, а что хлеб и вино... К овладению Крымом предстоят ... благовидные резоны, т.е. замена издержек и уничтожение причин, побуждающих беспрестанно с Портой спорить. Хан уже, который без поддержания Вашего остаться там никак не может...» Там же Светлейший князь торопил Екатерину с удовлетворением этого «усерднейшего представления», поскольку «нужно спешить исполнением сего. Вы впоследствии времен дознаете, сколько сделается затруднений, если сие не учинится. Одни разбросанные места наши в Крыму хлопот и забот причинят много» [3, л. 190–195].

Тщательно взвесив внешне- и внутривнутриполитические последствия этого шага, 8 (19) апреля 1783 г. Екатерина II специальным манифестом объявила о принятии Крыма в состав России. В качестве мотивов императрица поясняла необходимость «попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить», ради мира и согласия с Оттоманской империей «и в замену и удовлетворение убытков наших решились мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю кубанскую сторону» [6, л. 21–22]. Крымский хан Шахин-Герай отрекся от престола в пользу императрицы. Реализация манифеста о вхождении Крыма в состав России легла на плечи Светлейшего князя Г.А.Потемкина.

Внешнеполитический момент присоединения Крыма был выбран чрезвычайно удачный. Как оказалось, Османская империя была не готова объявить войну России за Крым, а среди европейских государств не нашлось османских (татарских) союзников. В сложившихся условиях турки признали факт вхождения Крыма (равно как и ликвидацию

Крымского ханства) в состав Российской империи, и его статус как легитимной части российского государства подписав Константинопольскую конвенцию (28 декабря 1783 г.). Она фиксировала границы Османской империи и новые российские границы, где стороны соглашались принять «за границу на Кубани реку Кубань, оный императорский двор (Оттоманский. — И.Т.) отрицается в то же время от всех татарских поколений, обитающих по ту сторону сказанной реки, то есть между рекой Кубанью и Черным морем» [4, л. 1–2 об.].

Манифест Екатерины II о принятии Крыма в состав России

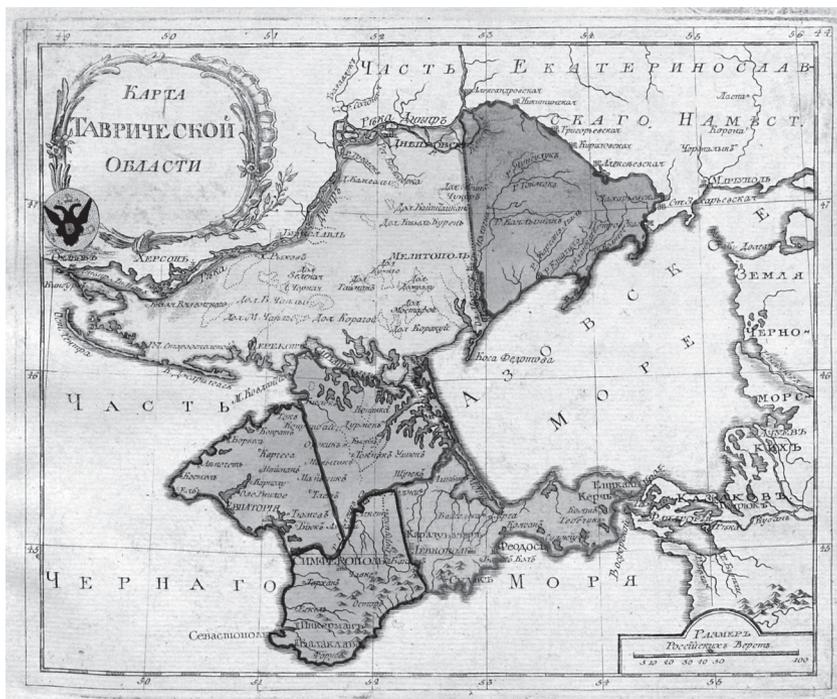
Таврида в составе Российской империи

После воссоединения Крыма Екатерина II приступила к административному обустройству новых земель. В недрах правительства готовились проекты переустройства Тавриды. Это требовалось сделать в кратчайшие сроки, поскольку на первых порах после вхождения Крыма в состав России, он продолжал управляться в соответствии с административно-территориальным делением, существовавшим в бывшем Крымском ханстве. Административно эти земли оставались разделенными на шесть каймаканств и 42 кадалыка, а чиновничий аппарат состоял

из каймаканов, кадиев и прочих служащих, причем татарской национальности и мусульманского вероисповедания. Как замечает Д. Конкин, на время «трансфера власти» до выработки российским правительством новых принципов и структуры государственного управления в Тавриде, там продолжало существовать административно-территориальное деление и действовали органы власти, перешедшие «по наследству» от упраздненного Крымского ханства. Однако все существовавшие там органы власти в реальности работали под строгим надзором российских военных властей и лично Потемкина, который по своему усмотрению назначал крымских чиновников, контролируя все сферы жизни в крае [51, с.21].

8 февраля 1784 года Указом императрицы «Об учреждении Таврической области» и «О составлении Таврической области из 7 уездов, и об открытии присутственных мест в оных городах», на территориях, ранее занимаемых Крымским Ханством, учреждалась Таврическая область, состоявшая из 7 уездов: Перекопского, Днепровского, Мелитопольского, Симферопольского, Левкопольского, Евпаторийского и Фанагорийского [9, с.20–21]. Отметим временный характер областного административно-территориального устройства, который образовывался «покуда умножение селений и разных нужных заведений подадут удобность устроить ее губернею». Границами было предписано иметь «полуостров Крым с землей, лежащей между Перекопом и границей Екатеринославского наместничества, и остров Таман» [8, с.17–18].

Новь учрежденная административно-территориальная единица находилась под управлением генерал-губернатора Екатеринославского и Таврического князя Г.А.Потемкина, которому специальным указом «Об устройстве Таврической Области» государыня указала: «Чтоб вы приступили к действительному той Области разделению и учреждению, устроая города, областной и уездные, в местах вами способными признанных, и назнача в них открыть те Присутственные места, кои по числу и свойству жителей нужны будут». Там же содержались разъяснения по механизму формирования и комплектования людьми новых органов власти: «В сих Присутственных местах не только нижних, где люди определяются большею частию по избранию обществом, но и в областных, повелеваем употребить к заседанию из тамошних старшин достойнейших, коим Мы, по засвидетельствованию вашему, и чины пожаловать не оставим. В городах, кои не будут уездными, повелеваем в пользу обитателей тамошних учредить Ратуши на таком основании, как по учреждениям Нашим о посадах предписано» [10, с.21].

Карта Таврической области, 1792 г.

Последующая русско-турецкая война (1787–1791 гг.) завершилась полным разгромом турок как на суше, так и на море. В декабре 1791 г. стороны подписали Ясский договор о вечном мире и дружбе между Россией и Турцией, подтвердили условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора и акты, подтверждающие «присоединение к Российской империи Крыма и Тамана, и что границей есть река Кубань» [11, с. 287–292].

Административно-территориальный статус Таврической области оставался неизменным до 12 декабря 1796 года, когда Павел I своим Указом «О новом разделении Государства на Губернии» приказал «Таврическую Область ... уничтожить, а Новороссийскую Губернию составить...» Этим же документом император укрупнил Таврические земли, «...разделяемые просто на уезды, сообразно количеству жителей и обширности местности», и на этом основании сформировал там 2 уезда – Перекопский и Феодосийский» [12, с. 229–230]. В итоге Таврида потеряла губернские (областные) органы власти и управления, где оставлялась

лишь уездная структура. Эти структурные преобразования были частью курса императора на оптимизацию (экономию) государственных средств, причем порою чрезмерную. Поэтому приведение административного устройства империи к единообразию, когда вместо наместничеств, губерний, и областей оставили только губернии, стало неотъемлемой частью этой политики.

Манифестом Павла I от 13 февраля 1798 г. «О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» в Тавриде вводились меры стимулирования дальнейшего экономического развития. Два города Тавриды, Евпатория и Феодосия, предназначались для приема иностранных «купцов, мещан, ремесленников и художников», в особенности греков, «яко единоверцам нашим и древним сея страны обитателям», в том числе на постоянное место жительства. Регион сильно пострадал вследствие прошлых войн и переселения на вновь присоединенные к империи земли Приазовья и Дона христианского населения Крыма, причем

Карта Новороссийской губернии, 1800 г.

довольно активного в плане предпринимательской деятельности. В итоге Крым стал территорией, на которую распространился режим порто-франко, предоставлявший право свободной беспошлинной торговли иностранными товарами, которые подлежали ввозу через указанные в манифесте Евпаторию и Феодосию [13, с. 64–68]. Этими мероприятиями император рассчитывал стимулировать развитие внешней торговли на южных рубежах государства в целом, и в Крыму в частности. Однако уже в следующем году Павел I очередной раз подтвердил свой сложный характер и непоследовательность действий. Апеллируя к «усилившимся в Европе смутным происшествиям», указом от 21 декабря 1799 г. «Об оставлении до времени учреждения порто-франко на Таврическом полуострове, и о бытии там по-прежнему Земскому Правлению наравне с прочими губерниями» он приказывал вернуть правила внутреннего управления и жизни в Крыму «по-прежнему наравне с прочими Нашими Губерниями...и восстановления на оном таможен и застав» [14, с. 919].

Чрезвычайная территориальная громоздкость Новороссийской губернии и вызванные этим трудности государственного управления обусловили разделение этой административной единицы. Указом Александра I от 8 октября 1802 г. «О разделении Новороссийской губернии на три губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую – и обустройстве там судебных мест» упомянутая административно-территориальная единица была разделена. Последовавший раздел Новороссийской губернии на несколько единиц и появление уже Таврической губернии, занимавшей Крымский полуостров целиком и земли северной Таврии, имел целью «приведение общего удобнейшего управления и разделения». В структуру вновь созданной Таврической губернии вошли 7 уездов: Перекопский, куда включили Евпаторийский, «части Мариупольского уезда по границе прежней Таврической области», Симферопольский, Фанагорийский, переименованный вскоре в Тмутараканский, «по названию, какое в древней России носил остров Тамань и с причислением к уезду сему земель войска Черноморского», Феодосийский, и два уезда, располагавшихся за пределами Крымского полуострова: Мелитопольский и Днепровский. Столицей, на сей раз Таврической губернии, вновь стал г. Симферополь. В указе императора подчеркивалось, что губернские «границы, отделяющие ее от Екатеринославской губернии, имеют быть те же самые, какие положены были при существовании ее под названием Таврической области» [15, с. 272].

Существовавшие в начале XIX века границы Таврической губернии были изменены указом Александра I от 11 апреля 1820 г. Документом

В связи с потерей Тмутараканского уезда, до 1838 года административно-территориальное деление Таврической губернии состояло из шести уездов. Однако по инициативе М.С.Воронцова – Новороссийско-Бессарабского генерал-губернатора, куда структурно входила Таврида, указом Николая I от 23 марта 1838 г. «Об учреждении в Таврической Губернии нового уезда, под названием Ялтинского», из состава Симферопольского уезда был выделен и учрежден Ялтинский уезд (административный центр – г. Ялта). Общеизвестна большая симпатия, которую питал граф Воронцов к южному берегу Крыма. Очевидно, он небезосновательно считал, что учреждение на Южнобережье отдельного уезда будет способствовать дальнейшему развитию региона [17, с. 196–197].

Еще через четыре года, 7 января 1842 года, Указом Николая I «О новом устройстве полицейского управления северной части Таврической губернии» был сформирован и вошел в состав губернии Бердянский уезд (административный центр – г. Бердянск). Новую административную единицу создали путем вычленения его земель из состава Мелитопольского и Днепровского уездов, располагавшихся в северной, «континентальной» части губернии. Согласно этому указу, назначались следующие уездные центры: в Днепровском уезде «оставить впредь до усмотрения» – г. Алешки, а в Мелитопольском – «казенное селение Новоалександровку, наименовав оное Мелитополем», куда перевести из «города Орехов находящиеся ныне места городского и уездного управлений и суда...» [18, с.2–3].

Отдельно коснемся особых административно-территориальных единиц на территории Тавриды, находившихся вне власти губернатора, градоначальств. Речь идет о Феодосийском, существовавшем с 1804 по 1829 г., и Керчь-Еникальском (1821–1917 гг.). Позднее в Крыму возникли Севастопольское (1873–1917 гг., 1919–1920 гг.) и Ялтинское (1914–1917 гг.). Их появление и расположение были вызваны особым значением и ролью приморских городов, что обуславливало необходимость применения более основательных мер полицейского надзора и управления в указанных портах.

Заключение

Таким образом, Таврида представляла собою важнейший для Российской империи регион. Ее геополитическое положение, высокий экономический потенциал, выход к морю с незамерзающими портами и важнейшая роль колыбели русского православия обусловили для России необходимость обладания этими землями. Административно-территориальные преобразования в Тавриде протекали весьма насыщенно

и динамично. Форматирование Тавриды во время ее нахождения в составе Российской империи было обусловлено необходимостью оптимально-го решения управленческих и социально-экономических задач.

За 134 года пребывания в составе империи были выработаны эффективные модели интеграции населения многонационального региона и механизмы управления краем. Вариативность административно-территориальной структуры Тавриды на первых порах пребывания в составе России была вызвана некоторой зависимостью от внешнеполитических событий и внутривнутриполитическими обстоятельствами. В середине XIX века процесс апробации на практике различных моделей и территориальных конфигураций стабилизировал административные границы Тавриды, а сама губерния до 1917 года включительно состояла из восьми уездов и трех градоначальств. Подобная структура и очертания Тавриды оставались без изменений вплоть до падения династии Романовых в 1917 году.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.5. Оп.1. Д.585.
2. АВПРИ. Ф.5. Оп.1. Д.588. Ч.1.
3. АВПРИ. Ф.5. Оп.1. Д.591. Ч.1.
4. АВПРИ. Ф.33. Оп.2. Д.78.
5. АВПРИ Ф.90. Оп.1. Д.725.
6. АВПРИ Ф.93. Оп.6. Д.398.
7. АВПРИ. Ф.163. Оп.2. Д.445.
8. Полное собрание законов Российской империи. 1-е. Т.XXII. №15920.
9. Полное собрание законов Российской империи. 1-е. Т.XXII. №15924.
10. Полное собрание законов Российской империи. 1-е. Т.XXII. №15925.
11. Полное собрание законов Российской империи. 1-е. Т.XXIII. №17008.
12. Полное собрание законов Российской империи. 1-е. Т.XXIV. №17634.
13. Полное собрание законов Российской империи. 1-е. Т.XXV. №18373.
14. Полное собрание законов Российской империи. 1-е. Т.XXV. №19226.
15. Полное собрание законов Российской империи. 1-е. Т.XXXVII. №20449.
16. Полное собрание законов Российской империи. 1-е. Т.XXXVII. №28225.
17. Полное собрание законов Российской империи. 2-е. Т.ХIII. Ч.1. №11080.
18. Полное собрание законов Российской империи. 2-е. Т.ХVII. Ч.1. №15193.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д.9.

20. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.157.
21. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.169.
22. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ). Ф.2. Оп.1. Д.18. Ч.1.
23. ЦГАВОВУ. Ф.1064. Оп.1. Д.11.
24. ЦГАВОВУ. Ф.3696. Оп.2к. Д.6.
25. ЦГАВОВУ. Ф.3766. Оп.1. Д.132.
26. ЦГАВОВУ. Ф.3766. Оп.1. Д.133.
27. ЦГАВОВУ. Ф.3766. Оп.1. Д.186.
28. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО). Ф.57. Оп.2. Д.207.
29. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII–XXI вв. / А.Г.Шевчук [и др.]; Региональный фил. Нац. ин-та стратегических исслед. в г. Симферополе. Симферополь: Таврия, 2006. 71 с.
30. Бабенко Г.А., Дюличев В.П. Таврическая губерния. Симферополь: Таврия, 2009. 579 с.
31. Бикова Т. Коротка історія Радянської Соціалістичної Республіки Тавриди (1918 р.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. 2004. Вип. 12. С.103–156.
32. Бикова Т. Крим в 1917 році: національно-політичні процеси та події в контексті взаємовідносин з Центральною Радою // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. 2007. Вип. 17. С.29–48.
33. Бикова Т. Крим у геополітичних планах партії більшовиків (1917–1921 рр.) / Т.Бикова // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. 2003. Вип.9. С.94–134.
34. Бикова Т. Проблема статусу Криму у боротьбі місцевих політичних сил під час проголошення Кримської АСРР // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. 2015. Вип.23. С.260–290.
35. Бикова Т. Створення Кримської АСРР (1917–1921 гг.). К.: Інститут історії України НАН України, 2011. 247 с.
36. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. П.Н.Надинский. Симферополь, 1957. Том I. (Март 1917 г. – апрель 1918 г.); 1961. Том II. (Май 1918 г. – ноябрь 1920 г.).
37. Брошеван В. Граница севернее Перекопа. Историко-документальный очерк. Симферополь, 2004. 77 с.
38. Гарчев П.І., Кононенко Л.П., Максименко М.М. Республіка Тавріда. К.: Політвидав України, 1990. 125 с.
39. Гарчев П.І., Овод В.В. Про створення Кримської Радянської Республіки в 1919 р. // Український історичний журнал. Київ. 1992. Вип.4. С.22–31.

40. Ефимов С. А. Административно-территориальные преобразования и опыты крымской государственности в годы Первой Мировой войны // Первая Мировая война и Крым. Проблемы истории Крыма. Вып. 1. Сб. статей / под ред. А. В. Мальгина. Симферополь: Антикава, 2015. С. 198–210.
41. Єфіменко Г. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 с.
42. Єфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. 2011. С. 135–176.
43. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд. Симферополь: Антикава, 2008. 728 с.
44. История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. / Гл. редкол.: Тронько П. Т. (пред.) и др. Киев: Ин-т истории АН УССР: Укр. сов. энциклопедия АН УССР, 1974–1983. Т. 26. Крымская область. Ред. коллегия: Солодовник Л. Д. (пред.) и др. 1974. 623 с.
45. История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 2. 792 с.
46. Ишин А. В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: ИТ «Ариал», 2012. 384 с.
47. Ишин А. В. Діяльність державних установ у Криму в роки революції та Громадянської війни (1917–1922 роки). Автореф. дис... д-ра іст. наук: 07.00.01; Дніпропетр. нац. ун-т ім. Олеся Гончара. Д., 2013. 36 с.
48. Крапивенцев М. Ю. История трансформации политико-правового статуса Крыма в 1917–1921 годах: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Крапивенцев Максим Юрьевич; [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак.]. Севастополь, 2014. 231 с.
49. Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Ижевск, 2018. 600 с.
50. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма: в 4 т. / Академия наук СССР. Крымский филиал. Симферополь: Крымиздат, 1952–1967.
51. Российская империя и Крым / Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов, Д. А. Прохоров и др.; под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. – Симферополь: Издательский дом КФУ. 2020. 416 с.
52. Сергійчук В. І. Український Крим. К.: Українська Видавнича Спілка, 2001. 302 с.
53. Сергійчук В. І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергійчук М. І., 2008. 560 с.

Между патриотизмом
и национализмом глубокое
различие. В первом – любовь
к своей стране, во втором –
ненависть ко всем другим.

Дмитрий Лихачев

Человек, ненавидящий другой
народ, не любит и собственный.

Николай Добролюбов

Андрей Марчуков

УКРАИНИЗАЦИЯ ПОД ПЯТОЙ ОККУПАНТОВ

ГЕРМАНСКИЕ НАЦИСТЫ
И УКРАИНСКИЕ
НАЦИОНАЛИСТЫ
(ЮГО-ВОСТОК УССР,
1941–1944 гг.)

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
930.2

В статье рассматривается политика нацистской Германии в национально-культурной сфере на оккупированной территории Украинской ССР (в ее южных и восточных областях). А именно попытка посеять рознь между украинцами и русскими. Активным проводником этой политики выступили украинские националисты. Анализируются причины их сотрудничества с немцами, цели, характер и методы деятельности. Оценивается эффективность политики германских нацистов и украинских националистов и причины ее провала.

The article examines the policy of Nazi Germany in the national and cultural sphere in the occupied territory of the Ukrainian SSR (in its southern and eastern regions). Namely, an attempt to sow discord between Ukrainians and Russians. Ukrainian nationalists were an active promoter of this policy. The reasons for their cooperation with the Germans, their goals, nature and methods of activity are analyzed. The effectiveness of the policy of the German Nazis and Ukrainian nationalists and the reasons for its failure are evaluated.

Ключевые слова: Украинская ССР; германский нацизм; оккупация; антируссизм; украинский национализм.

Key words: Ukrainian SSR; german nazism; occupation; anti-russianism; ukrainian nationalism.

E-mail: marchukov@mail.ru

Несмотря на героическое сопротивление, которое оказывала Красная Армия противнику, ситуация в начальный период Великой Отечественной войны складывалась не в ее пользу. Уже к ноябрю 1941 года почти вся территория УССР, за исключением части Донбасса и Харьковской области, была занята немцами и их союзниками. В ходе летнего наступления 1942 года противник захватил всю территорию республики. Миллионы людей оказались в оккупации на месяцы и даже годы. Это время стало суровой проверкой человеческих качеств, чувств и самосознания, в том числе национального.

Национальный момент в политике захватчиков (немцев, а также румын и финнов) занимал важное место. В основе идеологии нацистской Германии и, соответственно, ее политики в отношении покоряемых территорий, лежала расовая теория, делившая народы по степени их «полноценности» и способности к самостоятельному развитию. На оккупированной территории СССР германские нацисты стремились посеять национальную рознь, антисемитизм и русофобию. Полиэтнические южные и восточные области УССР – Ворошиловградская, Днепропетровская, Запорожская, Кировоградская, Одесская, Николаевская, Сталинская и Харьковская (то есть исторические Новороссия и Слободская Украина) – в этом отношении оказались удобной мишенью.

В силу того, что основными этническими группами указанного региона являлись украинцы и русские, особый интерес представляют политика оккупантов (а именно немцев) в отношении этих народов (и, прежде всего, украинцев), ее влияние на национальное сознание и поведение их представителей. В южных и восточных областях Украинской ССР этнокультурная близость и общность исторических судеб русских и украинцев были выражены еще отчетливей, чем в других ее частях. Причиной тому исторически сложившаяся особая культурно-языковая среда, которая затрудняла вычленение тех и других в отдельные нации (это проявилось в 1920–1930-е годы в ходе проведения большевиками политики украинизации).

Подходы

Главной составляющей немецкой оккупационной политики в культурной и национальной сфере, наряду с антисемитизмом, была русофобия.

И политическая (по отношению к России), и этнокультурная (по отношению к русским). Именно Россия и русские рассматривались германскими нацистами как главный враг, как основное препятствие на пути реали-

зации их целей и замыслов. По словам очевидцев, сразу же после установления немецкой власти в глаза бросилась «непримиримая ненависть к русским и ко всему тому, что носило отпечаток русской культуры» [13, с. 311]. Само употребление слова «Россия» и вообще всего, что связано с рускостью (русской культурой, идентичностью, самосознанием), оккупанты встречали настороженно и неприязненно [35, с. 185–186].

В своей массе немцы воспринимали СССР именно как Россию, а его население, прежде всего славянское, как русских. Характерной иллюстрацией такого восприятия могут служить показания офицера немецкой контрразведки капитана В. Лангхельда на состоявшемся 15–18 декабря 1943 года Харьковском судебном процессе над немецкими военными преступниками и их пособниками. «Зверства, которые чинили германские офицеры и солдаты над русскими людьми... соответствовали установкам германского правительства по отношению к русским людям», – говорил он [36, с. 18]. Зверства эти происходили в Харькове и Харьковской области, и жили там не одни лишь русские.

«Новый порядок» в действии. Донбасс, женщины оплакивают убитых детей

Такое понимание укладывалось в рамки традиционного европейского взгляда, не усматривающего различий между восточнославянскими народами (великороссами, белоруссами, малороссами-украинцами) и всех их воспринимающего как «русских». И такой взгляд был недалек от исторической реальности и от восприятия друг друга самими этими народами. Кстати, начальник Партийной канцелярии НСДАП М. Борман и вовсе использовал выражение «так называемые украинцы» [8, с. 204].

Но среди германского политического руководства и специалистов по России имелся и другой подход. Его сторонники различали русских и украинцев, выделяли из славянского пространства СССР отдельно Россию и Украину как национальные организмы. Как ранее и большевики, эти специалисты стремились сузить понятие «Россия» лишь до территории, населенной великороссами. Создание на оккупированной советской территории системы гражданского управления, включающего в себя Рейхскомиссариат «Украина» (границы которого, правда, не совпадали с границами Украинской ССР) и выделение Белоруссии (в состав Рейхскомиссариата «Остланд») стали тому подтверждением.

В случае с Украинской ССР одну из своих главных задач нацисты видели в организации раскола между украинцами и русскими. В руководстве Германии имелось несколько точек зрения на политику в отношении украинского населения, которые являлись производными от политики в отношении русских и России. Были те (например, бывший посол Германии в СССР Ф.-В. фон Шуленбург и К. фон Штауффенберг), кто полагал, что ставку в борьбе с СССР и коммунистической системой следует делать на русское население, для чего нужно заручиться его поддержкой, а заигрывание с «националами» и разыгрывание «украинской карты» может этому помешать. Однако нацистская идеология не оставляла для сторонников этой точки зрения возможности сколько-нибудь серьезно влиять на политику.

И последняя, по сути, сводилась к двум, во многом конкурирующим друг с другом, концепциям. Первую разрабатывал и отстаивал рейхсминистр оккупированных восточных территорий А. Розенберг и его сотрудники, прежде всего Г. Лейббрандт (выходец из России, как и сам Розенберг), а также статс-секретарь, а затем рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства Г. Бакке. Розенберг отвергал «традиционную», как он ее называл, концепцию германской политики, согласно которой надлежит сокрушить большевизм, после чего возникнет «союз с возрождающейся национальной Россией» и, тем самым, сложится неуязвимый континентальный блок Германии и России. Он настаивал, что война

должна вестись не против большевизма и существующих в СССР строя и политической системы, а против России как таковой. Именно сокрушение России позволит «навсегда освободить Германию от политического давления с Востока», утверждал он [34, с.41–45].

Рейхсминистр восточных оккупированных территорий, нацистский преступник Альфред Розенберг

Розенберг настаивал, что сокрушить Россию (он называл ее «Московией») и русских будет проще и надежнее, если их изолировать и окружить зависимыми от Германии государствами: «Великой Финляндией», Прибалтикой, Украиной, Кавказом, «Идель-Уралом». И разжечь у «нерусских» народов русофобию, а также посеять межэтническую рознь вообще. Одним из главных элементов этой системы должна была стать Украина – проводник немецкого влияния, сырьевая база Рейха и инструмент по расколу общерусского национально-культурного пространства [11, с.97–99].

Но его точка зрения встретила неприятие со стороны более многочисленных и могущественных руководителей Германии: Г.Гиммлера, М.Бормана, Г.Геринга, Э.Коха (рейхскомиссара Украины), Й. фон Риббентропа. Они были недовольны тем, что Розенберг «слишком много уделяет внимания украинцам», заигрывает с украинским самостийничеством и хочет создать украинское государство, да еще и раздвинув его границы до Воронежа и Саратова [34, с.50]. Эти деятели являлись сторонниками жесткого курса в отношении всего населения СССР, без предпочтений кому-либо, и оккупированную советскую территорию рассматривали лишь как источник продовольствия и сырья и пространство для германской колонизации. Местное население, будь то не только русские и белорусы, но и украинцы или даже литовцы и латыши, рассматривалось как «лишнее», ненужное и подлежащее не онемечиванию (кроме некоторых случаев) или эвакуации в восточные районы СССР, а «замене» и «сокращению» [8, с.203, 204]. Что касается А.Гитлера, то он старался учитывать оба подхода, но сам являлся сторонником «тотально-жесткого» курса.

Сомнения относительно реальности прожектов Розенберга вызывала и возможность посеять раскол между украинцами и русскими, да и вообще прочертить между ними четкую границу. К примеру, Гитлер на состоявшемся 19 июня 1943 года в его ставке «Вервольф» (под Винницей) совещании в присутствии Бормана, Г.Ламмерса (одного из приближенных фюрера), Коха и Розенберга, высказался об этом следующим образом. Как отмечалось в протоколе совещания, фюрер «не преминул напомнить о том, что украинский и великорусский народы не противостоят друг другу, напротив, Украина является колыбелью России, и украинцы всегда были самыми яркими сторонниками Великой Российской империи» [Цит. по: 11, с.144–145].

Несмотря на излишнее обобщение (украинцы бывали разные), по сути Гитлер был недалек от истины. Конечно, на его слова повлияли два года войны, когда стало очевидно, что желаемого раскола между украинцами и русскими добиться не удалось, и что те и другие в массе выступали в защиту своей родины – СССР (за которым угадывалась Россия). Но такой исход можно было предвидеть и раньше, и некоторые на этот момент обращали внимание. Так, Ф.Гальдер, в ту пору начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии, еще 1 августа 1941 года отмечал следующее. «Население, проживающее в Западной Украине, стремится к самоопределению», тогда как «в русской части (Украины) (то есть, в границах 1939 года. – А.М.) среди населения царит тупое

равнодушие». По смыслу – к той самой националистической идее самоопределения. И лишь «в больших городах работают комитеты активистов» [10, с.222, 224]¹.

Не питал иллюзий на сей счет и сам Розенберг. Он не сомневался в том, что украинское национальное «сознание существует в широких массах людей только в скрытой и притупленной форме», но это его не смущало. Даже если оно присутствует в еще «меньшей степени... то нам тем более необходимо приложить все усилия, чтобы оживить украинское национальное сознание», настаивал он [Цит. по: 11, с.99]. Национальные чувства требовалось стимулировать искусственно, а для этого на Украине следовало «развить известное стремление к самостоятельности», «выступить с обещаниями в области культуры» и «пробудить историческое сознание украинцев», привлекая к этой работе украинских писателей, политиков и ученых [34, с.48].

Политика немцев в отношении Украины и украинцев претерпевала изменения в зависимости от хода аппаратной борьбы и целей, которые немцы ставили перед собой в конкретный момент [8, с.215]. В итоге возобладали «жесткая» позиция, не делавшая принципиальной разницы в отношении русских и украинцев и для тех и других означавшая геноцид. Однако немцы, прежде всего сотрудники Розенберга, старались по возможности реализовать установку на национальный раскол и, как отмечалось в «Зеленой папке» Геринга, использовать для этого «возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами» [24, с.66]. А если таковых противоречий не окажется – создать их. Их усилиям способствовало то, что почти все германское политическое и военное руководство, несмотря на наличие в нем различных точек зрения на отношение к украинцам, сходилось на почве русофобии как основе оккупационной политики на Востоке.

Проявления

Первой группой, среди которой немцы стали проводить национальную сегрегацию, отдавая предпочтение одним в ущерб другим, стали советские военнопленные. Разделение пленных по национальному принципу они устраивали сразу же после их попадания в лагеря, а порой даже сразу после пленения. В первые месяцы войны, летом – осенью 1941 года, немцы неред-

¹ Любопытно, что советские комментаторы снабдили это высказывание примечанием: «Это утверждение Гальдера является грубым вымыслом». Они имели в виду, что население Украины боролось против захватчиков. Но Гальдер говорил о другом – о равнодушии именно к идее украинской самостоятельности.

ко отпускали оказавшихся в их плену красноармейцев-украинцев. Среди них оказывались даже командиры и политработники, если им удавалось скрыть свое воинское и политическое звание. Например, именно так, назвавшись красноармейцем и рабочим кировоградского завода, смог уйти попавший в плен в начале августа в районе Умани начальник политотдела 6-й Армии бригадный комиссар К.В.Герасименко (сам он был родом с Полтавщины, еще не захваченной немцами) [1, л.489, 492]². Освобождали в первую очередь уроженцев Западной Украины и тех областей, которые уже были заняты немецкой армией. Всего за этот период немцами было освобождено 318770 военнопленных, из которых 277761 украинец (87,1%) [9, с.320–321]. Отпускали гитлеровцы и пленных других национальностей (советских немцев, прибалтов, белоруссов), но реже. На военнопленных-русских, не говоря уже о евреях, это почти не распространялось: русских освобождали крайне редко, и только уроженцев Украины [24, с.82, 85].

Такой выборочный «гуманизм» объяснялся двумя причинами. Первая заключалась в необходимости собрать урожай, для чего требовалось обеспечить хозяйства рабочими руками. Некоторых выпускали сразу. «Сдавшихся в плен украинцев отпускали по домам, дав наказ убирать хлеб», докладывал по возвращении с территории противника (он был сбит) летчик 11-го дальнебомбардировочного авиационного полка старший лейтенант Давыдов. Русских, солдат других национальностей и тех украинцев, которые не сдались, а попали в плен не по своей воле, отправляли в лагеря военнопленных [1, с.360]. Освобождали их уже оттуда. Распространявшиеся немцами листовки содержали призыв к украинцам беречь и убирать хлеб, за что их будет ждать вознаграждение. Многих пленных сразу направляли на работу в колхозы. Вопреки своей пропаганде, распускать коллективные хозяйства нацисты не собирались: «работайте, как работали, учитывайте трудодни, собирайте урожай», призывали они крестьян [1, с.348, 351].

Именно эта экономическая причина и была главной. Вторая состояла в желании распропагандировать местное украинские население в прогерманском духе, изобразить немцев освободителями от «большевистского» и «еврейско-московского ига», показать «гуманное» обращение с пленными, противопоставить друг другу украинцев и русских. И воздействовать в подобном духе на военнопленных и Красную Армию. А еще таким способом немцы «разгружали» переполненные лагеря военнопленных.

² Имена он называл разные: в размещенном в селе Перегоновка госпитале – Солодаш Василием Ивановичем, на выходе из уманского лагеря военнопленных – Солодаш Кондратом.

Впрочем, выборочный «гуманизм» продлился не столь уж долго. В ноябре 1941 года процесс освобождения из лагерей почти прекратился. Связано это было, во-первых, с завершением сельскохозяйственных работ, во-вторых, со снятием запрета на использование труда пленных в промышленности Германии. Рабочие руки, в том числе украинские, потребовались уже там. Третьей причиной стал провал блицкрига и переход к затяжной войне, повлекший за собой иное отношение к местному населению. Зимой – весной 1942 года многие ранее отпущенные пленные были немцами арестованы и вновь помещены в лагеря [24, с. 86, 87, 89, 90].

Раскол населения по национальному принципу осуществлялся не только среди военнопленных, но и среди гражданских лиц. «Население было искусственно расколото на две группы, и русская часть его жила в постоянном страхе преследования, террористических выступлений и незаслуженных оскорблений», – свидетельствовали очевидцы [13, с.315]. Одним из методов такого раскалывания стало предоставление украинцам более выгодного положения по сравнению с русскими.

Как сообщал заместитель начальника Управления НКВД по Сталинской области секретарю Сталинского обкома КП(б)У (8 апреля 1942 года), в городах Донбасса отношение оккупантов к местным жителям строилось в зависимости от национальности последних. Самыми большими правами пользовались местные немцы, которых гитлеровцы рассматривали как «фольксдойче» и как свою опору на занятых советских территориях. Их набирали на работу в органы местной администрации, надеялись пайками, предоставили право ношения оружия [37, документ № 16, с.322]. В ряде местностей из лиц немецкой национальности создавались «группы самозащиты», принимавшие участие в акциях по уничтожению евреев [39, с.37; 23, с.57]. Заметим, что в целом ожидания германских нацистов не оправдались: советские немцы оказались русифицированными и советизированными, к расовой теории относились равнодушно и потому были ненадежной опорой гитлеровской политики.

Среди прочих национальностей в наиболее «привилегированном» положении оказались украинцы: им была «дана возможность занимать ответственные должности», свободно перемещаться из города в село (в том числе на постоянное жительство), что остальным национальностям не было разрешено. Ниже украинцев стояли русские, а совсем бесправными были евреи [37, документ № 16, с.322].

В немецкой оккупационной зоне, независимо от того, кем осуществлялось управление, гражданскими властями или военными, все русское

преследовалось. Русский язык вытеснялся из административной и общественной сфер. Русскоязычные газеты и школы закрывались, украинские же сохранялись. Скажем, из 24 русских школ Мелитополя оккупанты оставили всего пять, а остальные сделали украинскими. Причем в русских школах украинский язык преподавался, а вот преподавание русского языка в украинских школах было запрещено [3, л.3 об.; 4, л.2].

За системой образования немцы следили особенно внимательно, по возможности стараясь, чтобы там работали не русские, а украинцы. Как подчеркивалось в Программе созданного немцами «Всеукраинского союза учителей», главной целью школы теперь становилось «националистическое» воспитание, воспитание «гармоничного, свободолюбивого типа украинца» [25]. Начальник отдела образования и культуры управы донецкого города Константиновка А.Кирпенко заявлял, что «школы будут только украинские и немецкие», и они «будут воспитывать среди украинской молодежи национальное чувство». Да и вообще на школу возлагалась задача отделить учеников «от Москвы, от жидо-большевицкого влияния» [22]. «Москва» и «жидо-большевизм» стояли через запятую не просто потому, что Москва являлась столицей коммунистического государства, в котором, согласно гитлеровской пропаганде, всем заправляли евреи. Немцы стремились внедрить мысль, что носителями большевизма являются именно русские, что он заложен в их национальной природе, тогда как украинцам (как стоящим ближе к «европейской культуре»), он чужд.

В будущем, правда, украинские школы тоже подлежали закрытию, или их функции должны были свестись к передаче простейших навыков и знаний: обеспечение «расцвета» украинской нации не входило в планы гитлеровцев, а разговоры о «европейскости» украинцев были не более чем тактическими уловками Розеберга и его единомышленников, которые основная масса нацистов (и немцев вообще) не разделяла. Не собирались нацисты развивать и украинскую культуру, хотя некоторые поддерживали ее в качестве противовеса культуре русской. Поощряли они преимущественно фольклорные формы: организацию художественных и музыкальных коллективов, издание произведений Шевченко и т.п. И вообще, украинская идентичность интересовала немцев не сама по себе, а всего лишь как средство борьбы с рускостью.

В неравное положение оккупанты старались поставить не только культуры, но и самих людей. При найме на работу, там, где это было возможно и «желательно», украинцы получали приоритет перед русскими. Дело представляли так, будто у русских и украинцев не было

и не могло быть общих интересов. Русских наделяли отрицательными качествами. Скажем, в издававшейся в Криворожском округе газете «Дзвін» утверждалось, что немецкие колонисты (а их вклад в освоение Новороссии/Украины всячески превозносился и преувеличивался) нанимали на работу украинцев, а не русских, поскольку у русских отсутствовали навыки работы в «культурном хозяйстве» и желание работать вообще [18, с. 116, 117].

Украинские националисты

Одной из основных опор немцев, контингентом, через который они проводили свою политику, стали украинские националисты. Отчасти

это были местные жители. На юго-востоке республики имелись люди, разделявшие украинские националистические воззрения и питавшие ненависть к «Москве»: бывшие петлюровцы, сторонники Центральной рады, гетманцы, люди, репрессированные за национализм, и т. п. Они сразу же потянулись к немцам. «Всплыло очень много сволочей, большой актив украинских фашистов», – делился своими впечатлениями от увиденного на занятой противником территории К. Герасименко [1, с. 493]. Несомненно, среди них были не просто противники советской власти и приспособленцы, но и националисты. Но таковых оставалось не так много, они не имели единой и четкой идеологии и необходимой моменту радикальности. Поэтому на первые роли вышли приезжие.

Отчасти это были эмигранты, покинувшие Советскую страну после поражения в гражданской войне украинских самостийнических режимов. Но главным образом ими стали выходцы из Западной Украины, прежде всего Галиции – члены Организации украинских националистов (ОУН) обеих ее фракций, «бандеровской» и «мельниковской». В числе так называемых «походных групп» они следовали за германскими войсками в центральные, восточные и южные области УССР. Бандеровцы направили на Киев «Северную группу», на Харьковщину, Левобережье и Донбасс – «Восточную», в Одессу и Крым – «Южную». Мельниковцы тоже снарядили три группы: «Северная» двигалась через Волинь на Киев, Полтаву и Харьков, «Центральная» шла через Правобережье на Кировоград и далее на Днепропетровск и Донбасс, «Южная» – на Одессу, Николаев и в Крым.

В задачу «походных групп» входило создание на занятых немцами территориях «украинской милиции» и ликвидация «враждебных элементов» (коммунистов, комсомольцев, советского актива, евреев, поляков,

русских) [14, с. 62, 63], организация местных органов власти, политическая пропаганда, овладение культурно-просветительскими и образовательными учреждениями и прессой с целью подготовки почвы для создания в будущем самостоятельной Украины. Оуновцы были организованны и радикальны. Они разыскивали местных «национально-сознательных украинцев», объединяли их вокруг себя и обрабатывали в духе интегрального национализма. Вот что впоследствии говорил на допросах оуновец А.Ирий-Авраменко, при немцах назначенный директором Мариупольского театра и по совместительству являвшийся главой местной «Просвиты» (культурно-просветительского общества), а заодно и освещителем гестапо: «После того, как Мариуполь был оккупирован немцами, вместе с ними прибыли активные украинские националистические деятели-эмигранты, особенно – галичане, которые, как правило, работали переводчиками в немецкой армии. Они начали устанавливать связи со старыми национальными кадрами и украинцами, что проживали в Мариуполе, обрабатывать их в националистическом духе» [29, с. 39–41].

По занятым немцами территориям ездили пропагандисты из Западной Украины, агитировавшие население, прежде всего, крестьян, в антисоветском и прогерманском духе. Выполняли они и другую работу. Герасименко рассказывал, что в госпитале в Перегоновке, в котором он одно время находился, появилась некая украинка Нюся. Приехала она вместе с офицером гестапо. Выяснилось, что перед войной эта Нюся устроилась работать в столовую 12-й Армии уборщицей, а накануне ее исчезла. Теперь же она занималась тем, что опознавала скрывающихся под видом красноармейцев политработников и командиров и указывала на них немцам [1, с. 491, 493].

Немцы никогда не смотрели на украинских националистов как на равноправных союзников (так они не смотрели даже на румын) – лишь как на орудие по достижению собственных целей. Первая и единственная попытка ОУН (бандеровцев) провозгласить 30 июня 1941 года во Львове создание украинского государства была незамедлительно пресечена немцами и подпортила их отношение к украинским националистам вообще. Попытки последних проявлять чрезмерную активность пресекалась немцами и позже.

Тем не менее националисты, в том числе оуновцы, с таким отношением к себе мирились, потому что врагом считали не Германию, а СССР–Россию. Показательно свидетельство арестованного в 1945 году руководителя ОУН Ольгинского района Волновахского округа (Донбасс)

А. Ястремского, в качестве шефа украинской полиции принимавшего активное участие в борьбе против советских партизан на территории округа. На вопрос, «почему он, как член ОУН, ставящей своей задачей (согласно собственной пропаганде. – А.М.) вести борьбу с оккупантами, в то же время совершал жестокую расправу с советскими людьми, борющимися с немцами», Ястремский ответил: «Украинские националисты считают своим основным врагом советскую власть, поэтому, используя свое служебное положение при немцах, мы активно вели борьбу со всякими советскими проявлениями. Проводя репрессии по отношению к советским гражданам, я выполнял обязанности члена ОУН» [37, документ №31, с.328, 329].

К тому же сотрудничество с немцами давало возможность сосредоточиться на другом. Украинские националисты различных политических оттенков стали опорой оккупационной власти и под крылом германских нацистов приступили к своей главной цели – консолидации собственных сил и изменению сознания местного населения: десоветизации («советское» они считали не просто идеологической и политической категорией, а еще и одной из форм русской «имперской» идентичности), дерусификации, украинизации. Они начали насаждать украинскую идентичность (да еще и в собственном, не советском, ее понимании) и ненависть к Рос-

«Европейский выбор» украинства времен Второй Мировой войны: «Слава Гитлеру – слава Украине!»

сии, «москалям» и тем лицам «с украинскими фамилиями», которые говорили по-русски, считали себя русскими и благоговели перед русской культурой [40, с.232; 13, с.271, 293, 311, 315]. Эту работу они рассматривали как неперемное условие создания самостоятельной Украины. Самыми яростными украинизаторами и борцами с русским языком, русскостью и советскостью стали галицийцы-оуновцы.

Они заняли созданные оккупантами органы местного управления, прибрали к рукам значительную часть прессы, сферы образования и культуры, а также «хлебные» должности в прочих сферах. Началась новая, теперь уже немецко-националистическая, украинизация, пришедшая на смену приутихшей было во второй половине 1930-х годов украинизации большевистской. Украинизация вывесок, прессы, делопроизводства, повседневности проходила под лозунгом «дерусификации» и согласно принципу «один народ – одна мова» [30].

Языком приказов и обращений немецких органов власти и комендантур, наряду с немецким, стал украинский. Органы местной власти выпускали постановления, запрещавшие учреждениям, организациям, полиции, частным предпринимателям вести переписку на русском языке. К примеру, распоряжением Мариупольской городской управы от 28 мая 1942 года всем ее отделам и подчиненным им организациям и предприятиям переписку следовало вести «исключительно на немецком или украинском языке». Прием писем и документов на русском прекращался, сотрудники, нежелающие вести переписку на украинском, подлежали увольнению. Между собой они тоже обязаны были общаться по-украински [37, документ №6, с.319; документ №22, с.324–325].

В январе 1942 года начальник отдела образования и культуры Константиновки А.Кирпенко заверял журналистов, что делопроизводство в управе и на предприятиях переведено на украинский язык. Для тех, кто украинским не владел или владел плохо, организовывали курсы по его изучению (так делалось и при украинизации 1920-х – начала 1930-х годов). Не желающие подвергались гневному осуждению, как «агенты Москвы». Правда, запретить людям говорить и писать на родном языке (русском) было непросто. Тот же Кирпенко то и дело возмущался наличием даже в управе людей, не хотевших использовать украинский язык и то и дело переходивших на русский. Разумеется, такое отношение характеризовалось им и его коллегами как «враждебное» [20; 21]. Учитывая условия, «враждебными» они были не только по отношению к «украинским властям», но и к их немецким начальникам, это влекло за собой угрозу не только увольнения, но и ареста.

Инициатива в языковой политике исходила от немцев, без согласия которых не могло состояться ни одно решение местных властей. Так, приказ Константиновской окружной управы от 1 июня 1942 года, согласно которому русский язык был запрещен во всех органах, полиции и судах, был принят «в согласии с немецкой властью и военным комендантом, которых украинские работники управы за это благодарили» [27]. Подобные приказы и распоряжения принимались по многим городам оккупированной Украины.

Русский язык и его носителей изгоняли и из сферы культуры. Например, Ирий-Авраменко запрещал актерам Мариупольского театра говорить по-русски, боролся с так называемыми «русизмами» в их речи и увольнял русскоязычных актеров [19, с.83, 93]. Примером борьбы с «русизмами», которыми были весьма озабочены профессиональные «украинцы», может служить газета, выпускавшаяся коллаборационистами в одном из крупнейших городов Донбасса – Мариуполе. Первоначально она называлась «Мариупольська», но вскоре такое «русифицированное» название не устроило ее издателя и журналистов, и она стала называться «Мариупільська». Замена двух букв («у» на «ю» и «о» на «і») рассматривалась как важная победа над «Москвой».

Одним из методов дерусификации-украинизации населения и создания видимости наличия «самостийной Украины» (которой по факту не было) служило создание при помощи национально-украинской символики соответствующего зрительного облика пространства. Трезубцы, желто-голубые флаги, портреты Тараса Шевченко, Ивана Франко вместе с портретами Адольфа Гитлера и нацистскими знаменами развешивались украинскими коллаборантами повсюду: в присутственных местах, учреждениях, школах, театрах, на предприятиях. Зрительная среда,

Оккупационная пресса не скрывала, что украинские националисты воевали на стороне гитлеровцев

в первую очередь городов, должна была стать подчеркнуто украинской. Немцы это позволяли. Замелькали и «вышиванки» – этот элемент народного костюма сторонниками украинства уже давно был превращен в символ украинской идентичности и избавления от «русско-большевистского ига».

«Для нас Россия была и есть самым лютым врагом», прочь от нее, вон русских из Украины – вот мечта и лейтмотив поведения украинских националистов, оказавшихся при немцах у власти (пусть и на вторых ролях) и принявшихся лихорадочно воплощать свои планы в жизнь. «Все те, кто не желает признавать право Украины, которое дала ей Германия, творить новую жизнь с Великогерманией, – будут в будущем стерты с лица земли, как враги украинского народа», – грозили они. «Мы надеемся и уверены, что немецкая власть нам поможет выкорчевать... прислужников Москвы», – писала оккупационная пресса [19, с.85].

Не «плошали» и они сами. Кто кому «помогал» выкорчевывать из народа русскость, предельно ясно. Не немцы были пособниками украинских националистов, а наоборот. Но в словах последних была немалая доля правды: именно опора на немцев (внешнего врага России) позволяла украинским националистам попробовать добиться желаемого. И они занимались не только дерусификацией и десоветизацией населения, но и устранением ее носителей, советских патриотов. По устоявшейся еще со времен Первой Мировой войны традиции они выдавали врагу и самостоятельно в рядах собственных боевых структур, полицейских и иных вспомогательных военизированных формирований уничтожали подпольщиков, партизан, коммунистов и комсомольцев и вообще всех не сочувствующих немцам и украинскому национализму.

О том, как выявлял и ликвидировал партизан начальник полиции Ольгинского района оуновец Ястремский, уже говорилось. А работавшая директором средней школы того же района оуновка А.Т.Александрина организовала хоровой кружок. Репертуар подбирался соответствующий: «враждебные для советской власти песни». Члены кружка выступали на организуемых немцами торжествах, а сама Александрина сотрудничала с гестапо «и выявляла коммунистов, советский актив и лиц, настроенных против немцев» [37, документ №21, с.324]. А вот что показывал на допросе арестованный органами НКВД их «коллега», руководитель ОУН Макеевского района Литвиненко: «Я, как основатель подпольной организации украинских националистов в Макеевском районе, украинизировал все школы, в учебных программах по каждому предмету преподавания ввел специальный раздел антибольшевистской пропаган-

ды. Создал комиссии содействия и лично оказывал помощь немецкой жандармерии в ее работе по выявлению и истреблению коммунистов, что соответствовало целям и задачам организации» [37, документ №20, с.324]. Вот так работало «антифашистское подполье» ОУН.

Такое сотрудничество было вовсе не случайным и не единичным. Свои мероприятия украинские националисты проводили под немецким крылом, в согласии с гитлеровцами и даже по их прямому указанию. Именно так обстояло дело с запрещением русского языка. Так было при организации немецкими комендатурами и отделами пропаганды обществ «Просвита», задачей которых националисты считали пропаганду своих идей, украинизацию населения и продвижение распоряжений и установок оккупационных властей. А ведь создаваемые в прямом контакте с немецкими властями «Просвиты» заводились кадровыми оуновцами или брались ими под идейное и организационное руководство (если эти организации возникали по инициативе других «национально-сознательных украинцев»). За позволение их создать они были благодарны немцам и призывали население приложить все силы ради победы Германии [29, с.46].

Заявления оуновцев и их современных последователей о том, что ОУН создавала антинемецкое антифашистское подполье, не более чем миф. Да, ОУН стремилась создать законспирированную подпольную сеть. Однако члены этой организации (обеих фракций) никоим образом не отвергали возможность легальных форм работы [16, с.760], и эти формы лишь дополнялись нелегальными. Да и нелегальные формы были весьма специфическими. Руководитель оуновской ячейки в Красной Каменке (Кировоградская область) Б.Федченко так отзывался о стоявших перед его ячейкой задачах: чтение лекций об Украинской соборной державе, пропаганда украинской культуры, прежде всего песенной, привлечение «сознательной» молодежи, «организация доступными способами борьбы с большевиками» [15, с.220]. Не с немцами, а с «большевиками».

Украинские националисты имели свою цель – создание самостоятельной Украины. Но немцы им ее не предоставили и не собирались этого делать, как не разрешили и создание единого исполнительного «украинского» органа, дозволив лишь украинизацию, русофобию, желто-голубые флаги, портреты Шевченко и службу на пользу Рейха. Если немцы приходили к заключению, что деятельность «мельниковцев» и «бандеровцев» начинает выходить за рамки дозволенного и принимает самостоятельный политический характер, против них следовали меры, вплоть до арестов и физического уничтожения неугодных (как это было осенью – зимой

1941–1942 годов). Эти меры облегчались взаимной и жестокой борьбой, которую вели между собой обе оуновские фракции. Однако это обстоятельство не смущало украинских националистов. Они, конечно, хотели большего, но даже предложенное немцами полностью соответствовало их интересам. Поэтому украинские националисты, и оуновцы в том числе, и служили немцам не за страх, а за совесть. Враг у них был общий.

Делать это они продолжали и после того, как стало ясно, что немцы не только не станут создавать Украину, но и перестают отдавать преимущество украинцам по сравнению с русскими и осуществляют против украинского населения точно такую же политику геноцида, что и в отношении русских. А это проявилось довольно скоро [8, с. 198, 199, 202–203]. При этом они клялись в верности «Великой Германии» и ее «вождю» и «творцу нового социального устройства» Адольфу Гитлеру. Радовались успехам «непобедимой» немецкой армии, авиаударам по городам Донбасса и Харькову. Восхваляли создаваемую нацистами «новую Европу». Украинский народ сделал свой «европейский выбор» и плечом к плечу с немецкой нацией борется против «Москвы», «коммунистов» и «жидов». Успехи Германии «стали победой украинского народа... Рука об руку с немецким народом, под предводительством его Вождя Украина может идти спокойно навстречу своему будущему». «Армия великой Германии защищает нашу жизнь и наше спокойствие», несет свободу и независимость. Вот типичные примеры славословий, которые звучали из уст украинских националистов («антифашистов» и борцов против немецкой оккупации, как они себя стремились представить) [37, документ №9, с.320; 31; 26; 12].

Столь тесное сотрудничество националистов с оккупантами даже позволило советской стороне изобрести особый термин: «украинско-немецкие националисты». «Украинских националистов мы называем украинско-немецкими потому, что они являются верными псами и помощниками немцев в порабощении украинского народа, – пояснял Первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С.Хрущев. – Они не имеют ничего общего с украинским народом. Они являются агентами немцев в украинской среде» [32, с. 89].

Характер сотрудничества передан верно. Однако это была, все же, полуправда. Украинские националисты не были немцами, и их сотрудничество/пособничество являлось не самоцелью, а способом достижения собственной цели. А она-то была как раз «украинская». Создание самостийной Украины, дерусификация-украинизация – этим украинские националисты занимались и раньше, самостоятельно или под крылом

Австро-Венгрии (до Первой мировой войны и во время ее) и большевиков (в 1920-е – начале 1930-х годов). Примерно те же цели – создание украинской нации и Украины (пусть не самостоятельной, а советской и социалистической) преследовала и большевистская украинизация. Идеейное содержание процессов нациообразования было другим: при советской власти проповедовался не национализм, а интернационализм, не ксенофобия, а дружба народов, не разрыв с Москвой и русской культурой, а единение с ними. Впрочем, последний момент отчетливо стал звучать лишь со второй половины 1930-х годов, а до этого фразеология большевиков мало чем отличалась от того, что говорили по этому поводу украинские националисты.

Понимание украинской нации и Украины у советской власти и националистов было разным, но само наличие этой нации и Украины для тех и других являлось константой. Поэтому, называя украинских националистов «украинско-немецкими», советское руководство, с одной стороны, говорило правду, а с другой, ее затушевывало. От желания переиграть немцев и националистов на «украинском поле», проистекали и многие моменты в советской пропаганде. Например, украинскоязычные радиопередачи, транслировавшиеся на оккупированную территорию, раскрытие темы Т. Шевченко как духовного символа украинского народа, попираемого захватчиками, освещение уничтожения немцами украинской культуры и замалчивание русофобской сущности политики оккупантов и их пособников на Украине [38, с. 168; 35, с. 168]. И советская власть, и националисты как бы соревновались, кто из них более «украинский», и чья украинскость более правильная: советско-социалистическая или немецко-националистическая.

Эффективность

Под влиянием поражений на фронте под Сталинградом (в феврале 1943 года Красная Армия почти вышла к Днепру, но вынуждена была отступить), а потом под Курском немцам пришлось несколько умерить свою русофобию. Однако благоприятный момент для завоевания симпатий населения ими был безвозвратно упущен (хотя к этому они никогда всерьез не стремились). К тому же, на их повседневной политике эти нюансы отразились не сильно. Тем не менее в поведении оккупантов отчасти отражалась реальность – национально-культурный облик населения и его ожидания. Например, понимая языковые предпочтения жителей, немцы стали проводить более гибкую политику в области кинопроката

(вернее, кинопропаганды). Так, в Юзовке (немцы вернули городу Сталино его дореволюционное название) немецкие кинофильмы демонстрировались в соотношении один к трем: один – с украинским переводом, три – с русским (не считая немецкоязычных показов).

А вот другое свидетельство того, на чьей стороне был народ, каковы были его предпочтения. На митинге, организованном оккупантами и их прислужниками в Юзовке в августе 1943 года, выступил некий лейтенант, якобы пленный. Среди прочего он сказал: «Вы ждете русских... Но не русские, а жида и коммунисты придут к вам» [28; 19, с. 87, 94]. Судя по стилю и содержанию речи, это, скорее всего, сказал не «лейтенант», а украинский журналист – автор репортажа. Но враг проговорился, фактически признав, что люди ждали русских. Вот только их ожидания необходимо было очернить, напугав приходом не русских, а «жидов» и «коммунистов» (излюбленным сюжетом нацистской пропаганды). По словам переживших оккупацию, немцы и их прислужники внушали, что по ту сторону линии фронта, находятся не «русские» (тем более, не «свои»), а «красные» и «большевики», то есть стремились подменить национальный момент политическим. И такое наименование («красные») порой проскальзывало в речи людей, оказавшихся в оккупации [5, л. 11; 6, л. 1 об.]. Отчасти это было производным от названия Красной Армии и ее предвоенного идейно-политического багажа, в котором значительное место занимали образы времен Гражданской войны, но повлияла и пропаганда.

Ждали русских. Ждали даже советскую власть и коммунистов, на которых теперь, во время хозяйничанья немцев и украинских националистов, многие стали смотреть по-другому. Циничная и бесчеловечная политика захватчиков в социально-экономической, культурной, национальной, политической сфере очень скоро начала работать против них самих, укрепляя в населении оккупированных территорий чувство Родины, советский патриотизм и русское самосознание.

Разжечь межэтническую вражду в УССР (в границах 1939 года) и особенно в ее южных и восточных областях – полиэтничном регионе, выросшем на терпимой к «другому» русской культуре, захватчикам и их приспешникам, в целом, не удалось. Истребление населения (например, евреев) творилось руками самих оккупантов, их пособников из числа украинских националистов, различных полицейских формирований и отрядов «самообороны», в которых служили люди разных национальностей, и появление которых было не местной инициативой, а происходило по приказу оккупантов. Тем более у них не получилось

Жители Харькова встречают Красную Армию (1943 г.)

посеять рознь между украинцами и русскими, которые в массе воспринимали друг друга как «своих» и пропаганде националистов не поддались. Об этом, в частности, свидетельствует состав подпольных ячеек и партизанских отрядов.

Часто и вовсе было трудно определить, кем по национальности является тот или иной человек – русским или украинцем, настолько их культурный облик, психология и сознание были близки. Да и сам способ формирования украинской идентичности, чем два десятилетия до этого активно занималось советское государство, предполагал «выделение» украинцев из общерусской национально-культурной общности. То, что русские и украинцы, особенно в юго-восточных областях УССР, составляют, по сути, один народ, ощущали сами местные жители. Украина в их сознании, конечно, присутствовала, но, как правило, она понималась как часть России. Между ними, а главное, между их жителями не было ни границы, ни разницы: «Границы не было видно ни в степных ковылях, одинаково серебристых по ту и по другую сторону, ни в людях». Так описывал это состояние уроженец Донбасса, писатель Б.Л. Горбатов в своей повести «Непокоренные (Семья Тараса)» (о жителях Ворошилов-

града) [33]. Это чувствовали и немцы, понимали, хоть не всегда признавали вслух, украинские националисты.

В юго-восточных областях УССР, да и в республике в границах 1939 года вообще, отсутствовала массовая поддержка украинского национализма. Соответственным образом народ относился и к мероприятиям националистов. Например, при организации в Ворошиловграде «Провсвиту» некоторые ее члены-учредители стали возражать против того, чтобы принимать в нее только украинцев, объясняя это тем, что иначе общество окажется малочисленным и бессильным. Практика подтверждала эти опасения. Так, несмотря на то, что мариупольской «Провсвите» оказывали помощь местная комендатура и другие власти, влияние на народ она имела ограниченное. И случилось так во многом из-за того, что в нее принимали только украинцев, да притом лишь таких, которые проявляли интерес к украинскому делу и культуре [29, с.47, 48]. А их в городе было немного.

Подтверждением тому и масштабы советского подпольного и партизанского движения в юго-восточных областях УССР, и это даже несмотря на объективно неблагоприятные для их деятельности условия и эффективную работу полиции, жандармерии и контрразведки оккупантов.

Влияние националистов оказалось незначительным не только на Донбассе, в Харькове или Днепропетровске (хотя Днепропетровск, наряду с Киевом, был сделан оуновцами своим главным опорным пунктом «на востоке»), но даже в центральных областях УССР. По словам очевидцев, «население скоро возненавидело этих людей гораздо сильнее, чем даже немцев» [13, с.317]. Причиной, по которой оуновскому «подполью» и боевым группам созданной ОУН «Украинской повстанческой армии» не удалось закрепиться даже на Правобережной Украине, не говоря уже о более восточных и южных областях республики, стало отсутствие народной поддержки. Это вынуждены были признать сами националисты. Выражалось это даже в том, что их никогда там не называли «партизанами», то есть борцами за свободу, защитниками [17, с.381]. Это слово в русской и советской смысловой системе имело положительное содержание, и так называли только партизан времен войны 1812 года, красных партизан времен Гражданской войны (а белая эмиграция так называла своих бойцов, действовавших в тылу красных) или советских партизан уже этой войны.

Тем немногим оуновцам, кому удалось добраться до городов и поселков юго-востока, не удалось создать сколько-нибудь развернутой

подпольной сети, параллельной их официальным коллаборантским структурам, хотя условия этому в целом благоприятствовали. Заметим, что на Донбассе на большую популярность, нежели украинские националисты, могли рассчитывать представители другого коллаборантского течения – казачьего. Они, по крайней мере для той части региона, что до революции являлась частью Области Войска Донского, не были чужаками. А в оккупированной румынами Одессе большой эффект имела деятельность представителей русской белой эмиграции. Оуновцам же, чтобы заманить к себе хоть кого-нибудь из местных жителей, приходилось не афишировать свои цели и взгляды, а маскироваться под советских подпольщиков и играть на стремлении людей бороться с оккупантами.

После освобождения Донбасса, в 1944–1946 годах, по обвинению в связях с ОУН там было арестовано всего... 114 человек (80 в Сталинской и 34 в Ворошиловградской областях), тогда как полицаев и лиц, сотрудничавших с оккупационными властями, было выявлено и осуждено гораздо больше. Даже в Днепропетровской области оуновцев оказалось немного (арестовано 342 человека). Всего же по УССР за эти годы было арестовано 27389 оуновцев, из этого числа на восемь южных и восточных областей приходилось 1177 человек, то есть, всего 4,3 % от всех арестованных членов ОУН. А влияние их было и того меньше [29, с. 110, 112–113, 116, 132–133].

Такой же эффект был и в румынской зоне оккупации – в Одессе и так называемой «Трансистрии» (области между Днестром и Южным Бугом), где члены ОУН(б) и ОУН(м) пытались вести ту же работу, что и на «под-немецкой» Украине. По свидетельству начальника Одесского областного управления НКГБ полковника Д.Е.Либина, несмотря на усиленную пропаганду, нанять себе сколько-нибудь значительное число сторонников украинским националистам не удалось: «никто за ними не пошел» [7, л. 10, 13].

Немцам и украинским националистам (которые, по сути, стали такими же оккупантами) пришлось убедиться и в том, что культурной и национальной средой южных и восточных областей республики, является не только советский патриотизм, но все еще, даже несмотря на два десятка лет украинизации, и русскость. И что даже люди, записанные в документах или определявшие себя (в силу принятых в советское время норм) как украинцев, далеки от того образа и понимания нации, который стремились воплотить националисты.

«Слава богу, мы опять слышим русский разговор, – выразила чувства своих земляков жительница села Марьяновка Сталинской области Валентина Коваленко на стихийно возникшем митинге по случаю освобождения села Красной Армией. – Спасибо вам, сыночки, за освобождение. Скорее гоните этих мерзавцев, уничтожайте их беспощадно, мстите им за издевательства, которые они чинили над нами» [2, л. 31]. Примеров подобного восприятия – войны, оккупантов, освободителей, в котором национальный момент играл не последнюю роль, можно приводить долго.

Причины

Оккупационная политика нацистов, сущность которой укладывалась в три слова: «глупость, жадность и жестокость» [13, с. 331],

и деятельность немецких пособников из числа украинских националистов потерпели крах. И в том числе из-за своей национальной составляющей.

Во-первых, потому, что грубая политика, своей целью имевшая уничтожение страны и народа, вызвала отторжение и ненависть. Они процирировались и на немецко-националистическую украинизацию, самостийничество и попытки внести раскол между украинцами и русскими. Во-вторых, потому, что план Розенберга не был реализован в тех масштабах, в каких задумывался. Если бы руководство Германии последовало ему, то негативный эффект от их политики оказался бы значительно выше: и для существования единой страны, и для русско-украинского единства. В-третьих, освобождение пришло хоть и не моментально, но относительно быстро (до трех лет), и за это время насаждаемые врагом идеи не могли закрепиться в сознании людей.

Наконец, в-четвертых, в тот период чувство национально-культурного единства между украинцами и русскими как частями одного целого, причем не только как советских людей, но и как членов большой русско-культурной национальной общности, было еще велико. Его не смогла устранить политика проводившейся в предыдущие десятилетия украинизации. Слишком мало времени прошло с тех пор, когда эту общность поделили на отдельные нации. Именно это чувство общности и позволило устоять перед насаждаемой оккупантами и их пособниками политикой национальной розни и отчуждения.

Библиографический список

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 228. Оп. 747. Д. 7.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 74.
3. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. IV. Оп. 11. Д. 8.
4. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. IV. Оп. 11. Д. 9.
5. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. V. Оп. 18. Д. 6а.
6. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. V. Оп. 18. Д. 11.
7. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 14. Д. 1.
8. Баринов И.И. Направление – Украина. Опыт изучения нацистской оккупационной политики, 1941–1944. М., Б. и., 2014. 400 с.
9. Великая Отечественная без грифа секретности: книга потерь. Новейшее справочное издание. М., Вече, 2010. 384 с.
10. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. 509 с.
11. Даллин А. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего рейха 1941–1945. М., Центрполиграф, 2019. 639 с.
12. Донецкий вестник. 23 декабря 1941.
13. Дудин Л. В. В оккупации // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник. СПб., Скрипториум, 2011. 602 с.
14. Дюков А. Р. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». 2-е изд. М., Фонд «Историческая память», 2009. 176 с.
15. Житков О. А. З історії окупаційного режиму на Кіровоградщині // Велика Вітчизняна війна 1941–1945 років: сучасні проблеми історичної освіти і науки. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. Дніпропетровськ, Пороги, 2005. С. 340.
16. История Украины. Научно-популярные очерки. Под ред. В. А. Смолия. М., ОЛМА Медиа Групп, 2008. 1070 с.
17. Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади мілосердя. Партизанський фронт у тилу вермахту в Україні (1941–1944). Київ, Генеза, 2005. 408 с.
18. Клец В. К. Днепровская пресса оккупационного периода в годы Второй Мировой войны в русле осуществления оккупационной политики // Вопросы германской истории. Сборник научных трудов. Днепровск, Б. и., 2002. С. 112–119.
19. Корнилов В. В. Фашистская «украинизация» Донбасса // Украинский национализм и Донбасс. Историческая ретроспектива. Сборник материалов. Донецк, ЧП «Астро», 2010. 350 с.
20. Костянтининівські вісті. 1942. 1 січня.
21. Костянтининівські вісті. 1942. 10 червня.

22. Костянтинівські вісті. 1943. 1 серпня.
23. Круглов А.И. Преследование и истребление евреев Одессы в 1941–1942 годах // Забытый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Трансильвании. Сборник статей. М., Фонд «Историческая память», 2010. С.32–65.
24. Маринченко А.А. «Внести раздоры между народами...»: расовая политика немецких властей в отношении советских военнопленных. 1941 – начало 1942 года // Новая и новейшая история. 2014. №2. С.59–91.
25. Мариупольська газета. 1941. 30 грудня.
26. Маріупільська газета. 1942. 21 квітня.
27. Маріупільська газета. 1942. 4 серпня.
28. Маріупільська газета. 1943. 19 серпня.
29. Нікольський В.М. Підпілля ОУН(б) у Донбасі. Київ, Б. и., 2001. 177 с.
30. Нова Україна. 1942. 12 лютого.
31. Нове українське слово. 1942. 3 березня.
32. Политическое руководство Украины 1938–1989. М., РОССПЭН, 2006. 544 с.
33. Правда. 1943. 6 октябрю.
34. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). Изд.3. М., Экономика, 1985. 328 с.
35. Синицын Ф.Л. Национальный вопрос на оккупированной территории СССР. 1941–1944. Пермь, Пермский ЦНТИ, 2013. 548 с.
36. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. М., Госполитиздат, 1943. 94 с.
37. Украинский национализм и Донбасс. Историческая ретроспектива. Сборник материалов. Донецк, ЧП «Астро», 2010. 350 с.
38. Харьковщина в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941–1943 гг. Сборник документов и материалов. Харьков, Прапор, 1965. 428 с.
39. Шайкан В.О. Стічні німці в роки гітлеровської влади // Велика Вітчизняна війна 1941–1945 років: сучасні проблеми історичної освіти і науки. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. Дніпропетровськ, Пороги, 2005. 340 с.
40. Штэппа Э.К. Из воспоминаний // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник. СПб., Скрипториум, 2011. 602 с.

Или капитализм, который является прямой дорогой в ад, или социализм, если вы хотите построить Царство Божье на земле.

Уго Чавес

Ход истории необратим.
Капитализм с его эгоизмом,
преступлениями и пороками
отомрет, как отмерли
рабовладельческие
и феодальные общества.

Фидель Кастро

Даниэль Камари

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

КАПИТАЛИЗМ И ИДЕОЛОГИЯ

УДК

330.342.146

Статья посвящена вопросу о том, может ли «капитализм для всех заинтересованных сторон» (stakeholder capitalism) прижиться в России и в мире. Анализ разных источников показывает, что для перехода капитализма на новый уровень требуются определенные условия. Одним из них является отсутствие или низкий уровень коррупции. Преимущество имеют небольшие по территории страны, которые легче поддаются управлению (Германия, Швейцария, Норвегия, Швеция, Япония и др.). Однако в больших странах (Россия, Китай, Бразилия, США и др.) с делами, связанными с коррупцией и нарушением трудовых и гражданских прав человека, сталкиваются чаще. Это порождает тенденцию к снижению реальных доходов при росте долга домашних хозяйств, снижению покупательной способности и замедлению темпов роста мировой торговли.

The article discusses the issue of what role can be played by stakeholder capitalism in Russia and in the world. After the 2020 World Economic Forum the word 'stakeholder' became very popular. Economists, financiers and investors say that stakeholder capitalism is future of the world economy. In spite of that, the analysis of various sources shows that certain conditions are required for the conversion of capitalism. One of them is the absence or low level of corruption. Small countries, which are easier to manage (Germany, Switzerland, Norway, Sweden, Japan, etc.), have an advantage. However, in large countries (Russia, China, Brazil, USA, etc.), cases involving corruption and violation of labour and civil human rights are more common. This gives rise to a downward trend in real incomes, household debt increase, purchasing power declines, and world trade growth slows.

Ключевые слова: акционерный капитализм; коррупция; стейкхолдеры; социализм; индикативное планирование.

Key words: shareholder capitalism; corruption; stakeholder; socialism; indicative planning.

E-mail: danikamari@mail.ru

Глубокие перемены, связанные с непрерывным процессом интеграции мирового хозяйства, показали, что существующая неолиберальная модель развития общества имеет много слабых звеньев. Среди них неравенство доходов и бедность, трудовая эксплуатация, несовершенство законодательства и т. д. Но еще одним существенным недостатком являются низкие темпы роста производительности труда, которые начали снижаться еще в начале XXI в. и до сих пор не вернулись к показателям 90-х гг. Об этом вышло немалое количество работ. Одни ищут причины в низких зарплатах и тяжелых условиях труда. Другие, как Дж. Гроссман, Э. Хелпман, Э. Оберфилд, Т. Сампсон, считают, что спад производительности связан со снижением разделения труда [19]. Они все по-своему правы. Но мировой масштаб всех этих явлений указывает на более глубокие процессы, происходящие в обществе.

Первым тревожным звоночком для всего мирового сообщества стал азиатский финансовый кризис 1997–2001 гг. Последующие мировые финансовые кризисы (2008–2009, 2014–2015) лишь еще больше обнажали беспомощность властей перед экономической нестабильностью и формировали особенности развития и управления мировым хозяйством. С развитием технологий и увеличением числа пользователей общество все больше стало нуждаться в смене модели экономического роста для предсказуемости определенных процессов и уменьшения фактора неопределенности в экономическом развитии. Стоит отметить, что это происходило параллельно технологическому развитию. В США доля домохозяйств, имеющая компьютеры, начала увеличиваться с середины 80-х гг. В 1984 г. она составила 8,2% [24]. Но в дальнейшем стала быстро расти. В 1993 г. доля выросла в 5 раз, достигнув 36,6%, а в 2000 – 51%. К этому последнему показателю Россия пришла лишь в 2010 г. (по данным Федеральной службы статистики – 54,5%). В 2011 г. в 66% российских домохозяйств имелись компьютеры [3]. Однако Россия очень быстро догнала США. Известно, что доля домохозяйств, имеющих компьютеры с выходом в интернет, достигла в 2018 г. 76,6% [8, с.387]. По сравнению с 2010 г. эта цифра увеличилась на 22,1%, т.е. годовой прирост составляет 2,7% [3]. Население страны стало больше пользоваться интернетом. Если в 2014 г. интернетом пользовались 60,7% членов домохозяйств [7, с.334], то к 2018 г. их стало на 20,2% больше [8, с.388]. Значительно увеличилось число мобильных устройств с выходом в интернет. В столичных городах уже произошел перевес в сторону мобильных телефонов [5, с.25]. Из них чаще выходят в интернет, чем через компьютер. Быстрое развитие информационных технологий (программных продуктов) привело к тому, что мировая финансовая система стала перемещать-

ся в цифровое пространство. В результате к 2020 г. мировое сообщество оказалось на переломном этапе, когда число пользователей компьютеров и мобильных устройств в развитых и развивающихся странах перевалило за 60–70% от общего числа населения. Высокий спрос на устройства зародил тенденцию к смене технологического уклада и модели экономического роста.

Но в то же время следует отметить, что спрос на технологическую продукцию был вызван искусственно. Вывода на рынок новый продукт, технологические компании ускоряли темпы структурных изменений, что привело к диспропорциональному развитию экономических и общественных отношений как на глобальном уровне, так и на региональном. Эти диспропорции могут принести некоторые затруднения на пути к переходу к новой модели мирового экономического развития и формирования здорового общества нового типа. Приведем лишь некоторые:

- *отставание уровня культуры от технологического развития;*
- *низкие темпы роста производительности труда, неэффективное управление и организация труда в условиях глобальных трансформаций;*
- *рост доходов меньшинства при обеднении большинства;*
- *рост кредитования населения при высоком уровне бедности и др.*

В России, как и во всех странах мира, чувствительно воспринимаются все структурные изменения в мировой экономике. Однако в США еще в 1993 г. был утвержден Федеральный закон «Об оценке результатов деятельности государственных учреждений». Этот закон предполагал пятилетние стратегические планы развития. Ответственность за их выполнения лежали на агентствах. Во время второго срока президентства Б.Обамы стратегическое планирование вышло на новый уровень. Вышло два новых закона о результатах деятельности госучреждений (2011, 2015). В России же интерес к возрождению плановых заданий возник во время азиатского финансового кризиса в 2000 г. и прихода к власти В.В.Путина. Но, конечно же, это не имело никакого отношения к советской плановой экономике. Через несколько лет все старания воплотились в Национальных проектах. В 2005 г. некоторые проекты были утверждены президентом России. Запуск нацпроектов действительно поспособствовал экономическому росту. Тем не менее некоторые проекты либо не были до конца реализованы, либо были пролонгированы для завершения. С 2018 г. начинается новый этап в стратегическом планировании. Появляются приоритетные направления и долгосрочные задачи.

Президент Всемирного экономического форума Клаус Шваб считает, что настало время вернуться к забытой теории «капитализма для всех заинтересованных сторон» (stakeholder capitalism). По его мнению, как акционерный капитализм, так и государственный, показали себя неэффективными системами управления, настало время для модернизации капитализма. Но что такое «капитализм для всех заинтересованных сторон»? Идея стейкхолдерского капитализма появилась достаточно давно. В 60-х гг. в стенах Стэнфордского научно-исследовательского института ею занимались выходец из СССР Игорь Ансов и американец Роберт Стюарт. В 80-х гг. вышла работа Роберта Фримана, которая вновь привела к подъему интереса к стейкхолдерам. Он и его сторонники (Р.Филиппс, Дж.Барри и др.) считают, что преодолеть кризис мировых масштабов крупнейшие корпорации, контролирующие значительную часть мировой экономики, смогут только при смене системы управления и организации деятельности. Если кратко, то суть всей концепции сводится к тому, что в корпорации «все стороны» должны быть заинтересованы в развитии. Именно это может привести к максимизации эффективности от деятельности компании. Такая политика требует изменения отношения ко всем участникам деятельности корпорации или компании (stakes) – к акционерам, топ-менеджменту, сотрудникам, поставщикам, клиентам и т.д. Каждый участник имеет свою стратегию. Также предполагается возрождение корпоративных ценностей (corporate values) [16, pp.46–54]. Однако Фриман и его последователи указывают на то, что такая модель не везде может прижиться [20, pp.12–13]. Более того, теория Фримана не раз подвергалась критике. Кеннет Гудпастер справедливо отмечает о трудностях соблюдения этического аспекта [18, p.63], так как управляющий несет фидуциарные обязательства перед акционерами. Пока что сдвинуться в этом вопросе не сильно удалось.

В связи с этим вызывает интерес, может ли «капитализм для всех заинтересованных сторон» решить многие глобальные вопросы, стоящие в настоящий момент перед мировым сообществом и отдельными странами и, в частности, перед Россией.

Культура и технологии

С 2010 г. выпуск инновационных технологий настолько ускорился, что за ним не успевают ни законодательство, ни государственные институты.

Попытка создания Открытого правительства (Open Government Partnership) по всем странам мира для стандартизации принятия решений на государственном уровне, обернулось частичным крахом. До сих пор даже не удалось справиться с прямыми обязанностями по борьбе с коррупцией и бю-

рокрацией в странах-участниках Открытого правительства. Многие страны, как Россия, Китай, Вьетнам, ОАЭ, Корея и др., отказались от этой системы. Это означает, что большая часть жителей в мире отдает предпочтение другой доктрине государственного управления. На это есть причины. Согласно опросу ВЦИОМ от декабря 2020 г., лишь 13% населения России не могут выполнить свои обязанности без интернета [4]. Все остальные считают, что интернет может либо частично, либо вообще не изменить ничего в жизни. Но при этом 51% использует интернет для выполнения своих профессиональных обязанностей. Интернет в мире в основном воспринимается как средство для коммуникации и развлечений. Неудивительно, что высокое недоверие в мире вызывает использование цифровых платформ в политике, которые часто создаются за счет частного капитала. Скандалы последних лет вокруг выборов в США и в мире связаны с электронным голосованием. Отсутствие прозрачности в технологиях не дают покоя людям. Подтверждает этот довод глобальный доклад о состоянии доверия в мире. 61% опрошенных респондентов заявляют о том, что технологии развиваются слишком быстро, а государство не умеет эффективно ими пользоваться. 76% респондентов не доверяют средствам массовой информации [14]. Разве что успехи идут в использовании банковских инструментов. Общее число транзакций по картам, начиная с 2010 г. растет ускоренными темпами. Доля безналичных платежей в общих расходах граждан в России с 2017 г. выросла на 15% и к I кв. 2020 составила 53,1%. Почти 3% рост пришелся на период январь–апрель 2020 г. Но это не меняет суть восприятия цифровых систем [1].

Результатом ежегодного форума в Давосе в 2020 г. стал Манифест, который ставит новые цели перед корпорациями и компаниями. Они сводятся к уходу от акционерного капитализма. Большая часть компаний согласилась с необходимостью рассмотреть этот вопрос. Однако компании, несмотря на все обстоятельства, не сильно спешат менять свою политику. В этом и заключается глубокая ошибка всех трансформационных процессов. Реформы должны были начаться с политики крупных корпораций, а произошло ровно наоборот – «начали снизу». Поэтому неудивительно, что многие инновационные проекты как в России, так и в других частях света были реализованы на низком уровне. Заинтересованность работников в участии в создании инновационных продуктов достаточно низкая. Кроме того, политика по внедрению инновационных технологий без борьбы с коррупцией является фактором еще больше увеличивающим коррупцию. Об этом свидетельствуют скандалы по модернизации оборудования заводов, мошеннические схемы по строительству частных технопарков за счет государства и т. д.

За последние годы уровень коррупции растет в ведущих развитых и развивающихся странах мира. Согласно данным индекса восприятия коррупции (Corruption Perception Index), США с 2012 по 2019 г. опустилась на 4 позиции, а Бразилия и Турция на 37 позиций. Большинству же ведущих экономик мира не удалось улучшить свои позиции (Китай, ЮАР, Индия и др.) [12, 13]. Очевидно, что крупным странам значительно сложнее бороться с коррупцией. Однако в действительности все намного сложнее. Даже в странах, где уровень коррупции находится на низком уровне, существует немало проблем. В Австралии число обращений к омбудсмену по справедливым трудовым отношениям с 2011 г. увеличилось в 8 раз [15]. В Великобритании среднее число потерянных дней из-за забастовок увеличилось с 2013–2018 [22]. В 2018 г. причиной более половины забастовок была связана с зарплатой. При всем этом вызывает любопытство факт снижения числа трудовых конфликтов в России с 2010 г. Ответ прост – граждане без особой охоты обращаются в трудовую инспекцию и не ждут поддержки со стороны профсоюзов. Рост недоверия общества к институтам власти высок, но при этом предпринимательскому сообществу по всему миру не хватает должного уровня культуры и организации. За последние несколько лет в США крупнейшие корпорации бесконечное количество раз заявляли о том, что они заинтересованы в благополучии своих сотрудников. Некоторые руководители этих компаний, в том числе инвестиционных, даже утверждают, что они планомерно переходят к стейкхолдерскому менеджменту (Coca-Cola, Aflac, Walmart, BlackRock Inc. и др.). В 2018 г. в ежегодном докладе компании Кока-Кола Business & Sustainability (Бизнес и устойчивость) слово stakeholder упоминается более сорока раз [10]. На деле многое складывается по другому сценарию. В 2018 г. в Алабаме произошла крупная забастовка у здания Кока-Колы из-за нежелания компании увеличивать зарплату сотрудникам. Недовольные политикой гиганта есть и в Китае и в Испании. Кстати, именно там произошли в 2020 г. крупные забастовки из-за закрытия предприятий и невыплаты зарплат. Еще одним подтверждением расхождения между многочисленными заверениями руководителей крупных корпораций и реальными действиями является уровень нарушения трудовых прав граждан по всему миру. Согласно подсчету составителей ежегодного доклада Global Rights Index за 2019 г., в США систематически нарушаются трудовые права граждан. В таких странах, как Канада, Россия, Испания, Великобритания, права нарушаются часто [21].

Стоит отметить, что во многих странах мира, в том числе в России и в Китае, число бюджетников составляет больше 40%. В большинстве стран Европы доля государства ниже, чем в России, но остается доста-

точно высокой – 30–20%. В случае резкого сокращения доли государства в условиях ускорения экономического развития такие страны, как Россия, могут испытать еще больший подъем коррупции, безработицы и неравенства. Яркий пример тому приватизационные волны 90-х гг. в России, которые привели к формированию особого класса управленцев с крайне либеральными взглядами на организацию и управление предприятиями. В условиях интеграции мирового хозяйства ослабление роли акционерного капитализма и коррупции будет очень непростой задачей, а значит и переход на «капитализм для всех заинтересованных сторон» возможен только в тех странах, где созданы определенные условия.

Капитализм и глобализация

К стейкхолдерскому управлению можно по-разному отнестись. Кэрролл и Бухольц отмечают очень важный момент. Группы (stakes), участвующие в деятельности компании, сильно привязаны друг к другу. Такая зависимость уравнивает по значимости все группы. Однако каждая группа имеет определенные цели, которые могут не совпадать с деятельностью другой группы [11, pp. 65, 73, 83]. Разница во взглядах может быть и на уровне отдельных руководителей фирм. В капиталистической системе индивидуальные цели ставятся выше коллективных. Это означает, что корпорация, состоящая из нескольких компаний, не может качественно развиваться, эффективно пользоваться ресурсами и заботиться о своих кадрах. Низкие темпы производительности труда вообще стали «новой нормальностью». Самые высокие показатели производительности в XX в. пришлись на промежуток между 1963 г. и 1973 г. Рост мирового ВВП на душу населения в 1964 и 1973 гг. составил 6,57% и 6,6% соответственно [17]. Это происходило в условиях быстрого подъема науки и культуры, противостояния СССР и США, политики дирижизма во Франции и социально-рыночного капитализма в Германии. В то время по всему миру было много глубоко убежденных людей в прогрессивном характере капитализма, но он оказался крайне плоским и однотипным в условиях ускоренной глобализации.

Чтобы справиться с экономической неопределенностью, многие страны уже давно прибегают к элементам планирования. Возрождается интерес к социализму, который неуклонно растет во многих капиталистических странах. В 2020 г. в США опрос населения показал удивительные результаты. 47% опрошенных респондентов проголосовали бы за президента-социалиста. При этом только 39% американцев оценивают положительно со-

циализм. Показатель этот мог быть еще выше, если бы не воспоминания о противостоянии СССР и США [23]. В России гораздо больше людей хотели бы возвращения социалистической системы. На это указывают опросы разных лет [9; 6]. В 2007 г. 71% опрошенных положительно отнеслись к социалистической системе [9]. Причины столь большого интереса к социализму и плановой экономике ясны – это стабильность политического и экономического курса, восстановление межличностного доверия, увеличение благосостояния граждан. Общество остро нуждается и в многоступенчатом развитии системы организации и управления, а также ясного для граждан курса развития. В Германии, Франции и Японии после Второй мировой войны решились перейти к индикативному планированию. Результат оказался впечатляющим. За короткий срок им удалось восстановить полностью разрушенные страны. В настоящее время интерес к этой теме вновь возродился в Германии в связи с мировыми финансовыми кризисами. Также в странах СНГ с момента развала СССР не перестают обсуждать возможность перехода на индикативное планирование. Но трудно оценить, какой может быть эффект от перехода на индикативное планирование в России, в Белоруссии или в другой стране бывшего советского лагеря. Главной функцией индикативного планирования является все-таки подготовка информации о развитии страны и субъектов для прогнозирования экономического развития. В Национальных проектах цифры уже есть. Однако нет гибкости показателей, которую необходимо достичь, и их вариативности. Нет и вариативного предвидения кратко- и среднесрочных темпов развития государства, его соседей и партнеров. Но проблема России и других стран СНГ более глубокая. Она сводится к тому, что по тем или иным причинам, поставленные индикаторы не достигаются. Ответственность с кураторов и исполнителей проектов снимается. Поэтому требуются дополнительные законодательные, организационные и доктринальные инструменты. В советское время в 20-е гг. именно повышение личной ответственности руководителей за выполнение поручений и повышение квалификации управленческих кадров позволило совершить прорыв [2, с.213–229]. Индикативное планирование в своем классическом варианте мало что может изменить в сложившейся ситуации в России, так как оно создавалось для небольших европейских стран. По этой причине не удастся выполнить и согласительную и стабилизационную функции индикативного планирования. По меньшей мере наивно полагать, что тот успех, который имело индикативное планирование после Второй мировой войны, повторится без каких-либо изменений. Тогда люди восстанавливали экономику после самой тяжелой и разрушительной войны в истории человечества. Кроме того планирование обязано иметь

конечную цель, которая должна быть известна всем заинтересованным сторонам и не идти против глобальных интересов. Подобные масштабные проекты потребовали бы вынесения их на общественное обсуждение. При всем этом за последние тридцать лет качественных сдвигов в мировой политике не было, а популизм распространяется быстрее вируса. В России государственная идеология запрещена, политические доктрины как инструменты развития используются не в полной мере (только в национальной безопасности), а парципаторная демократия не работает из-за отсутствия открытости и прозрачности цифровых платформ. Приоритет экономических интересов в ущерб политическим изменениям подрывает интересы всех сторон, участвующих в развитии нашего общества.

Заключение

Искусственное ускорение технологического развития при отставании политических институтов приносит немало проблем обществу. В мире нет общественного согласия, а неолиберальное мышление является естественным препятствием к эффективному менеджменту вне зависимости от масштабов страны, его населенности и этнического состава. Таким образом, ни стейкхолдерский менеджмент, ни индикативное или стратегическое планирование не в состоянии справиться с проблемами глобализации без концепции идеологического развития государства и региона.

Библиографический список

1. Безналичные платежи в России / Тэдвайзер. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Безналичные_платежи_в_России (дата обращения: 10.02.2021).
2. Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления СССР. М: Мысль, 1987. 432 с.
3. Доля домохозяйств, имеющих персональный компьютер, в общем числе домохозяйств (2010–2018). Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mon-sub/2.6.2.xls (дата обращения: 10.09.2020).
4. Жизнь онлайн: потребление, пользование, развлечения / Опрос ВЦИОМ 16 декабря 2020 г. URL: www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-onlain-potreblenie-polzovanie-razvlechenija (дата обращения: 17.02.2021).
5. Информационное общество в Российской Федерации. 2019: статистический сборник – М.: НИУ ВШЭ, 2019. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/info-ob2019.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).
6. «Левада-центр»: 68% россиян хотели бы возвращения к социализму и СССР / Ведомости 19 апреля 2016 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/04/19/638242-68-rossiyansotsializmu> (дата обращения: 22.02.2021).

7. Россия в цифрах. 2015: Крат. стат. сб./Росстат-М., 2015. 543 с.
8. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. /Росстат-М., 2019. 549 с.
9. Социализм в России: Возможен ли он? И нужен ли? Опрос ВЦИОМ 22 марта 2007 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczializm-v-rossii-vozmozhen-li-on-i-nuzhen-li> (дата обращения: 10.01.2021).
10. Business & Sustainability. The Coca-Cola Company 2018. URL: www.coca-colacompany.com (дата обращения: 11.02.2021).
11. Carroll A., Buchholtz A. Business and society: Ethics and stakeholder management (6th ed.). Mason: Thompson Learning, 2006. 745 p.
12. Corruption Perception Index 2012. Transparency International. URL: https://images.transparencycdn.org/images/2012_CPI_brochure_EN_200407_130607.pdf (дата обращения: 12.12.2020).
13. Corruption Perception Index 2020. Transparency International. URL: https://images.transparencycdn.org/images/CPI2020_Report_EN_0802-WEB-1_2021-02-08-103053.pdf (дата обращения: 12.12.2020).
14. Edelman Trust Barometer 2020. Global report. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files> (дата обращения: 05.02.2021).
15. Fair Work Ombudsman. Annual Report 2018/2019. URL: <https://www.fairwork.gov.au/about-us/access-accountability-and-reporting/annual-reports> (дата обращения: 11.06.2020).
16. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Cambridge, 2010.
17. GDP per Capita Growth (Annual %) World Bank. URL: data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG (дата обращения: 21.01.2021).
18. Goodpaster K.E. Business Ethics and Stakeholder Analysis // Business Ethics Quarterly. 1991. Vol. 1. Pp. 53–73.
19. Grossman G., Helpman E., Oberfield E., Sampson T. The Productivity and the Declining Labor Share: A Neoclassical Exploration // National Bureau of Economic Research. 2017. Working paper 23853, pp. 1–51. URL: ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/23853.html (дата обращения: 30.05.2021).
20. Harrison J.S., Barney J.B., Freeman R.E. and Phillips R.A. The Cambridge Handbook of Stakeholder Theory. Cambridge, 2019. 298 p.
21. ITUC Global Rights Index 2020. The World's Worst Countries For Workers. URL: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/ituc_globalrightsindex_2020_en.pdf (дата обращения: 12.01.2021).
22. Labour Disputes in the UK: 2018. URL: www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/workplacedisputesandworkingconditions/articles/labourdisputes/2018 (дата обращения: 22.02.2021).
23. Public Opinion Review: Americans' Reaction to the World 'Socialism' / Gallup. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/287459/public-opinion-review-americans-word-socialism.aspx> (дата обращения: 15.01.2021).
24. Statista. Percentage of households with a computer at home in the United States from 1984 to 2010. URL: <https://www.statista.com/statistics/184685/percentage-of-households-with-computer-in-the-united-states-since-1984/> (дата обращения: 15.02.2021).

Наши авторы

Сафарян Левон Араикович

сотрудник Центра проблем Кавказа
и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России

Соколов Александр Сергеевич

студент-бакалавр Московского государственного
областного университета (МГОУ)

Морозова Алла Юрьевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Рублев Дмитрий Иванович

кандидат исторических наук, доцент
Факультета государственного управления
Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова, ведущий специалист
Российского государственного архива
социально-политической истории

Писарькова Любовь Федоровна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Горячева Мария Александровна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института языкознания РАН

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
государственной политики ГОУ ВО ЛНР
«Луганский государственный университет
имени Владимира Даля», г.Луганск, ЛНР/Украина

Марчуков Андрей Владиславович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Камари Даниэль Михайлович

член Вольного экономического общества России

Our authors

Safarian Levon Araikovich

Employee of the Center for Caucasian Problems
and Regional Security, MGIMO University

Sokolov Aleksander Sergeevich

bachelor student, Faculty of History, Political Science and Law,
Moscow State Regional University

Morozova Alla Yur'evna

Ph.D., historian, Research Fellow, Institute of Russian history
of Russian Academy of Sciences

Rublev Dmitrii Ivanovich

Ph.D., historian, Associate Professor,
Faculty of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University,
Leading Specialist of the Russian State Archive
of Social and Political History

Pisar'kova Lyubov' Fedorovna

D.Sci., historian, senior researcher of Institute
of Russian history of Russian Academy of Sciences

Goryacheva Mariya Alexandrovna

Ph.D., philologist, Research Fellow, Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Associate Professor, Ph.D., historian,
Associate Professor of the Department of State Policy,
Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk,
Lugansk People's Republic / Ukraine

Marchukov Andrei Vladislavovich

Ph.D., Research Fellow of the Russian History Institute RAS

Kamari Daniel

Member of the Free Economic Society

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел. 8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2021.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 01.07.2021. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

3.2021 may-june

Geopolitics and International Policy Issues

Levon Safarian

A New Stage of the Kurdish Struggle in Iraq:
the Confrontation with Saddam Hussein and
the Formation of the Kurdish Autonomous Region _____ 6

Pages of History

Aleksander Sokolov

Romanov Dynasty Marriages as a Problem
of Anthropological Antagonism
(19th – Early 20th Centuries) _____ 24

Alla Morozova

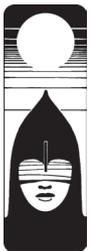
Journey to Mars and Martian Society through
the Eyes of an Earthling in the Works
of P.P. Infantiev and A. A. Bogdanov _____ 36

*Lyubov' Pisar'kova,
Mariya Goryacheva*

Life in a Village and a Mining Settlement in
the First Quarter of the 20th Century. From the
Biographical Story of F. A. Pisarkova “My Parents” _____ 60

Dmitrii Rublev

The Author of the Concept of “Free Soviets”:
the Life and Ideas of Maxim Raevsky _____ 84

National Doctrine

Igor' Tatarinov

Transformation of the Status and
Administrative-Territorial Boundaries
of Taurida in 1774–1917 _____ 114

Topical Archive

Andrei Marchukov

Ukrainization Under the Heel of the
Occupiers: German Nazis and Ukrainian
Nationalists (Southeast of the Ukrainian
SSR, 1941–1944) _____ 134

Readers' Letters

Daniel Kamari

Capitalism and Ideology _____ 162

РОССІЯ XXI